

Костромской государственной историко-архитектурной
и художественной музей-заповедник

ДИНАСТИЯ ТРЕТЬЯКОВЫХ
в истории промышленного развития
и благотворительности России

(Коллективная монография)

Кострома
2015

ББК 63.3(2)5

УДК 947.083

Д 466

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук, профессор Е. А. Чугунов (науч. ред.),
Н. В. Павличкова (отв. ред.), кандидат исторических наук И. С. Наградов

Д 466 Династия Третьяковых в истории промышленного развития и благотворительности России: Коллективная монография / Е. А. Чугунов (науч. ред.), Н. В. Павличкова (отв. ред.), И. С. Наградов. – Кострома: Костромаиздат, 2015. 160 с.

ISBN 978-5-98295-064-2

ББК 63.3(2)5

УДК 947.083

Научное издание

ДИНАСТИЯ ТРЕТЬЯКОВЫХ
в истории промышленного развития и благотворительности России

Компьютерная верстка Ю. Б. Орловой.
Корректор Т. В. Горлова.

Подписано в печать 16.01.2015.

Формат 60х90/32.

Гарнитура Times New Roman.

Усл.-печ. л. 5.

Тираж 500 экз.

Заказ № 7.

ООО «Костромаиздат»
156000, г. Кострома, ул. Горная, 20А, (4942) 31-61-30.

ISBN 978-5-98295-064-2

© ООО «Костромаиздат», 2015

© ОГБУК «Костромской государственный
историко-архитектурный и художественный
музей-заповедник», 2015

© Коллектив авторов

Введение

Династия Третьяковых в истории промышленного развития и благотворительности России

Имена Павла Михайловича (1832–1898) и Сергея Михайловича (1834–1892) Третьяковых занимают одно из важнейших мест в анналах истории российской промышленности, предпринимательства, благотворительности и меценатства. Неоценим их вклад и в российскую культуру: Павел Михайлович Третьяков – является создателем знаменитой сокровищницы русской живописи – Третьяковской галереи¹.

Сергей Михайлович Третьяков также коллекционировал произведения живописи, но чтобы не составлять конкуренцию брату, он собирал работы западноевропейских художников. К моменту его смерти коллекция насчитывала 84 предмета (живописные полотна и рисунки), которые Сергей Михайлович, по совету брата, также завещал городу Москве. Впоследствии они вошли в состав собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

И Павел Михайлович, и Сергей Михайлович были московскими купцами 1-й гильдии. П. М. Третьяков с 1897 года являлся Почетным гражданином г. Москвы. С. М. Третьяков был Потомственным почетным гражданином, в 1878 году получил дворянство, имел чин действительного статского советника, исполнял обязанности гласного Московской городской Думы (1866–1892) и московского городского головы (1877–1881).

В то же время жизнь и деятельность братьев Третьяковых была тесно связана с Костромской землей. Они являлись совладельцами торгового дома «П. и С. Братья Третьяковы и В. Коншин», а также текстильной фабрики «Новая Костромская льняная мануфактура». Павел Михайлович был директором правления предприятия².

Эта связь не является случайной. Еще в XVIII веке Кострома по праву носила звание льняной столицы России. К концу XVIII столетия более 90 % российского льняного полотна, поступавшего в Санкт-Петербургский порт, производилось в Костроме.

Сырье для этого производства в изобилии поставляли костромские крестьяне, для которых выращивание и первичная обработка льна являлись одними из основных занятий.

Однако в первой половине XIX века серьезную конкуренцию костромским мануфактурам стало составлять изготовление полотна на фабриках с применением паровых машин, что привело к разорению подавляющего большинства местных мануфактур и упадку костромской текстильной промышленности.

Только во второй половине XIX века купеческие капиталы снова стали поступать в текстильную отрасль Костромского края. В числе предпринимателей, участвовавших в возрождении льноткацкого производства, были и братья Третьяковы, которые вместе с костромичами основали Товарищество Новой Костромской льняной мануфактуры³.

Это предприятие, созданное в 60-е годы XIX века, продолжает работать в начале нового тысячелетия и производить высококачественную продукцию, располагаясь в фабричных корпусах, построенных на средства своих основателей. Ныне оно именуется Большой Костромской льняной мануфактурой, на предприятии действует музей, ведется активная деятельность по изучению и сохранению сведений, документов и материалов по истории БКЛМ. Эту работу возглавляет Виктор Васильевич Афанасин – заместитель генерального директора ООО «БКЛМ-Актив».

Сегодня текстильная, и, прежде всего, льноперерабатывающая промышленность, которая вот уже почти два столетия является ведущей отраслью экономики нашего региона, вновь, как и в начале XIX века, переживает кризис, не выдерживая конкуренции с более дешевыми и зачастую менее качественными импортными товарами. Поэтому столь актуальным является обращение к опыту наших выдающихся земляков и соотечественников – промышленников, предпринимателей, которые в не менее сложных условиях осуществляли деятельность по возрождению костромской текстильной промышленности на основе машинного производства.

Осмыслению богатейшего историко-экономического опыта и поиску путей для решения данной задачи и была посвящена межрегиональная научно-практическая конференция «Династия Третьяковых в истории промышленного развития и благотворительности России», которая состоялась 10 апреля 2008 года в г. Костроме на территории Большой Костромской льняной мануфактуры. Ее организаторами выступили: администрация ООО «БКЛМ-Актив», департамент культуры Костромской области, Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, ООО «Костромская областная ор-

ганизация общества «Знание» России», Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова, Костромской государственной технологической университет, Государственный архив Костромской области, Костромской филиал Российского государственного гуманитарного университета, редакция историко-краеведческого, культурно-просветительского, научно-популярного журнала «Губернский дом».

В конференции приняли участие профессора, преподаватели, студенты и аспиранты вузов Костромской, Ивановской, Ярославской областей, сотрудники Государственной Третьяковской галереи, сотрудники учреждений культуры нашего региона: Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, Костромского архитектурно-этнографического и ландшафтного музея-заповедника «Костромская слобода», Костромской областной универсальной научной библиотеки им. Н. К. Крупской, Государственного архива Костромской области, представители Костромской епархии Русской православной церкви, общества «Знание», туристических фирм г. Костромы.

Участники конференции посетили некрополь церкви Спаса на Запрудне, где похоронены известные костромские предприниматели, в том числе соратники Третьяковых – костромские купцы Коншины, Кашины и др. В память о них была совершена торжественная лития. Еще одним местом посещения стал частный Музей-усадьба льна и бересты, экспозиция которого рассказывает о традициях льноводства в Костромском крае.

Материалы конференции легли в основу данной монографии, которая, несомненно заинтересует историков, краеведов, учителей, студентов, а также всех, кому небезразлична история родного края, его промышленного развития и благотворительности.

¹ Репин И. Е. *Далекое и близкое*. 9-е изд. Л., 1986. С. 155.

² См. *Губернский дом*. 2006. № 6.

³ См. Владимирский Н. Н. *Костромская область. Историко-экономический очерк*. Кострома, 1959.

Раздел I.

Вклад братьев Третьяковых
в развитие льняного дела России

Директора Новой костромской льняной мануфактуры: опыт управленческой деятельности

История и опыт отечественного предпринимательства в современной России оказались актуальной и востребованной сферой исследований. Институтом российской истории РАН реализован проект всестороннего изучения условий, особенностей, форм предпринимательской деятельности в дореволюционной России, показан духовный облик предпринимателей, их вклад в процессы российской модернизации во второй половине XIX – начале XX столетий¹. Значительное внимание в рамках реализации проекта уделяется изучению общественной и политической деятельности предпринимателей, взаимоотношениям делового мира с верховной властью. Исследуется становление, хозяйственная и благотворительная деятельность отдельных предпринимательских династий. Публикуются дневники и воспоминания фабрикантов². В потоке исследований по данной теме, особенно на региональном уровне, ощущается явный крен в сторону характеристики благотворительной деятельности и идеализации дореволюционного предпринимательства. При этом умалчивается, что благотворительность была по силам лишь владельцам крупных предприятий, а общественной и политической деятельностью возможно было заниматься лишь делегировав значительную часть управленческих и хозяйственных функций на предприятиях корпусу директоров и управляющих. Менеджмент дореволюционных фирм и производств до сих пор остается за рамками интересов исследователей. Реконструкция работы директоров и управляющих сложна в силу разрозненности источников. Финансовая и техническая документация предприятий, фиксируя состояние дел, лишь косвенно отразила процесс выработки и принятия решений, как и круг обязанностей управленцев. Лучше он отражен в протоколах общих собраний и правлений акционерных обществ, а также в личной и деловой переписке дирекции предприятий с ее владельцами.

Новая (с 1912 г. Большая) Костромская льняная мануфактура представляла собой типичное крупное провинциальное предприятие, владельцы которого находились в Москве, имея в качестве директоров предприятий их соучредителей или родственников. Объектом исследования в данной статье является деловое поведение и характер взаимодействия дирекции

предприятия с его владельцами – московскими купцами Третьяковыми. Особое внимание уделено директорам Новой Костромской льняной мануфактуры Н. К. Кашину (1880–1905) и В. А. Шевалдышеву (1906–1917). Причем Н. К. Кашин являлся не только директором, но и совладельцем предприятия, сыном одного из основателей фирмы К. Я. Кашина, а В. А. Шевалдышев был связан с Третьяковыми узами родства. Третьяковы при этом не оставались в стороне от управления предприятием. Все шаги директоров координировались владельцами, которым дирекция была полностью подотчетна. Доверительные отношения способствовали этому взаимодействию.

Нами было рассмотрено 14 писем Н. К. Кашина П. М. Третьякову с 1 июня 1883 по 23 июля 1897 г., 25 писем В. А. Шевалдышева Сергею Николаевичу, 2 – Владимиру Дмитриевичу Третьяковым и 1 письмо – в правление Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры за период с 9 октября 1906 по 25 февраля 1908. На основе контент-анализа переписки Шевалдышева можно составить перечень наиболее злободневных проблем в работе директора крупного текстильного производства. На первом месте находились проблемы закупки льна и дров, переоборудования фабрик, визиты директора в городскую управу, а также забастовочные выступления рабочих, что связано с развернувшимся в 1905–1907 гг. революционным движением. Следующей по важности проблемой стали взаимоотношения Шевалдышева с губернатором и долги предприятия по земскому и городскому обложению. На третьем месте находится обсуждение состояния дорог и транспорта, цены на нефть и возможности ее использования, финансирование полиции и организация сысского отделения при фабрике для борьбы с революционной агитацией, а также визиты Сергея Николаевича Третьякова в Кострому. Немало внимания уделено планируемым поездкам директора в Москву и состоянию здоровья членов семьи. Кроме этих наиболее важных проблем, в переписке обсуждалась масса производственных, общественных и личных вопросов. Это закупки кирпича, песка, гравия и строительство на фабрике новых складских и производственных помещений, взаимодействие со страховым обществом, отчет о технических авариях и пожаре. Обсуждается санитарное состояние рабочих казарм, меры по найму фармацевта. Упоминаются коммерческие ошибки и долги, покупка земли, кражи на фабрике, оборудование больницы водопроводом, перевозка мебели, переезд семьи на дачу и другие текущие вопросы.

На основании указанных материалов выясняется, что лен закупался костромской, середский, грязовецкий закупки проходили на базарах в гг. Пучеже, Городце, Меленках, Котельниче, Вятке. Закупка дров осу-

ществлялась у нерехтских фабрикантов Горбунова и Грачева. Причем В. А. Шевалдышев неоднократно жаловался на несвоевременную поставку и плохое качество дров, отмечая необходимость покупки нефти³.

Постоянной заботой фабрикантов и директоров было строительство и переоборудование фабрики. О стройке и установке новой паровой машины писал Н. К. Кашин в 1885 г., в 1897 г., расширяя фабрику, он заказывает новые ткацкие станки и сухие ватера. В 1907 г. строится красильно-отделочное отделение, перестраивается кузница, после пожара 20 июня 1907 г. перестраивается брезентная мастерская⁴. В феврале 1908 г. В. А. Шевалдышев совершил поездку в Варшаву и Берлин с посещением ряда текстильных фабрик.

Недостаток дров и фабричное строительство требовали приобретения лесных угодий в губернии и расширения территории предприятия в городе. В переписке зафиксирован осмотр Н. К. Кашиным лесной дачи на предмет покупки в Буйском уезде в 1885 г. В январе 1908 г. по предложению В. А. Шевалдышева Товарищество покупает в Костроме земли у Дурляпина: «Земля в городе всегда дорожает на 8 % и более в год, так что деньги эти не будут мертвым капиталом»⁵. При банковских дивидендах в 4,5–6 % это было действительно выгодное приобретение.

Переписка директора зафиксировала ряд визитов Третьяковых в Кострому. В ноябре 1906 г. Сергей Николаевич приезжал в связи с необходимостью закупки крупной партии льна. С ним согласовывались объемы и затраты на закупку сырья. В мае 1907 г. во время визита обсуждалась работа фабричного лабаза и забастовки рабочих, вызванные подорожанием продуктов питания. В июне 1907 г. С. Н. Третьяков посещает Кострому в связи с пожаром в брезентной мастерской, а в июле того же года в связи с участием рабочих фабрики в областной стачке текстильщиков⁶.

Источники позволяют не только выявить важность тех или иных проблем, но и увидеть их взаимосвязь и мотивацию действий дирекции предприятия.

В числе производственных забот, отраженных личной перепиской, ясно прослеживается острая конкурентная борьба между предпринимателями, в которой они не пренебрегали подлогом и обманом. Так, 4 октября 1885 г. Н. К. Кашин обращается к П. М. Третьякову с просьбой: «По установке паровой машины найдется много желающих посмотреть ее, так В. А. Зотов (владелец соседнего предприятия. – А. Н.) уже теперь заявил свою просьбу, чтобы... дозволили ему осмотреть все новое в фабрике... покорнейше прошу Вас написать приблизительно следующее: “принимая во внимание, что в последнее время на фабрике сделаны большие затраты, нам крайне нежелательно, чтобы вход в фабрику кому-либо из

посторонних был бы допущен...” Имея такое письмо, я могу отделаться от каждого посетителя, без этого же всем отказывать не могу...»⁷ 22 января 1907 г. В. А. Шевалдышев описывал «стратегию» закупки дров у нерехтского фабриканта Горбунова. «Самое выгодное будет, если он не выставит (из-за плохой дороги. – А. Н.) всего количества (дров), разыграть перед ним сцену больших убытков, сделать ему скидку за выставленные дрова»⁸. В письме от 9 октября 1907 г. он предлагал недопоставить предприятую Симоновой 1000 пудов пряжи, а если в мошенничестве уличат, сослаться, что это сделано по недоразумению⁹. 22 июня 1907 г., после пожара в брезентной мастерской, возникшего 19 июня, Шевалдышев писал: «Я заявил страховому обществу, что убыток от здания составил 10 тысяч, на самом деле он поменьше. Но думаю, что страховое общество будет торговаться и поэтому запросил, уступить всегда успеем». Кроме того, Шевалдышев спрятал часть уцелевшей от пожара продукции, также предъявив Российскому страховому обществу счет на ее возмещение. «Все пожарные расходы страховое общество принимает на себя... По ликвидации дела, я думаю, мы в убытке не останемся», – подытожил директор¹⁰. Таким образом, взаимоотношения в предпринимательской среде, несмотря на внешнюю благопристойность, были острыми. В письме от 22 февраля 1896 г. Н. К. Кашин сообщал Павлу Михайловичу Третьякову: «Вчера Михин кончил с ярославским Курочкиным – сдал фабрику сроком на 10 лет. Теперь не может быть и речи о том, чтобы мы могли пустить свою фабрику день и ночь»¹¹. Взаимные же конфликты вызывали нескрываемое злорадство конкурентов. Вскоре Кашин сообщал: «Михин с Курочкиным и К^о разошлись, Михин Курочкина обругал раз двадцать дураком и наплевал ему в морду и возвратил задаток»¹².

Оба директора приобрели известность попечительными мероприятиями в пользу рабочих. И в этой сфере, как показывают источники, каждый шаг директоров согласовывался с владельцами. Благотворительные мероприятия были обусловлены соображениями конкуренции фабрикантов за наиболее квалифицированный состав работников. Н. К. Кашин в письме от 22 февраля 1896 г. с явной досадой сообщал: «Придется употребить все зависящие от нас меры для того, чтобы удержать свой народ от перехода к Сидорову и Курочкину. Я всегда был против своего лабаза, а также против потребительского общества, но теперь придётся обязательно открыть при фабрике потребительское общество...»¹³ Значительная часть рабочих фабрики пополнялась из числа переселившихся в город крестьян, ввиду чего остро стояла жилищная проблема. По 3–4 семьи снимали в городских домах комнаты, занимая разные углы, разгородив помещение холщевыми занавесками или развесив собственную одежду.

Несемейные рабочие снимали комнаты артелью по 10 человек. К 1882 г. при фабрике имелась казарма на 100 человек при количестве рабочих 1800 человек. Быстрый рост предприятия заставил приступить к строительству новой фабричной казармы на 585 человек, заселенной рабочими в 1899 г.¹⁴ Однако качество фабричного жилья оставляло желать лучшего. Сохранялась перенаселенность комнат – «каморок», в которых ютились по 2 и более семей. В ходе революционных выступлений 1905 г. «Кашинскую сборную», как ее называли сами рабочие, в городе прозвали «костромским Порт-Артуром», отмечая консерватизм проживавших здесь рабочих, их устойчивость к революционной агитации. Но и они, забастовав 24–28 мая 1905 г., настоятельно требовали «поселять в сборную по 1 семье в каморку». Естественно, требование не могло быть удовлетворено из-за отсутствия иного жилья. Во время общегородской стачки в июле 1905 г. рабочие требовали уже квартирных денег для съема частного жилья¹⁵. Требования квартирных денег неоднократно повторялись во время конфликтов с рабочими в 1906–1907 гг. В письме Сергею Третьякову от 19 января 1907 г. В. А. Шевалдышев отмечал: «Третьего дня был приглашен в городскую управу, где обсуждался вопрос о борьбе с заразными болезнями, при чем все доктора сразу ругали нашу сборную как рассадник всяких заболеваний». По требованию управы, директор согласился на прививку жильцов сборной противоскарлатинной сывороткой за счет предприятия¹⁶.

Постепенно фабрика обзаводилась другими заведениями социального назначения. На пруду, куда стекала горячая вода с паровой машины вперемежку с машинным маслом и грязью, была устроена баня. В 1890-е гг. построена вторая баня¹⁷. В 1896 г. построено каменное двухклассное училище, в 1916 г. – детские ясли¹⁸. С 1907 г. Третьяковы и В. А. Шевалдышев при участии городской управы оборудовали городскую больницу водопроводом, а в 1913 г. содействовали созданию водопровода в городе Костроме¹⁹. Однако фабриканты в начале XX в. находились в конфронтации с органами местного самоуправления из-за высоких, на их взгляд, налогов с фабрик, поэтому далеко не всегда проекты и пожелания городской управы находили отклик у фабрикантов. 3 сентября 1907 г. В. А. Шевалдышев писал в Москву: «Третьего дня ко мне явился член городской управы с просьбой, чтобы фабриканты организовали чайную в фабричном районе. Я ему заявил, что этого мы сделать не можем по недостатку времени и места»²⁰.

Попечительные и благотворительные мероприятия фабрикантов являлись результатом тщательного расчета, но не смогли предотвратить уча-

ствия «кашинских» рабочих в стачечных выступлениях, поскольку действия дирекции отличались неуступчивостью и жёсткостью.

В январе 1903 г. рабочие фабрики забастовали, требуя увеличения заработной платы, но получили отказ. В мае 1903 г. предприятие охвачено волнением, а его рабочие участвовали в погроме фабрик Бельгийского анонимного общества Гратри, Жерар и Михиной, получившем название «михинский бунт». Рабочим противостояла полиция и рота солдат. Начало 1905 г. рабочие фабрики встретили достаточно спокойно. Волнение в конце января – начале февраля совпало со стачкой на соседней фабрике братьев Зотовых. Каких-либо последствий это выступление не имело. 12 апреля прошли похороны бывшего директора фабрики Н. К. Кашина. В местной газете сообщалось: «Вчера с почтовым поездом прибыло в Кострому тело фабриканта Н. К. Кашина, умершего в Берлине. Тело встречено было рабочими и служащими фабрики (до 5000 человек), учащими и учащимися фабричных школ... На гроб покойного от местных фабрикантов, администрации фабрики и рабочих было положено до 50 венков»²¹.

Новый директор В. А. Шевалдышев вступил в управление фабрикой в разгар революционных событий. С мая на предприятии начинаются стачки. Всего в 1905 г. на предприятии прошло 5 стачек и 2 волнения. Основными требованиями рабочих было повышение заработной платы, оплата за простой, улучшение жилищных условий и выплата квартирных денег, предоставление оплачиваемых отпусков по беременности, улучшение медицинской помощи, увольнение ряда мастеров и конторщиков. Лишь в ходе общегородской стачки в июле 1905 г. бастующим были сделаны незначительные уступки – предоставлен месячный отпуск по беременности и прибавлены расценки некоторым категориям работников. В основном же администрация отвечала увольнением бастующих, вызовом воинской команды для охраны предприятия. В ходе летней общегородской стачки в рабочей казарме была размещена рота солдат, а сами рабочие были предупреждены о возможном выселении. В 1906 г. рабочие фабрики забастовали 7 раз, дважды предприятие было охвачено волнениями. Основные требования – увеличение заработной платы, улучшение условий труда, увольнение неугодных лиц из числа фабричной администрации. Ответом становилось увольнение бастующих, закрытие фабрики и разгон бастующих солдатами, лишь однажды сделаны небольшие уступки²². В ходе волнения на фабрике 24 мая 1907 г. выборные от всех цехов просили В. А. Шевалдышева выплачивать квартирные деньги и получили отказ на том основании, «что у нас заработки очень высоки, а если рабочие забастуют, то им не мешает вспомнить лодзинский локаут»²³. В ходе стачки текстильщиков в июле 1907 г., охватившей предприятия Москов-

ской, Владимирской губерний и города Костромы, фабриканты «решили просить губернатора, чтобы он приказал нам дать свисток... Толпа рабочих, желающих работать, так инертна, что ей необходимо прийти на помощь». При этом В. А. Шевалдышев осознавал, что «может быть, когда будет дан свисток, никто не придет, или, что еще хуже, будут какие-нибудь скандалы», то есть столкновения бастующих и вышедших на работы. Но приказ губернатора позволял в этом случае снять ответственность с предпринимателей²⁴.

Важным условием ведения предпринимательской деятельности было обеспечение конструктивных отношений с губернской властью. О том, что они были отнюдь не безоблачны, свидетельствует непоследовательность позиции губернатора во время забастовок рабочих, несогласованность действий губернской власти и предпринимателей. В ходе стачки текстильщиков в июле 1907 г. В. А. Шевалдышев сетовал: «Губернатор... ведет двойную игру и постоянно заигрывает с рабочими... Депутация от рабочего союза уверила его, что у них забастовка чисто экономическая. Губернатор им заявил, что так как в их действиях не видит ничего противозаконного, то он разрешает им ряд митингов... О назначении митингов он никого из нас не предупредил, я случайно узнал это от полиции». В ответ на угрозы Шевалдышева закрыть фабрику, если рабочие не станут на работу, губернатор «приказал полиции немедленно разогнать собрание, которое сам же разрешил... Губернатор постоянно принимает у себя рабочих и дает им нелепые обещания: стать их посредником, повлиять на фабрикантов... Вообще его поведение портит все дело»²⁵.

Отношение самих предпринимателей к представителям власти было зачастую циничным, но в их доверительной переписке явно прослеживается заинтересованность в сотрудничестве. В письме от 22 июня 1907 г. Шевалдышев писал: «С губернатором у меня наладилось, он вызвал меня к себе и просил устроить сыскное отделение. Я сказал ему, что употреблю всю свою силу на убеждение фабрикантов Костромы откликнуться на эту гениальную мысль. Теперь он меня вызывает к телефону во всякие комиссии, так что дело уладилось»²⁶. Довершает характеристику отношения Шевалдышева к губернатору фраза: «Веретенников человек ненадежный, но использовать его можно»²⁷.

Отношения с властями порой серьезно осложнялись из-за финансовых махинаций фабрикантов, но и урегулировались также денежными подачками. Как и современные предприниматели, дореволюционные фабриканты не спешили с уплатой пошлин и налогов, которые были не в пример ниже нынешних. Еще в 1900 г. крупнейшие костромские фабриканты Кашин, Зотов и Михин предъявили претензии по поводу

переоценки имущества. О слишком высокой оценке фабрикантами было заявлено в земском собрании, но безуспешно, заявление оставлено без последствий²⁸. По всей видимости, фабриканты, считая эту оценку несправедливой, саботировали выплату сборов. В октябре 1906 г. В. А. Шевалдышев сообщал С. Н. Третьякову: «Сегодня меня спешно потребовал к себе губернатор и весьма внушительно заявил, что мы должны немедленно уплатить все недоимки по городскому обложению, что ему предписано принять самые строгие меры против неплательщиков от министра»²⁹. Следующим письмом директор сообщал: «...Губернатор приказал взыскать с нас все недоимки по государственному обложению»³⁰. К концу 1907 г. недоимки предприятия по земским и городским сборам составили внушительную сумму – 35 377р. 74 коп. Тяжба с городской управой тянулась несколько лет и дошла до Сената. В октябре 1907 г. стало известно, что дело решено в пользу города. В январе 1907 г. по инициативе В. А. Шевалдышева костромские фабриканты подали ряд однообразных жалоб в губернское присутствие на несправедливую, по их мнению, оценку городской управой фабричного имущества, что вело к росту сборов с костромских фабрик³¹.

В противоречивые отношения костромских фабрикантов и органов самоуправления в 1908 году решил вмешаться губернатор А. П. Веретенников. 27 января при личной встрече с В. А. Шевалдышевым он предложил собрать в своем доме съезд фабрикантов официально для обсуждения вопроса о единообразном отношении к рабочим забастовкам, в действительности – намереваясь поддержать требования промышленников по снижению земских и городских налогов. Инициативу губернатора В. А. Шевалдышев объяснял не столько заинтересованностью в земских и городских сборах, сколько «желанием напакостить городу» и в условиях, когда тот «со всеми перессорился», необходимостью «на кого-нибудь опереться»³². Губернатор обусловил свою поддержку внесением пожертвований «на дом трудолюбия», но вопрос был затянут, а со сменой губернатора – снят с повестки дня.

Противоречия между губернской властью и органами местного самоуправления позволили Шевалдышеву затягивать выплаты, не брезгуя подкупом полицейских чинов. «Полицмейстеру я на днях дам рублей 200, как награду за организацию сыскного отделения. Во всяком случае сразу платить мы не будем, так как рассрочку дадут непременно», – признавался В. А. Шевалдышев в письме от 5 февраля 1908 г.³³

Как показывают источники, круг проблем, которые решал директор крупного фабричного производства далеко выходил за рамки чисто производственных и хозяйственных вопросов. Техническая подготовка, по-

нимание конъюнктуры рынка, необходимость взаимодействовать с владельцами предприятия и другими фабрикантами, властями, органами общественного самоуправления, осуществление попечительных мероприятий, были условиями успешной работы фирмы. Директора сочетали весьма противоречивые качества. Они проявлялись зачастую в действиях одного и того же человека. Н. К. Кашин и В. А. Шевалдышев раздавали взятки, реализовывали масштабные благотворительные проекты и пытались сэконоимить на сборах и пошлинах и обмане финансовых партнеров и конкурентов. Не чужда была им готовность пойти на подлог, прямое мошенничество ради коммерческой выгоды. Обнаруживается вынужденный характер попечительных мероприятий, обусловленных конкурентной борьбой за рабочих. В XIX – начале XX в. закладывалась традиция неуплаты налогов, не зависевшая от их размера и поощряемая неистребимой коррупцией аппарата органов власти. Представленные характеры не нуждаются в идеализации. Они представляют вполне цельный образ энергичных, волевых организаторов производства и общественных деятелей, готовых, однако, ради прибыли на компромиссы с властью, в то же время на противозаконные действия и откровенное манипулирование властью предрезающими.

¹ *История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 1999.*

² *Петров Ю. А. Московская буржуазия в начале XX века: Предприниматели и политика. М., 2002; Поткина И. В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797–1917. М., 2004; Костромские купцы Чумаковы / сост. А. В. Бялко, Н. Г. Чудова. М., 2006.*

³ *Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 671. Оп. 1. Д. 6. Лл. 2, 3, 14-15, 18, 22-23, 65.*

⁴ *Государственная Третьяковская галерея (ГТГ). 1/6001; 1/4980.*

⁵ *ГАКО. Ф. 671. Оп. 1. Д. 6. Лл. 17, 29, 43, 48.*

⁶ *ГТГ. 1/4965; ГАКО. Ф. 671. Оп. 1. Д. 6. Л. 14.*

⁷ *ГАКО. Ф. 671. Оп. 1. Д. 6. Лл. 12, 19, 32, 40.*

⁸ *ГТГ. 1/4966.*

⁹ *ГАКО. Ф. 671. Оп. 1. Д. 6. Л. 15.*

¹⁰ *ГАКО. Ф. 671. Оп. 1. Д. 6. Л. 52.*

¹¹ *ГАКО. Ф. 671. Оп. 1. Д. 6. Лл. 33–34.*

¹² *ГТГ. 1/4974. – 22 февраля 1896 г.*

¹³ *ГТГ. 1/4976. 1986 г.*

¹⁴ *ГТГ. 1/4974.*

¹⁵ *См.: Очерки фабрик Костромской губернии / сост. В. Пирогов. Кострома, 1884. С. 166–168; Белов М. Н. Положение и борьба рабочих Большой Костромской льняной мануфактуры (1866–1917 гг.). // Из истории Костромского края: сб. науч. трудов. Ярославль, 1972. Вып. 33. С. 10, 12.*

- ¹⁶ Новиков А. В. Рабочее движение в Костромской губернии в 1895 – феврале 1917 гг.: Хроника. – Вып. 1. 1895 – 1905 гг. – Кострома, 2003. – С. 51, 65.
- ¹⁷ ГАКО. Ф. 671. Оп. 1. Д. 6. Л. 13. 19 января 1907 г.
- ¹⁸ Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). Ф. 3785. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.
- ¹⁹ Сизинцева Л. Доброе дело в отечестве нашем // Губернский дом. 1995. № 5. С. 52–53.
- ²⁰ ГАКО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 6. Л. 29; Костромская жизнь. 1913. № 239.
- ²¹ ГАКО. Ф. 671. Оп. 1. Д. 6. Л. 46.
- ²² Костромской листок. 1905. 13 апр.. № 41.
- ²³ См.: Новиков А. В. Рабочее движение в Костромской губернии в 1895 – феврале 1917 гг.: хроника. Вып. 1. 1895–1905 гг. Кострома, 2003; Он же. Рабочее движение в Костромской губернии в 1895 – феврале 1917 гг.: хроника. Вып. 2. 1906 – 3 июня 1907 г. Кострома, 2005.
- ²⁴ ГАКО. Ф. 671. Оп. 1. Д. 6. Л. 27.
- ²⁵ ГАКО. Ф. 671. Оп. 1. Д. 6. Л. 38.
- ²⁶ ГАКО. Ф. 671. Оп. 1. Д. 6. Л. 40–41. 10 июля 1907 г.
- ²⁷ ГАКО. Ф. 671. Оп. 1. Д. 6. Л. 35. 22 июня 1907 г.
- ²⁸ ГАКО. Ф. 671. Оп. 1. Д. 6. Л. 61. 28 января 1908 г.
- ²⁹ Журнал Костромской городской думы за 1901 г. Кострома, 1902. С. 6.
- ³⁰ ГАКО. Ф. 671. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.
- ³¹ ГАКО. Ф. 671. Оп. 1. Д. 6. Л. 8. 8 ноября 1906 г.
- ³² ГАКО. Ф. 671. Оп. 1. Д. 6. Л. 54, 58.
- ³³ ГАКО. Ф. 671. Оп. 1. Д. 6. Л. 60–61.
- ³⁴ ГАКО. Ф. 671. Оп. 1. Д. 6. Л. 64.

**Костромская традиция льноводства,
прядения и ткачества**
*(по материалам Костромского областного
Дома народного творчества)*

Лён! Мы его лелеяли, круглый год с ним на руках, а как? Это второй хлеб у нас был: и одежда и сдавали его, а с куколем-то пякли и свиньям запарку делали, теляток поднимали.

А. И. Пехтерева

Сегодня после многочисленных экспериментов в мире тканей предпочтение отдано традиционному льну. В связи с этим возникает потребность в реанимации запущенной отрасли. Исторический опыт в виде этнографического материала может быть успешно использован для выращивания качественного льна, возрождения традиций ручного льнопрядения и ткачества (закладного, браного, прямого полотняного переплетения), а также – огромного пласта духовной культуры, связанного с этим древнейшим видом деятельности (археологи датируют периодом неолита).

Костромской областной Дом народного творчества проявил проницательность и мудрость в постсоветский период, когда диктат в сфере культуры уступил место растерянности, предприняв этнографические исследования по различным темам. В том числе была разработана и программа «Льноводство, прядение и ткачество». В этой работе приняли участие ведущий сотрудник Российского этнографического музея С. В. Комарова, сотрудник Костромского музея-заповедника С. Д. Масалева, профессор кафедры русского языка КГУ им Н. А. Некрасова Н. С. Ганцовская.

Сбор материала по программе осуществлялся силами работников культуры районов Костромской области (Антроповского, Галичского, Кадыйского, Костромского, Красносельского, Макарьевского, Мантуровского, Нейского, Парфеньевского, Поназыревского, Судиславского, Шарьинского).

Содержание программы охватывало все стадии выращивания и переработки льна: подготовка земли и семян к севу, сев, охрана и уход за посевами в течение лета, уборка урожая (дерганье, просушка льна, околачивание головок), производство льняного масла, стлание, мочение льняной

соломки, дробление льняной соломки, трепание, чесание; изучение вопросов о том, сколько сортов волокна существовало в крестьянском хозяйстве, на выработку каких нитей и тканей они использовались, как происходило прядение, ссучивание нитей, отбеливание и крашение, плетение (тканье) шнурков, тесьмы, поясов, наиболее распространенные способы плетения (на руках («на пальцах»), «на дощечках», «на бердышке»), наличие (отсутствие) декора (орнамент, кисти, дополнительные украшения), виды ткачества, подготовка ткацкого стана к работе, фольклор. При сборе материала фиксировалась не только лексика, но и фонетические особенности собранных лексем. Полученные сведения представляют интерес и для специалистов-гуманитариев, и для практиков-технологов.

Первый раздел программы был посвящен подготовке земли и семян к севу. Информанты разных районов были единодушны в том, что лен требует сильной и хорошо обработанной земли, поэтому предпочтение отдавали новым, не истощенным землям. Так О. Н. Чистякова, 1927 г. р., из Антроповского района сообщила следующее: «Большую часть посевов льна размещали не на полевых землях, а на подсеках. Вырубали деревья и кустарники, сушняк срубали, а в золу сеяли лен. Зола оказывала благотворное влияние на качество волокна». Наряду с этим использовались земли после посадок клевера и картофеля.

Семена, предназначенные для посева, заблаговременно очищали от семян сорных растений и слабых («щуплых») семян льна. За 10–12 дней до посева их выносили на солнце и, перемешивая, прогревали. На Николу «вешнего» семена освящались: «В центре деревни Михалиха Печенкинского с/с Шарьинского района стояла небольшая часовенка. В этот день с образами, иконами обходили вокруг деревни, а потом около этой часовенки святили все зерно, предназначенное для посева».

Сроки посева льна зависели от погоды. Если весна была ранняя – рано, поздняя – с посевом не торопились. Готовность земли к этому виду работы, по сведениям из Красносельского района, определялась так: «Брали землю руками в ладошки, прикладывали к щекам, если теплая – значит можно сеять, а если холодная, то надо подождать». Существовали разные приметы. Считалось, что к посеву льна следует приступать, когда начинает цвести рябина (в конце мая) или когда «лист березы полный». В советское время народных традиций не придерживались, «в колхозах сев вели в мае, старались до июня отсеяться».

Сеяли лен вручную, из лукошка. В Красносельском районе этим занимались мужчины, в Судиславском и Шарьинском – женщины. Ритуальный характер посева льна нашел отражение во многих рассказах. А. В. Подольская, 1908 г. р., из Шарьинского района сообщила: «Когда

сеяли лен, варили яйца, кидали сверху на поле, затем окропляли его для того, чтобы рос лен широколистный и большой». В Красносельском районе посев льна совершался следующим образом: «Выйдя в поле, крестьяне сначала помолитя Богу на четыре стороны, прочитают молитву, в конце приговаривают: “Уродись лен длинный волокнистый и кустистый!” В Поназыревском районе был записан другой приговор, произносимый при посеве: «Расти, расти, ленушко, наливайся головушкой, тянися нитенкой...» В Шарьинском районе, когда шли сеять, брали с собой в поле крестики, испеченные в середине Великого поста, для богатого урожая.

Непосредственно посев происходил следующим образом. Пять-шесть мужчин с лукошками вставали в ряд на расстоянии 2 м друг от друга. В лукошко убиралось 16 кг семян. Брали семя руками и бросали об лукошко, чтоб семя разлеталось. В этом случае посев был ровный. Семена заделывали неглубоко, чтобы потом легче было его таскать. «Яво (лен) ввевашь и один разик семена-то заделывашь, по одному разику только бараной-то и издишь. Один чаво его, один-то раз, чтобы легче таскать лен-то, чтобы глубоко ента не заделывать, лягонька, чтобы легче таскать лен-та...» – рассказывал Аким Александрович Мухин, 1913 г. р., уроженец с. Матвеево Парфеньевского р-на.

Когда появлялись всходы льна («в елочку»), приступали к прополке. Надо было успеть справиться с этим до цветения. По свидетельству Веры Сергеевны Смородиной, 1918 г. р., уроженки Межевского района: «...выбирали любую траву, особенно цветочки васильки... сямя и лён тогда получался качественнее». Как зацветет («в березку»), прополкой заниматься уже нельзя. Всходы льна посыпали золой, чтобы уберечь их от вредителей. В советское время стали использовать дуст. «Дуст ложили в мешок, на палку вешали и стучали другой палкой по мешку, чтобы развеялось по всходам. Задыхались люди с этим дустом, но эффект для борьбы с блошкой был лучше» (записано в Красносельском районе).

В текстах материалов содержится эмоциональные впечатления о цветении льна. «Когда лен зацветет, глаз не отвести, какая красота – все кругом заголубится! На сердце радостней», – вспоминала Анфиса Степановна Каменовская, 1908 г. р., жительница Красносельского р-на. Созвучен и рассказ Нины Ивановны Волжаковой, 1928 г. р., уроженки Поназыревского р-на: «А уж как зацветет поле, душа поет, что море слезы выбивает от красоты такой».

Готовность льна к уборке определялась по золотисто-желтому цвету. «Когда лён пожелтеет – забренчат “бубушки”, – так описывала стадию готовности Нина Павловна Иванова, 1922 г. р., Красносельского р-на. «Стебель желтеет, а головка “брячит” – звенит; значит – пора те-

ребить», – рассказывала Анфиса Степановна Каменовская. Опаздывать с уборкой нельзя, так как головки раскроются, семена высыплются, останешься без урожая.

Из льняных нитей костромские крестьянки ткали различные ткани. Белое полотно, сотканное на двух подножках, так называемое простое полотняное переплетение, шло на пошив рубах-сенокосниц, подстав, портов, мужских рубах, сарафанов, детской одежды, полотенец («перетирок»), постельного белья и т. д. Широкое распространение имела пестрядь (ткань в клетку или полоску). Ее использовали на пошив сарафанов, портов и т. д. Наряду с этим бытовало тканье на нескольких подножках (браное). В этом случае ткань получалась с рисунком. Слово сочетание «скатерти браные» имело широкое распространение в произведениях русского фольклора. Полога также нередко выполнялись в этой технике. Встречалось и «закладное» ткачество.

Отдельно хотелось бы сказать о костромских поясах (кушаки, опояски, тесемы, шнурки). Использовали пояса плетеные, вязаные, тканые. Существовало несколько способов тканья: на дощечках, на бердечке, на стане. Большое распространение имело тканье на дощечках («карты» – название в Костромской губернии). Приспособлением для получения изделия являлись дощечки квадратной формы, имевшие в четырех углах круглые отверстия. Через эти отверстия продевались нити основы (использовалась шерстяная пряжа, хлопчатобумажные и шелковые нити). При тканье пояса могли применять до 44 таких дощечек. От толщины нитей и количества дощечек зависела ширина пояса. Для основы брали нити разных цветов. Тканье производилось путем поворота дощечек на одну четверть оборота вперед. В зев, образованный верхним и нижним рядами нитей, протаскивали рукой уточную нить. Прибивали уток тремя пальцами – деревянным ножом. После этого дощечки поворачивали еще на одну четверть, часть зева менялась. Вновь пропускали уток и так далее. «Карты» перевертывали четыре раза до установления их в первоначальном положении. За счет использования в основе нитей разных цветов на поясе получались цветные долевые полосы (от двух до четырех, в зависимости от количества цветов нитей). Каждая полоса была выткана нитями двух цветов. Внутри полосы были заключены узоры геометрического характера, надписи, которые получались путем выбора нитей определенного цвета в зеве.

В Костромском музее-заповеднике хранятся пояски с надписями любовного содержания. Их дарили девушки своим «почетникам» (так называли в костромских деревнях избранников сердца). Приведем пример одной из поясных надписей:

*Лети моя тесемочка, не звивайся,
Никому в руки не давайся.
И только дайся тому, кто мил сердцу моему:
Сахару белому, винограду зрелому,
Свету-пересвету, тайному совету, милому человеку.
Ищу – тебя нету.*

Некоторые надписи на поясах имели религиозное содержание. Костромские пояски, сотканнные таким способом, назывались «тесемочка». Длина их достигала 1,5 м.

Другой способ тканья поясков – на бердечке. Бердечко представляло собой прямоугольную деревянную дощечку (длина – 25 см, ширина – 15 см). В вертикальном направлении оно разделено параллельными тростями (ширина трости – 0,5 см). Между тростями образовывались щелевидные отверстия (0,5 см), через которые пропускалась часть нитей основы. В середине тростей бердечка просверлены круглые отверстия, через которые пропускалась другая группа нитей. От количества тростей и отверстий между ними зависела ширина пояса. Один конец основы надевали на крючок, другой – затыкали за пояс. Ткали вдвоем. Процесс тканья заключался в следующем. Положение нитей, заправленных в отверстия тростей, постоянно. Вторая группа нитей одной из ткачих передвигалась вверх по отношению к первой группе нитей. Другая ткачиха просовывала рукой уточную нить, прибывая ее трепальцем. Нити второй группы опускались вниз по отношению к первой группе нитей, в образовавшийся зев вновь протаскивался уток.

При тканье на бердечке применяли льняную и шерстяную нити разных цветов, чаще двух. Орнаментальные мотивы таких поясков близки к орнаментальным мотивам браных тканей: ромбы контурные, ромбы гребенчатые, косые кресты, зигзагообразные фигуры. Местное название поясков, изготовленных на бердечке – покровка. Она значительно длиннее тесемочек – до 2,5 м. Ширина – от 1 до 5 см. Различали пояса будничные и праздничные. Последние – были более широкими и яркими.

Копылова Л. А., Полежаева Г. В., Фокина Н. К. Лен в традиционной восточно-славянской культуре. Судиславль, 1999. // Архив областного Дома Народного Творчества. Н 274.

Икасала Н. К. Льноводство, домашнее прядение и ткачество. Антропово, 2001. // Архив областного Дома Народного Творчества. Н 282.

Соловьева А. В., Кузьмичева Л. В. Льноводство, домашнее прядение. Красное-на-Волге, 1999. // Архив областного Дома Народного Творчества. Н 281.

Корнилова Е. Н., Моисеева Н. В. Льноводство, домашнее прядение и ткачество. Парфеньев, 1999. // Архив областного Дома Народного Творчества. Н 269.

Льноводство. Поназырево, 1999. // Архив областного Дома Народного Творчества. Н 271.

Копылова Л. А., Полежаева Г. В., Фокина Н. К. Лен в традиционной восточно-славянской культуре. Судиславль, 1999. // Архив областного Дома Народного Творчества. Н 274.

Ступникова М. Л. Льноводство, домашнее прядение и ткачество. Шарья, 2001. // Архив областного Дома Народного Творчества. 332.

Деятельность Третьяковых на костромской земле (по материалам Государственного архива Костромской области)

Сухие строчки энциклопедии Брокгауза и Ефрона гласят: «Третьяков Павел Михайлович (1832–1898) – известный московский собиратель картин. Вместе со своим братом Сергеем Михайловичем он в течение более четверти века приобретал картины русских художников и таким образом составил самую обширную и замечательную частную картинную галерею в России. В 1892 году картинная галерея вместе со зданием, в котором оно помещено, была принесена им в дар городу Москве»¹.

В Государственном архиве Костромской области сохранилось всего 139 дел из ф. 469 «Льнопрядильная и льноткацкая фабрика Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры» за 1866–1918 годы. Здесь нельзя не вспомнить разрушительный пожар 1982 года, уничтоживший богатейшие фонды нашего областного архива. До пожара на хранении в названном фонде находилось 670 ед. хр.

Среди сохранившихся документов содержатся протоколы заседаний товарищества, годовые балансы, финансовые отчеты, списки текущих счетов, книги учета штрафов.

Сравнительно большой комплекс составляют документы о предприятиях и частных лицах, имевших с мануфактурой производственные связи, а также сведения об ассортименте продукции, выпускаемой товариществом.

Книги учета несчастных случаев малоинформативны и содержат сведения о выплатах, производимых пострадавшим работникам, без описания обстоятельств несчастного случая, характера полученных травм.

Интересным объектом для исследования являются формуляры, таблицы рабочих дней и расчетные книжки работников.

Но, безусловно, наибольшую ценность имеют «Журнал собрания учредителей Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры», а также «Журналы Правления Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры»². Собрание учредителей состоялось 30 декабря 1866 года, на нем Павел и Сергей Михайловичи Третьяковы, Владимир Дмитриевич Коншин и Константин Яковлевич Кашин, имеющие равные паи, «приняли на себя обязанности быть директорами правления, причем одному

из среды себя, Константину Яковлевичу Кашину, поручили на основании § 16 помянутого Устава непосредственное заведование фабрикою с назначением ему за этот труд вознаграждения по три тысячи шестисот рублей серебром в год»³. Под текстом протокола – подлинные подписи обоих братьев Третьяковых.

В дальнейшем правление заседало не очень часто – один раз в год, а иногда и реже того. Рассматриваемые вопросы касались распределения паевых листов, утверждения годовых отчетов и распределения прибыли, а также погашения задолженности по ссудам, покупки земли у города Костромы и прокладке новых улиц. По этим протоколам можно проследить, как росла прибыльность предприятия. Летом 1871 года она составила 145 300 руб.⁴, в 1879 году – 226 511 руб. 58 коп.⁵, на 1 января 1900 года чистая прибыль составила 361 645 руб. 35 коп.⁶ Следует отметить, что не на все собрания оба брата прибывали лично, чаще всего Павел Михайлович представлял как свои интересы лично, так и интересы брата Сергея Михайловича по доверенности.

На фабриках товарищества, как и на других промышленных предприятиях, существовала система штрафов. Только с августа по ноябрь 1895 года с рабочих было удержано 4 589 руб. вместе с процентами по купонам. Как же распределялись эти деньги? Они тратились на помощь больным работницам, на организацию похорон, на выделение пособий роженицам. За вышеуказанный период «было выдано разным лицам всего 825 руб. 07 коп.»⁷. Ватерщице Марии Петровой Козловой по болезни – 15 руб., на похороны ватерщицы Марии Ивановны Ромашевой ее брату – 6 руб., ватерщице Александре Павловой Семеновой по болезни – 10 руб., ленточнице Марии Федоровой Тимофеевой по случаю родов – 5 руб. 76 коп. Все заявления на выделение материальной помощи заверены священником.

И еще об одном деле хотелось бы упомянуть. «Выписки из крепостной книги костромского нотариального архива о наследовании имения купцами Кашиными»⁸. Документы, содержащиеся в этом деле, дают полное представление об имущественном положении членов правления Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры. Вся последовательность приобретения зданий для строительства фабричных корпусов, земельных участков, других объектов недвижимости, окладные листы на уплату налогов с недвижимости представлена в этом деле. Документы являются очень ценным источником по изучению истории Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры и ждут своих исследователей.

¹ *Энциклопедический словарь/ под ред. И. Е. Андреевского; изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб. Т. 31а. С. 795.*

² *ГАКО. Ф. 469. Оп. 1. Д. 2.*

³ *Там же. Л. 1.*

⁴ *Там же. Л. 2.*

⁵ *Там же. Л. л. 6.*

⁶ *Там же. Л. 39.*

⁷ *Там же. Д. 38. Л. 1об. – 2.*

⁸ *Там же. Д. 24.*

«Достоин кредита “prima...”»

В Государственном архиве Костромской области в фонде Ф-469 «Льно-прядильная и льноткацкая фабрика Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры» имеется любопытное дело (оп. 1, д. 34) «Отзывы 1-й Русской конторы справок о кредитоспособности отдельных предпринимателей». Дело датировано в описи 1890 годом, однако в деле наиболее широко представлены документы 1905–1907 годов, т. е. периода Первой русской революции и Русско-японской войны.

Тема кредитования сегодня является одной из самых актуальных, можно сказать, что наступил расцвет кредитов разного вида, уровня и размаха, сегодня полстраны живет в кредит, на ТВ ежедневно демонстрируются сюжеты, посвященные выплатам и невыплатам кредитов, обманутым вкладчикам, мошенникам, получившим кредит и возложившим свои обязательства на поручителей и т. п.

Обратившись к словарю Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона в статье «Кредит» читаем: «Вся деятельность хозяйствующего общества организуется в наши дни на предприятии и домохозяйстве. Предприятие есть суть организации для производительной деятельности, домохозяйства для наилучшего использования наличного потребительного запаса. Сообразно этому и кредит распадается на производительный и потребительный... Производительный кредит есть особый вид круговращения общественного капитала. По технико-экономическим условиям производства и торговли, на каждом предприятии бывают такие моменты, когда известная доля капитала свободна в предприятии, эти временно свободные средства – ссудные средства вступают в кредитный оборот, поступая на время своей свободы на чужое предприятие, становясь ссудными капиталами. Ссудные средства направляются либо в банки в виде вкладов либо непосредственно из рук владельцев на чужие предприятия. При таком круговращении на чужих предприятиях ссудные средства приносят своим владельцам чистый доход – так называемый процент с капитала».

Предоставление ссудных средств – дело, несомненно, выгодное, но встает вопрос о рисках вложения денег, проверки надежности предприятий и фирм, которым предоставляется кредит, вопрос на сегодняшний день не менее актуальный, чем в 1905–1907 годах.

Товарищество Новой Костромской льняной мануфактуры пользовалось в своей кредитной политике услугами 1-й Русской конторы справок

о кредитоспособности отдельных предпринимателей, и в частности все донесения о возможной кредитоспособности того или иного предприятия или фирмы сообщал агент по имени С. Клячкин, имеющий свою личную печать на латинском языке. Свои сообщения С. Клячкин отправлял, в основном, из города Лодзь (такой вывод можно сделать по адресу отправителя, имеющегося на почтовых сообщениях или письмах). На некоторых письмах стоит кроме круглой печати «С. Клячкин» еще и штамп «1-я Русская контора справок о кредитоспособности отдельных предпринимателей» или «Утвержденная справочно-комиссионная контора». Последнее название объясняет взаимоотношения между Товариществом и С. Клячкиным, имеющим свой комиссионный процент с кредитных сделок.

Объем дела составляет не менее 200 листов, где с двух сторон представлены донесения С. Клячкина о благонадежности или неблагонадежности деловых партнеров Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры, и можно сделать вывод, что Товарищество достаточно широко использовало свои ссудные средства.

Другой впечатляющий фактор, отраженный в деле – география проверяемых предприятий и фирм, документы рассказывают о владельцах и их производствах по всей огромной Российской империи: Чита, Омск, Варшава, Казань, Самара, Тверь, Нижний Новгород, Брянск, Пятигорск, Керчь, Пермь, Тифлис, Владикавказ, Симферополь, Тюмень, Ташкент, Саратов, и конечно, Москва и Санкт-Петербург. Этот список далеко не полный. Воистину, экономическая выгода и предпринимательство не имеют границ. Имеются также несколько справок о кредитоспособности предприятий, написанных на иностранных языках, где трудно определить страну, вероятно речь идет здесь о фирмах, имеющих свои представительства в нескольких странах Европы.

На донесениях С. Клячкина, написанных на специальных почтовых карточках, имеются типографским почерком приписки «Конфиденциально», «Настоящее сообщение имеет исключительно частный характер и за всякую огласку адресат ответственен», «Контора просит, если сведения в чем-либо не согласуются с данными, имеющимися у абонента, немедленно ей об этом сообщить, указав, в чем именно заключается разногласие. Контора не будет жалеть расходов и старания для восстановления истины».

Представленные в деле сообщения-донесения С. Клячкина очень разнообразны и представляют, на наш взгляд, огромный интерес и сегодня, когда тема проверки кредитоспособности предприятий и граждан, берущих кредиты, является очень актуальной.

Тема кредитования, и связанная с ней проблема экономической надежности партнеров, поднятая в сообщении, на наш взгляд, является достаточно перспективной и может представлять интерес для дальнейшего исследования не только историков, но и экономистов, а опыт прошлого может быть полезен в современном производстве.

Лен в быту костромских крестьян

Опыт выращивания и обработки льна имеет очень древние корни (по археологическим сведениям, на Севере России это занятие было известно уже во 2-м тысячелетии до нашей эры). Архаичность и устойчивость традиций во всем, что касается льна, дает возможность рассматривать этот вопрос не только со стороны технологической цепочки его обработки, но и с точки зрения особого отношения к этой культуре, особого значения льна в трудовых, праздничных обрядах и других фольклорно-этнографических традициях народной жизни.

Почти весь процесс обработки льна являлся женской работой – «от корешка до рубашки». Надо было посеять, прополоть, вытеребить лен, разостлать (или вымочить), высушить, обмолотить, из семени выбить масло, стебли опять расстелить и высушить, отмять, обтрепать, вычесать, подготовить волокно к прядению, напрясть пряжу, распределить ее по качеству, перемотать, обработать пряжу (выбелить, выкрасить), подготовить к тканью основу и уток, собрать и заправить кросна (ткацкий стан), выткать полотно или холст, выбрать узорную ткань... Наконец, надо обшить всю семью, чтоб все видели какова хозяйка – «и пряля, и ткаля, и рукодельница». Все это успевали сделать в течение 6 месяцев. С осени до масленицы шла первоначальная обработка льна, после масленицы садились за стан, чтобы успеть наткать и отбелить полотна и холсты на весеннем солнце. К Пасхе вся работа должна быть закончена, и готовая новина уложена в сундуки и коробы.

В крестьянском хозяйстве обработка льна – полностью безотходное производство. Все шло в дело. Кроме семени и масла волокна лучшего качества, так называемые пачеси, изгребки шли на более толстую пряжу, из которой ткали холсты; очески, отрепки, охлопки, омялье пряли на мешки, половики, онучи, постилаха; из них же вили веревки, готовили паклю. Колоколец (шелуха, куколь) использовали на корм скоту, а в голодное время добавляли при выпекании хлеба.

В работу со льном вкладывалось столько сил, времени и энергии, выдержки и терпения, умения и мастерства, что в результате каждая вещь давала ощущение тепла и света, живительности, долговечности, наделяла целительной силой. Не зря говорили, что лен светится, «ведь каждая волотинка его солнце видела».

Понятие «ЛЕН» это целый комплекс традиций, со своими секретами, правилами, навыками, обычаями, поверьями, магическими действиями. Так, например, при посеве льна, для получения хорошего урожая в лукошко клали вареные яйца, ставили зажженную свечку, приговаривали: «Уродись, лен, длинный, чистый, колоколистый». Вместе с семенами раскидывали по полосе белые камешки, чтобы лен был белее. Женщины начинали сеять лен, раздевшись донага, а мужчины – в одной длинной рубашке.

Интересно, что в старину, теребя лен, крестьянки никогда не убирали поле полностью (дочиста), так же как и во время жатвы. Обязательно оставляли горсть стеблей льна на зарод (заплетали плетень «Олене-льнянице или Илье на бородку или Волотке на бородку»), т. е. с осени, с уборки урожая закладывали, зарождали будущий урожай. «С голого поля – голье уродится» – если поле оставить без зарода, то урожая не будет, как ни старайся.

При расстиле первый сноп предлагали стелить «счастливой женщине», той, у которой лен получается хороший. По окончании расстила, во многих селениях Костромской губернии делали так называемые «зеркальца» – стелили лен кружком с приговором: «Лежи, ленок, белый как снег, мягкий, как шелк». «Девку веретено одевает», – говорили в народе, поэтому каждую девочку с 6–8 лет учили прясть. Чтобы стать хорошей прядеей, надо было сжечь клубочек первой пряжи и съесть золу от него.

От того, с каким умением прядет лен девушка, зависела ее будущая жизнь. Если она прослывет «непряхой, неткахой, негораздейкой», так ее и замуж никто не возьмет. Большое количество фольклорных обычаев связано с прядением льна. Это традиции проведения бесед, вечеров, супрядок, помочей. Это приметы, гадания, смотрины, проверка мастерства. Показ результатов своего труда и т. д. К свадьбе должно быть готово приданое, дары для родственников жениха – полотенца-повязки, для обережения дома, его обитателей и лада в семье. «Наша-то, невеста не по садикку ходила, не шишки собирала, а все пряла да ткала, для вашего сыночка припасала...»

Тема «Лен в жизни костромских крестьян» – это огромный пласт культуры, ожидающий своего исследователя. Интересны не только секреты выращивания и обработки льна, но и упоминания темы льна в сказках, легендах, быличках, песнях, играх, загадках, любопытны сведения о целебной силе льна и ряд других вопросах. Ниточка тянется, не прерывается, оборвалась нить, оборвалась традиция.

К проблеме изучения льна можно отнести очень интересное явление – бытование ткацких светелок в селениях нескольких волостей недалеко

от Костромы в конце XVIII – середине XIX веков. Можно предположить, что появились они, благодаря заведению ткацкого производства вотчинниками, которые имели подобные рабочие светелки в других губерниях (в южнорусских), где использовали труд крепостных крестьян, как, например, в селе Опалиха под Костромой. В Костромской губернии традиции домашнего ткачества поддерживали исключительно женщины; в материалах же о бытовании ткацких светелок наряду с ткачихами говорится о ткачах-мужчинах. Известно, что мужское ткачество было более распространено в центральных и южнорусских землях, чем на севере.

Очень интересны сведения об экстерьере и интерьере ткацких светелок. Это – квадратные в плане или низкие прямоугольные строения, кровли которых имели четыре или два ската, тесовое или соломенное покрытие. Окна в светелках небольшие. Работники пользовались дневным освещением, свечами, иногда висячими лампами. Помещения отапливались печами. В светелке было несколько станов: от 4 до 12 и более, в зависимости от величины помещения. Обычно это простые ткацкие станы, какими пользовались в домашнем ткачестве, узкие и широкие. В ткацких светелках работали и женщины и мужчины; в одних селениях, только женщины и девушки от 13 лет, в других – только мужчины, в третьих и мужчины и женщины. Дети занимались только подсобной работой (наматывали шпули, разматывали пряжу). Ткачи нанимались работать с зимы или с Великого поста до сенокоса. Работали от зори – до зори.

В селениях Каримовской, Коряковской, Челпановской, Шунгенской, Апраксинской, Башутинской волостей ткацкий промысел был распространен довольно широко. В некоторых селениях упоминается о существовании нескольких ткацких светелок, кроме того, ткали на своих ткацких станах по домам. И в избах, и в ткацких светелках ткачи нанимались работать в индивидуальном порядке. Сырье им выдавалось хозяином светелки, либо нанимателем из расчета вытканного полотна за месяц или за сезон. К концу XIX века промысел пришел в упадок и почти полностью нарушился. Несмотря на то, что сведений о ткацких светелках немного, они интересны и важны, так как описание их бытования может дать возможность реконструкции ткацкой светелки. Изучение этого явления позволит уточнить время и ареал бытования ткацких светелок, причины их появления и затухание промысла.

Раздел II.

Семья Третьяковых – образец нравственного, делового воспитания

Парадигма добра

В Обращении к согражданам и соотечественникам XI Всемирного Русского Народного Собора, рассмотревшего тему «Богатство и бедность: исторические вызовы России», говорится: «Господь дал нашей стране много богатства. Это земля и ее недра, это прекрасная природа, это само положение России в мире, делающее ее ключевой державой. Но главное наше богатство – это люди. Они сформировали и сохранили наше духовное наследие, нашу культуру, нашу экономическую мощь. Создав великую страну, предки завещали ее не только нам, но и потомкам. И наш долг – сохранить и возродить Россию, сделать сильным и процветающим ее народ»¹.

В «Социальной концепции Русской Православной Церкви», в параграфе VII-м «Собственность», сказано: «По учению Церкви, люди получают все земные блага от Бога, Которому и принадлежит абсолютное право владения ими... Владея... имуществом, не согрешает тот, кто использует его согласно с волей Бога, Которому принадлежит все сущее, и с законом любви, ибо радость и полнота жизни – не в приобретении и обладании, но в дарении и жертве»².

Эти слова приведены с целью раскрыть перед нынешним поколением те мотивы, те постулаты, которые двигали испокон веков русскими людьми – благотворителями и меценатами, чьи имена составили славу нашего Отечества и явились примером жизни во Христе.

Обращаясь к религиозности русских предпринимателей как к основному мотиву их благотворительной деятельности, можно с уверенностью сказать, что в своей благотворительной деятельности, в основном, они следовали евангельской формуле: «Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним... Тогда скажет Царь тем, кто про правую сторону Его... Так как вы сделали одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25; 31–40).

Совершенно очевидно, что, помимо богатства и честолюбия, стремления выделиться, выставить на показ свое богатство, заслужить милость властителей, главным источником, определившим размах меценатства, оставались внутренние побуждения российских жертвователей, обусловленные религиозным воспитанием и жизнью.

Сегодня, как пример высокого духовно-нравственного воспитания, как пример для подражания, в ряду русских предпринимателей-меценатов мы называем имена П. М. и С. М. Третьяковых. Примечательно само

их место рождения. Родились они в купеческой семье Третьяковых, выходцев из Малоярославца. Известными и состоятельными людьми были уже – их прадед Елисей Мартынович (в 1774 году поселился в Москве), дед Захар Елисеевич, московский купец 3-й гильдии (в 1828 году устроил в Москве заведение по окраске и крахмалению холста и парусины) и отец Михаил Захарович (1801–1850), московский купец 2-й гильдии (вёл торговлю полотном из собственных лавок, в 1846 году купил и в 1847 году перестроил «торговые, всенародные, дворянские и семейные мужские и женские бани» в Якиманской части Москвы).

Родились они в доме, который еще в конце XVIII века купил их дед, Захар Елисеевич в Москве, близ церкви Николы Чудотворца, что в Голутвине, на Бабьем городке в Замоскворечье. По праздникам вся семья Третьяковых ходила в храм, где отец Павла Михайловича, Михаил Захарович, был церковным старостой. В 1835 году в типографии Московского университета вышла в свет книга под названием «Цветы нравственности, собранные из лучших писателей, к назиданию юношества Михаилом Третьяковым». Вот две цитаты из этой книги: «Без религии живет лишь сумасшедший, или во всем сомневающийся. Тот и другой – болен духом»³. И другая: «Сила любви к Отечеству преобладает силу любви ко всему, что нам драгоценно и мило, – к женам и детям нашим и к самим себе»⁴. Заложённая в детстве нравственная основа любви к храму Божию и Отечеству предопределила судьбу братьев, объясняет весь их жизненный путь. В красоте церковной воспитывались они. Красотой заповедей Господних с детства была наполнена их душа. Красотой письма старинных икон, чтения и пения церковного – инструментов богословия, раскрывалась для них истина жизни, жизненный идеал.

«Что такое церковность? – вопрошает священник Павел Флоренский, и, рассуждая, – отвечает. – Это... жизнь в Духе. Каков же критерий правильности этой жизни? – Красота. Да, есть особая красота духовная, и она, неуловимая для логических формул, есть в то же время единственный верный путь к определению, что православно и что нет. Знаюки этой красоты – старцы духовные, мастера “художества из художеств”, как святые отцы называют аскетичку... Вкус православный, православно обличье чувствуется... православие покажется, но не доказывается»⁵. Ему вторит В. В. Розанов: «Да что же дорогого-то в России, как не старые церкви. Уж не канцелярии ли?.. А тепло только тут»⁶. «Религиозный человек выше мудрого, выше поэта, выше победителя и оратора»⁷, – далее утверждает он.

К концу XIX века можно отметить стремление молодых членов купеческих семей получить высшее образование, заняться наукой, художественным творчеством и литературой, связывая эти новые черты

со стремлением приобщиться к культуре дворянства. Молодое купечество в эти годы впервые вышло на арену русской жизни и, наряду со своими торгово-промышленными делами, вплотную заинтересовалось искусством. Это направление деятельности было одним из истоков меценатства.

Павлу Михайловичу Третьякову было восемнадцать лет, когда умер отец, оставив сыновьям свое купеческое торговое дело, капитал, нажитый честным и кропотливым трудом, завещав им продолжать семейную стезю.

Третьяков получил домашнее образование. В первой половине 1850-х годов унаследовал дело отца, он развивал операции по закупке льна, его переработке и продаже текстильных изделий. Работая много, умело и добросовестно, Павел Михайлович, имея и смекалку, и удачу, при непрерывной честности в делах, довольно быстро и значительно приумножил капиталы.

Вскоре Третьяковы купили новый дом вблизи Николо-Толмачевского храма, куда и переехали. Соседство с храмом, с миром церковным, с его молитвенной красотой – неперенная семейная черта Третьяковых. Постепенно братья Третьяковы становились крупными и известными купцами, а впоследствии – знаменитыми меценатами, значительными общественными деятелями. Старший из них во многом определил развитие русской живописи, младший будет московским городским головой.

Человек по своей природе – творец. «Я верю, – писал Н. А. Бердяев, – что Бог зовет человека к творческому порыву и к творческому ответу на любовь Бога». Далее он добавляет и дополняет вышесказанное: «Наше творчество должно выражать нашу любовь к Богу»⁸. И порыв этого творчества – творчества не во имя себя, не для себя, а для людей, для Отечества во имя Бога, творчества, смысл которого – красота Вселенной и человека – вот мотив меценатов Третьяковых, Рябушинских, Мамонтовых, Чижовых. Это путь церковного служения, возвещенный апостолом: «Служите друг другу, каждый тем даром, какой получил, как добрые домостроители многоразличной благодати Божией» (Петр. 4, 10). По мысли И. К. Языкова: «Человеку свойственно ценить прекрасное. Душа человека нуждается в красоте и взыскует ее. Вся человеческая культура пронизана поисками красоты. Библия так же свидетельствует, что в основе мира лежала красота и человек был ей причастен»⁹.

Надо сказать, что уже в то время молодого купца Павла Третьякова серьезно интересовали книги по истории искусств, археологии, русской истории и географии. Московское купечество той поры буквально охватила настоящая «картинная горячка». Купцы скупали картины в магазинах, заводили знакомства с художниками, следили за распродажами

работ на аукционах. Некоторые специально начинали вкладывать деньги в искусство, как в весьма прибыльное дело. Приобретение произведений искусства считалось весьма выгодным вложением капитала.

В отличие от Петербурга, где купечество искало знакомств с аристократией, в Москве купцы сближались с ученым и художественным миром. Но не все выходцы из купеческого сословия руководствовались в приобретении произведений искусства лишь меркантильными интересами. Сознание того, что если Бог дал тебе, то и ты должен помогать другим – двигало московскими благотворителями и меценатами.

Слова – «Богатство обязывает», – принадлежат Павлу Петровичу Рябушинскому, одному из восьми братьев Рябушинских – предпринимателей и меценатов¹⁰. Их предки – крестьяне Калужской губернии, сумевшие благодаря своим личным качествам добиться успеха на ниве предпринимательства. Особую известность как меценат получил Николай Рябушинский. Он оказывал финансовую помощь художникам и ученым, а доступность образования считал неперенным условием развития общества, поэтому счел своим долгом финансировать строительство школы. Братьев Елисеевых называли истинными благотворителями и храмостроителями. «Не в одном Петербурге, а во всей России на всякий призыв они откликаются первыми там, где нужна разумная помощь...» – такими словами чувствовали популярную в России фирму Елисеевых на ее столетнем юбилее в 1913 году¹¹. Елисеевы помогали тяжелобольным и обездоленным, старикам и нищим, детям и студентам. Московские меценаты понимали, что Москва – не только сердце России, но и один из величайших культурных центров нашей страны, Европы и всего мира.

Достаток, состояние, богатство, обязывают человека и в своем истинном понимании имеют смысл общественного долга, особого Божьего призвания. П. М. Третьяков коротко выразил в одном из писем своей любимой дочери Александре: «Нажитое от общества должно вернуться обществу»¹². Эти слова явно повторяют и перекликаются с евангельскими заповедями блаженства – «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5, 5).

Торговые и промышленные дела у Третьяковых шли превосходно. В 1860 году, вместе с братом С. М. Третьяковым и зятем В. Д. Коншиным, Павел Михайлович учредил торговый дом «П. и С. братья Третьяковы и В. Д. Коншин» для торговли изделиями из льна, хлопка и шерсти, в 1866 году – Товарищество Новой Костромской льняной мануфактуры. Совместно с другими московскими предпринимателями выступил учредителем Московского купеческого банка (1866; был одним из его руководителей), Московского торгово-промышленного товарищества (1874;

правление на улице Ильинка в здании Московского торгового банка), некоторых других крупных фирм. Составил крупное состояние (4,4 млн рублей), заключавшееся в недвижимости (5 домов в Москве), ценных бумагах, деньгах и векселях.

В 1854 году П. М. Третьяков начал собирать художественную коллекцию, купив 10 полотен старых голландских мастеров на «развалах» у Сухаревой башни. Он поставил перед собой цель создать национальную художественную галерею. Вспомним, что к середине XIX-го столетия в обществе заметно начал проявляться интерес к отечественной культуре и традициям. Хотя на протяжении многих столетий, особенно со времени западных реформ Петра I, высшие слои общества были уверены в превосходстве европейского над русским.

Но вернемся к Третьяковым. Молодой собиратель картин Павел Третьяков был убежден, что искусство России находится на пороге национального самоутверждения. Третьяков, воспитанный в православной народной русской среде, на евангельских заповедях, вдохновился идеей устроить в Москве «Общественную картинную галерею», которая должна состоять из картин русских художников, то есть быть национальной, и отражать развитие русского искусства, то есть быть исторической. Неким курсом, который наглядно показывал развитие и становление национального по своей сути искусства – взгляда на жизнь и духовный мир своих современников. В этом Павел Михайлович видел осуществление своего нравственного долга перед русским народом. Уже на склоне лет писал он: «Моя идея была с самых юных лет наживать капитал для того, чтобы нажитое от общества вернулось бы также обществу (народу) в каких-либо полезных учреждениях; мысль эта не покидала меня никогда во всю жизнь...»¹³ В свое собрание Третьяков включал наиболее ценные и примечательные произведения, в первую очередь своих современников, с 1870-х годов – главным образом членов Товарищества передвижных художественных выставок. Свои приобретения он делал на выставках и непосредственно в мастерских художников, иногда покупал целые собрания. В 1874 году приобрёл туркестанскую серию Верещагина (13 картин, 133 рисунка и 81 этюд), в 1880 году – его же индийскую серию (78 этюдов). В собрание Третьякова входило свыше 80 этюдов Иванова. В 1885 году Третьяков купил 102 этюда Поленова, выполненных художником во время путешествия по Турции, Египту, Сирии и Палестине. У В. Васнецова он приобрёл собрание эскизов, сделанных в период работы над росписями в киевском Владимирском соборе. Наиболее полно у Третьякова были представлены Перов, Крамской, Репин, Суриков, Левитан, Серов. Стремясь показать становление и развитие отечественной

художественной школы, Третьяков стал приобретать картины мастеров XVIII – первой половины XIX веков и памятники древнерусской живописи. Он задумал также создание «Русского пантеона» – портретной галереи знаменитых соотечественников. Специально для неё заказал портреты деятелей отечественной культуры ведущим мастерам этого жанра – Ге, Крамскому, Перову, Репину. На рубеже 1870–80-х годов Третьяков стал коллекционировать и рисунки (471 к 1893 году), с 1890-х годов формировал собрание икон. В общей сложности Третьяков приобрёл 62 иконы. При его жизни в экспозицию они не включались, а находились в кабинете владельца. Собирал он и скульптуру, однако эта часть коллекции была небольшой (9 скульптур к 1893 году).

В 1870–80-х годах архитектор А. С. Каминский несколько раз перестраивал дом братьев Третьяковых в Лаврушинском переулке (дом 10; куплен ими в 1851 году), приспособивая его для размещения коллекций. Фасад галереи в национальном неорусском стиле был построен уже после смерти Третьякова, в 1900–1905 годах (по эскизу В. М. Васнецова).

С 1881 года его галерея стала общедоступной (к 1885 году в ней побывало около 30 тысяч человек). В 1892 году Третьяков унаследовал собрание западноевропейской живописи своего брата и разместил его в двух залах западной школы. По значимости собрания галерея Третьякова находилась в одном ряду с крупнейшими музеями России того времени, стала одной из достопримечательностей Москвы. В августе 1892 года Третьяков передал своё собрание и особняк в дар Москве. К тому времени в коллекции насчитывалось 1287 живописных и 518 графических произведений русской школы, 75 картин и 8 рисунков западноевропейской школы, 15 скульптур и коллекция икон. 15 августа 1893 года состоялось официальное открытие музея под названием «Городская художественная галерея Павла и Сергея Третьяковых» (ныне Третьяковская галерея). В 1890-х годах её посещали до 150 тысяч человек ежегодно. Третьяков продолжал пополнять собрание, например, в 1894 году передал галерее 30 картин, 12 рисунков и мраморную статую «Христианская мученица» работы Антокольского. Занимался изучением коллекции, с 1893 года издавал её каталог (с 1896 года – под названием «Каталог художественных произведений Городской галереи П. и С. Третьяковых»).

Все вышеприведенные вехи меценатской, благотворительной и патриотической деятельности Третьяковых показывают, что предприниматели, вышедшие из купцов, были людьми высокой духовной культуры, высоких духовных дарований, которыми они щедро делились с обществом, желая показать красоту и богатство духовного мира русского человека. Своей галереей, своей благотворительной деятельностью, направленной

на поддержку талантливого и творческого потенциала, они поднимали престиж Отечества, способствовали развитию чувства национального достоинства, утверждали любовь к человеку, его духовно-нравственному облику.

Своим собранием они утверждали космическую правду Церкви – собирательницы и носительницы красоты духовно-нравственных начал¹⁴. На протяжении многих лет Третьяков покупал лучшие картины русских художников, работы старых русских мастеров, иконы, поддерживал передвижников.

Уже в 1860 году, 28 лет от роду, Павел Михайлович на всякий случай пишет завещание, в котором упоминает и будущую Третьяковскую галерею. «Капитал же 150 тысяч рублей серебром я завещаваю на устройство в Москве художественного музея или общественной картинной галереи и прошу любезных братьев моих Сергея Михайловича и Владимира Дмитриевича и сестер моих Елизавету, Софью и Надежду непременно исполнить просьбу мою. Я забыл упомянуть, что желал бы оставить национальную галерею, состоящую из картин русских художников. Более всех обращаюсь с просьбой моей к брату Сергею, прошу вникнуть в смысл желания моего. Не осмеять его, понять, что для не оставляющего ни жены, ни детей и оставляющего мать, брата и сестру вполне обеспеченных, для меня, истинно и пламенно любящего живопись, не может быть лучшего желания, как положить начало общественного всем доступного хранилища изящных искусств, принесущего многим пользу, всем удовольствию»¹⁵. В своем завещании и брат, С. М. Третьяков, также указал, что после его смерти собранные им картины должны перейти в собственность города. Вообще между братьями всегда царил редкостное согласие, об этом свидетельствуют не только члены семьи Третьяковых, но и многие их современники. Братья решали сообща как деловые вопросы, так и подчас запутанные вопросы художественной жизни, которая по самой своей сути склонна к интриге. Бывало, что Сергей Михайлович приобретал какую-нибудь картину просто для того, чтобы передать ее брату. Здесь, кстати, уже можно перейти от личных отношений между Третьяковыми к их главному уникальному качеству – к их способности сочетать активную и успешную деловую жизнь с не менее активной и глубокой жизнью в художественных, литературных, музыкальных, театральных кругах.

Оба они были равноправными деловыми партнерами и равно уважаемыми ценителями прекрасного. В этом чувствуется какая-то особенная чисто русская универсальность – *не-сухость*, но и *не-мечтательность*, которая наряду с другими разными чертами русского характера должна

быть признана как одна из исконных, главных черт. С одной стороны, Третьяковы были исключительно надежными и порядочными деловыми партнерами, как по отношению друг к другу, так и ко всем. А с другой, вращались именно среди тех своих современников, чьи лица стали для нас главными лицами второй половины XIX века в России, если говорить об искусстве во всех его разнообразных проявлениях. Лица этих людей – друзей и свойственников Павла и Сергея Третьяковых – мы, кстати говоря, в основном знаем по портретам, выполненным специально для Третьяковской галереи русскими художниками, также друзьями и свойственниками братьев. Сохранилась и издана очень интересная переписка между П. М. Третьяковым и Львом Толстым, в которой Павел Михайлович раскрывается как независимая личность, отстаивающая свою позицию, и в то же время человек высокого христианского терпения, уважающий отличное от других, собственное мнение писателя. Павел Михайлович высоко оценивал и гений Достоевского и жалел о том, что упустил возможность личного знакомства с ним. «Я боялся, как бы не умалился для меня он при более близком знакомстве, и вот теперь не могу простить себе», – писал он после смерти писателя¹⁶.

В качестве дополнительных морально-нравственных черт Третьяковых отметим их знакомства, дружеские связи, родственные отношения, которые указывают на круг исключительно порядочных людей, с высокими нравственными принципами. К слову сказать, Третьяковы находились в свойстве и со знаменитым ученым-медиком Сергеем Петровичем Боткиным и его сыном Евгением Сергеевичем, тем самым врачом, который вместе с царской семьей погиб в Екатеринбурге.

Павел Михайлович отказался от дворянства, которое ему хотел пожаловать царь после принесения Отечеству и обществу такого бесценного дара как Третьяковская галерея. Он гордился тем, что он – купец, и принял только звание «Почетный гражданин Москвы». Он бескорыстно помогал нуждающимся художникам, им были установлены стипендии в коммерческих училищах. Коллекция его младшего брата – Сергея Михайловича – также была завещана Москве и, после его смерти, более тридцати лет была выставлена в двух залах Третьяковской галереи.

В. В. Стасов, выдающийся русский критик, в некрологе на смерть Третьякова, писал: «Третьяков умер знаменитым не только на всю Россию, но и на всю Европу. Приедет ли в Москву человек из Архангельска или из Астрахани, из Крыма, с Кавказа или с Амура – он тут же назначает себе день и час, когда ему надо идти в Лаврушинский переулок, и посмотреть с восторгом, умилением и благодарностью весь тот ряд сокровищ, которые накоплены этим удивительным человеком в течение всей его жизни»¹⁷.

Не менее высоко оценивали меценатов Третьяковых и сами художники, с которыми они были связаны на ниве собирательства. В феномене Третьякова поражает то, что он, не имея никакого специального художественного образования, тем не менее, быстрее других угадывал и распознавал талантливых художников. Раньше многих он осознал неопределимые художественные достоинства иконописных шедевров Древней Руси. Они, великие благодетели и меценаты, вернули, если так можно выразиться, добрую славу древнерусской иконе, как «богословию в красках», как «умозрительному богословию»¹⁸. Вернули подлинное понимание иконы. А вместе с пониманием иконы, вернули обществу понимание Православия. Вызвали в тогдашнем обществе, зараженном западными идеями, интерес к своей национальной, древней, блистающей духовным богатством вере. Вернули с путей западного позитивизма русскую интеллигенцию, лучшая часть которой, после раскрытия красоты и духа Православия вышедшими из народа такими вот Третьяковыми, Рябушинскими, Мамонтовыми, пошла в Церковь. Ведь в «иконе Церковь видит не какой-либо один аспект православно вероучения, – писал Л. А. Успенский, великий знаток иконы, – а выражение Православия в целом... ни понять, ни объяснить церковное искусство вне Церкви и ее жизни невозможно»¹⁹. П. М. Третьяков сделал значительный взнос на православный храм в Токио, который строился трудами святого равноапостольного Николая Японского. Третьяковы вообще регулярно жертвовали на церкви. Они также участвовали в финансировании исследовательской экспедиции, занимавшейся изучением, восстановлением и реставрацией древних храмов России. Из переписки Третьякова известно, что он не отказывал в помощи и частным лицам, если в этом была необходимость. Он бесплатно сотрудничал с Московским попечительским банком, выделявшем средства на поддержку нуждающихся. Меценат и предприниматель П. М. Третьяков был известен всей России как щедрый благодетель и общественный деятель. Один из девизов Заповедей блаженств – «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут», – был воспринят им буквально (Мф. 5, 7). В 1860 году построил и затем содержал Арнольдо-Третьяковское училище для глухонемых на Донской улице. Оказывал материальную помощь отдельным художникам и Московскому училищу живописи, ваяния и зодчества, с 1869 года состоял членом совета Московского попечительства о бедных. Был также членом советов Московского коммерческого училища и Александровского коммерческого училища. Половину своих средств он завещал на благотворительные цели: на устройство приюта для вдов, малолетних детей и незамужних дочерей умерших художников (построен в 1909–1912 годах

архитектором Н. С. Курдюковым, Лаврушинский переулок, д. 3), для задачи рабочим и служащим своих предприятий, а также на финансирование галереи. Также можно предположить, что немалую часть своих благодеяний Павел Михайлович попросту скрыл...

Начинания Третьяковых и подобных им меценатов и благотворителей было воспринято в обществе как дело служения ближнему своему и своему Отечеству. Их благородное дело нашло отклик в обществе и стало примером для подражания. 31 мая 1912 года произошло событие, которого ждала вся общественность Москвы и Петербурга. В самом центре Москвы, на улице Волхонке, открыл свои двери для широкой публики Музей изящных искусств имени Александра III при Московском университете. Открытию предшествовала кропотливая работа основателя музея И. В. Цветаева. На протяжении 25 лет, день за днем, месяц за месяцем, профессор настойчиво осуществлял свою мечту – создание в Москве Музея изящных искусств. Братья Щукины, происходившие из именитой купеческой семьи, – яркий пример бескорыстного служения искусству и своему народу. Страстные и со временем профессиональные коллекционеры, они оставили в истории культурной жизни России яркий след, внесли громадный, хотя и недооцененный, вклад в русское музейное дело.

Рассмотрим и другие стороны богатой творческой натуры П. М. Третьякова. Как отмечал Александр Бенуа, Третьяков по натуре и по знаниям был ученый. И по характеру деятельности был не только собирателем русских картин, но и историком русского искусства. Знакомясь с новыми художниками, Павел Михайлович стал покупать у них картины, таким образом, он помогал им материально, способствовал тому, что они участвовали в выставках и постепенно становились известными. 22 августа 1865 года Павел Михайлович женился на Вере Николаевне Мамонтовой. Вскоре, жена стала не только его единомышленницей, но и верной помощницей мужу во всех его делах, кроме торговых. Благотворительные и просветительские дела Третьяковых не ограничивались Москвой. С возникновением Товарищества передвижных художественных выставок собирательство Третьякова самым тесным образом связано с этим объединением. Павел Михайлович разделял и убеждение передвижников в том, что искусство призвано служить серьезным интересам народа, и их желание знакомить с искусством русскую провинцию. Передвижники же признали в Третьякове своего единомышленника. Он оказывал этим молодым тогда художникам материальную и моральную поддержку. Так что отчасти передвижников – эту независимую группу художников, можно даже считать «Третьяковской школой». Вместе с тем, собирательство

Третьякова не ограничивалось передвижниками. Современную ему художественную жизнь он стремился отражать максимально объективно и полно. Он исключал из собирательства лишь откровенно заказные и парадные картины. Роль Третьякова в художественной жизни России становилась столь велика, что Академия художеств, несмотря на то, что в своем собирательстве коллекционер следовал собственному выбору и чутью, признала его в 1868 году почетным, а позже и действительным членом. Он счел своим долгом приносить посильную помощь Академии, и уже в следующем году передал ей в дар большую коллекцию литографий с картин европейских мастеров, собранную им во время зарубежных поездок. Так постепенно осуществлялась идея Павла Михайловича Третьякова создать общенациональную художественную галерею, отражающую историческое развитие русского искусства – музей на благо и во имя интересов общества. Идея служения своему народу и Отечеству. Идея церковная. Идея соединения Бога и человека в союзе любви и красоты (Ин. 15, 8-10). Парадигма (*греч.* – пример, образец, доказательство) добра – вот что составляет идею меценатства. Дай Бог, чтобы современные меценаты в своих трудах руководствовались этой идеей.

¹ *Соборное слово XI Всемирного Русского Собора. Семейный круг. 2007. № 5–6, март-апрель. С. 3.*

² *Социальная концепция Русской Православной Церкви // Даниловский благовестник. М., 2001. С. 90–91.*

³ *Моя Москва. 2005. № 2. С. 25.*

⁴ *Там же.*

⁵ *Флоренский П., свящ. Столп и утверждение Истины. // Собр. соч. Т. 4. Paris: YMKA-PRESS, С. 7–8.*

⁶ *Розанов В. В. Уединенное. Несовместимые контрасты жития. М., 1990. С. 527.*

⁷ *Там же. С. 532.*

⁸ *Бердяев Н. А. Смысл творчества. Paris: YMKA-PRESS, С. 7.*

⁹ *Языков И. К. Богословие иконы. М., 1995. С. 7.*

¹⁰ *Боханов. Коллекционеры и меценаты в России. М.: Наука, 1989. С. 43.*

¹¹ *Там же. С. 55.*

¹² *Там же. С. 64.*

¹³ *Думова Н. Г. Московские меценаты. М.: Молодая гвардия, 1992. С. 44.*

¹⁴ *Тышкевич С., свящ. Церковь Богочеловека. Roma: Russikum, 1958. С. 132–134.*

¹⁵ *Думова Н. Г. Указ. соч. С. 49.*

¹⁶ *Там же. С. 40.*

¹⁷ *Моя Москва. 2005. № 2. С. 23.*

¹⁸ *Успенский Л. А. Богословие иконы Православной Церкви. Изд-во Западноевропейского эказархата, 1989. С. 5.*

¹⁹ *Там же.*

**«Не отстранять от торговли
и от своего сословия...»
Заветы отца братьев Третьяковых**

В духовном завещании Михаила Захаровича Третьякова, отца Павла и Сергея Михайловичей Третьяковых, записано: «...сыновей до совершеннолетия воспитывать», «не отстранять от торговли и от своего сословия... и прилично образовать»¹. Забота о дальнейшем становлении и «выходе в люди» двух старших сыновей, о росте благосостояния семьи типична для купеческого сословия. Уже при жизни Михаила Захаровича, а по воспоминаниям близко знавших его людей он слыл человеком умным и дальновидным, дети получили «полное» домашнее образование, воспитывались в должной строгости. С раннего возраста сыновья помогали отцу в торговых делах, ходили в лавку, исполняли обязанности мальчиков при лавке, обучались «мелочам, ритуалу, духу московской хозяйственной деятельности»². С 15-ти лет отец доверял старшему сыну Павлу вести расчетные книги. В завещании М. З. Третьякова, написанном незадолго до смерти, звучит удовлетворенность сыновьями: «Так как образ торговли моей сыновьям моим известен, то я надеюсь, что они будут следовать всем моим правилам, которые я старался внушать им»³. Правила жизни, заветы отца – братьями Третьяковыми соблюдались свято. А передача дел по наследству, перенимание профессиональных торгово-промышленных навыков, воспроизводство капитала в рамках одной семьи или рода оказывается необходимым условием экономического развития России середины – второй половины XIX столетия.

«Для хода вверх нужна была наличность двух последовательно талантливых поколений (отца и сыновей) и, конечно, Божие благословение, теперь сказали бы удача, выгодная конъюнктура»⁴, – писал один из представителей именитой купеческой династии Рябушинских, занимавшей видное место в промышленной и финансовой жизни России. При этом, сын должен быть талантливее отца, полагал далее Рябушинский, подразумевая под талантом «наличие ума и воли». В семье Третьяковых благополучное стечение обстоятельств привело к мощному рывку: от разнообразной торговли в лавках (полотном, хлебом, дровами) в старом Гостином дворе к серьезному предпринимательству. Тем не менее, братья Третьяковы никогда не входили ни в число «привилегированных» предпринимателей, ни в десятку богатейших людей своего времени, они

не были чересчур богатыми⁵ и не были связаны напрямую с властью. Они не стремились стать монополистами, не работали на «госзаказ», «не кормились» подле государства, не занимались винными откупами (сыгравшими определяющую роль при накоплении первоначального капитала крупных промышленников В. А. Кокорева, Е. Гинцбурга и др.). Их состояние добыто трудом, и «легким» его не назовешь. Иногда их называют предпринимателями «средней руки», и это также не соответствует истине.

Предпринимательская деятельность братьев Третьяковых долгое время находилась в тени исследовательских интересов, и только недавно стала привлекать внимание⁶. Сегодня, исходя из имеющихся документов, можно сказать, что они были весьма состоятельными людьми, более того обладали большим авторитетом не только в предпринимательской, но и общественной жизни города, их фамилии фигурируют в ряду крупных российских фабрикантов 1870–1880-х годов. В торгово-предпринимательской деятельности им сопутствовала удача, и, видимо, они обладали многими необходимыми качествами, привитыми отцом, как то: смелость, расчетливость, гибкость, работоспособность, благодаря которым и прумножалось благосостояние семьи. Напомним, что с середины 1860-х годов Третьяковым принадлежала Новая Костромская льняная мануфактура (НКЛМ). Несмотря на экономические кризисы, она продолжала неуклонно набирать обороты и расширяться. К концу XIX века предприятие занимало одно из первых мест в России по качеству и количеству производимого товара. Третьяковы владели магазином, который в течение сорока лет не менял своего местоположения (признак стабильности), находясь напротив Биржи на улице Ильинка – «широкой блестящей улице капиталистов и банкиров» в Китайгородском квартале, ставшем спустя несколько десятилетий «кварталом европейского типа»⁷. Торговали как русским, так и иностранным товаром, в основном тканями: шелком, бархатом, шерстью, батистом, льном, платками, столовым бельем, одеялами и т. д. В течение жизни они покупали недвижимую – доходные дома в Москве и большие земельные участки в Костромской губернии.

В начале 1870-х годов братья Третьяковы в Москве осуществили интересный проект, ставший результативным сразу в двух аспектах: в градостроительном и в коммерческом. Они купили дом с землей в приходе церкви Святой Троицы, разобрали часть Китайгородской стены и построили по проекту А. С. Каминского⁸ дом с проездом под ним⁹ или – самую маленькую улицу города, которая впервые соединила два больших района Москвы Никольскую улицу с Театральным проездом (ныне Охотный ряд), ранее не сообщающихся между собой. В 1873 году по-

стройка была завершена и получила наименование в честь братьев Третьяковых – Третьяковский проезд. Первый этаж здания предназначался для сдачи в аренду разным лицам под конторы и магазины для розничной торговли. По воспоминаниям современников, Третьяковский проезд ближе к концу века стал одним из самых фешенебельных мест в Москве¹⁰. На Театральный проезд выходил известный «Магазин готового платья» Торгового дома братьев Алексеевых, крупных текстильных фабрикантов (Алексеевы через племянницу бр. Третьяковых состояли с ними в родстве). А в конторе Алексеевых, расположенной также в Третьяковском проезде, некоторое время служил Константин Сергеевич Алексеев (Станиславский), ставший впоследствии режиссером МХТ. Здесь же располагался, по воспоминаниям старшей дочери Третьякова, В. П. Зилоти, книжный магазин, который арендовала семья Ферапонтовых, жившая по соседству в Большом Толмаческом переулке¹¹. Среди арендаторов Третьяковых был и владелец одного из самых крупных аптечных предприятий России В. К. Феррейн.

Идея семейного воспроизводства капитала, так просто и логично прозвучавшая в середине XIX века в духовном завещании Михаила Захаровича, осмысляется и ставится как важнейшая проблема в рамках экономического развития страны в трудах известного «экономического славянофила» В. А. Кокорева: «Успех этой (предпринимательской. – Т. Ю.) деятельности зависит от продолжительного существования торговых домов, передающих из рода в род порядок ведения дел вместе с последовательным их усовершенствованием. На этом создается общее народное доверие к старинным торговым домам, представителей которых у нас мало, но и те, которые есть быстро редуют...»¹² Сказанное относится к 1880-м годам – к периоду зрелой предпринимательской деятельности братьев Третьяковых.

Одной из причин гибели большинства торговых домов Кокорев называл «чинобесие» или, как он сам говорил, «дезертирство купцов», имея ввиду погоню за наградами и чинами с целью перехода из купеческого сословия в дворянское. Показательно, что «в числе купцов, не поддавшихся чиновности», Кокорев называет «заслуживающую всеобщей благодарности льнопрядильную фабрику в Костроме С. М. Третьякова».

Имя Сергея Михайловича Третьякова¹⁴ возникло неслучайно. Он был чрезвычайно популярной фигурой в общественной жизни Москвы на рубеже 1870–1880-х годов, как говорится, «на виду». Будучи московским городским головой с 1877 по 1881 годы, он пользовался большим авторитетом в Московской городской думе. В 1881 году из-за «какой-то темной подпольной интриги» после избрания его московским головой

на второй срок, он принял решение отказаться от должности¹⁵. С этого момента началась систематическая травля С. М. Третьякова. В его поддержку выступили И. С. Аксаков, В. А. Кокорев и др. Одно время, в начале 1880-х годов, и картинная галерея Павла Михайловича Третьякова для москвичей определялась как галерея брата «нашего теперешнего городского головы»¹⁷. Ближе к середине 1880-х годов ситуация изменилась, и имя Павла Михайловича Третьякова в общественном сознании стало неотрывно от галереи русского искусства, в народе получившей наименование Третьяковской. В делах и словах П. М. Третьякова также можно найти множество проявлений открытой «антипатии к мундиру»¹⁸ (выражение московского собирателя). Достаточно вспомнить о едва скрываемом недовольстве П. М. Третьякова при получении звания коммерции-советника или ставшие широко известными его слова: «я купцом родился, я купцом и умру», – свидетельствующие в том числе об определенном консерватизме мышления, быть может, даже – сознательном консерватизме. Статистика переписи в Москве с 1832 по 1897 годы свидетельствуют о постепенном сокращении лиц купеческого звания¹⁹, что связано с непрестижностью торгового звания в общественном сознании, с нестабильностью купеческой деятельности. Общеизвестно, как многие купцы стремились стать именитыми гражданами, перейти в дворянство, чиновничество, офицерство.

В связи с этим далеко не случайными оказываются слова завещания Михаила Захаровича о необходимости держаться своего сословия, что означало, в том числе, держаться родственных связей. В этом виделась гарантия успеха любого дела. «Не часто бывает, чтобы имена двух братьев являлись так тесно друг с другом связанными. При жизни их объединяла подлинная родственная любовь и дружба. В вечности они живут как создатели галереи имени Павла и Сергея Третьяковых», – напишет о них историк московского купечества П. А. Бурышкин в первой трети XX века. Братья Третьяковы были безупречными деловыми партнерами, их связывало не только общее дело, они сумели сохранить уважение и доверие друг к другу до конца своих дней. Даже в тех случаях, когда звучало имя одного из братьев, незримо присутствовал другой. Их жизнь прошла в тесной поддержке, совете, общих занятиях, не только предпринимательской деятельностью, но и благотворительной, собирательской и т. д. Оба любили музыку, с удовольствием посещали театры, концерты, слушали оперу. С. М. Третьяков помогал брату формировать коллекцию, порой покупал произведения за брата (ради соблюдения «дипломатии» с художниками), сообщал последние художественные новости, разыскивал картины мастеров XVIII – первой половины XIX веков, по заданию

старшего брата, общался с художниками. Многие русские картины, купленные С. М. Третьяковым, нередко по совету брата, поступили в галерею еще при жизни Сергея. Братья были знакомы с завещаниями друг друга. Вопрос о передаче в дар городу Москве объединенной коллекции был решен задолго до непосредственной передачи.

Союз Павла и Сергея Третьяковых с полным правом можно назвать идеальным. Когда «братья пришлифовываются» друг к другу – выражение В. П. Рябушинского – случается крайне редко в истории. Они всякий раз подставляли плечо друг другу, но также оказывались и взаимозаменяемы. В 1892 году после смерти брата П. М. Третьяков, отправившись в путешествие, пишет жене: «Прежде... я, уезжая, отрешался от всего московского... я знал, чтобы ни случилось в моем отсутствии в делах, то брат сделает так, как бы я сам сделал...»²⁰ А спустя год, заказывая Репину портрет брата, продолжая переживать внезапную смерть Сергея, напишет: «...он любил живопись страстно и если собирал нерусскую, то потому что я ее собирал, зато он оставил капитал для приобретения на проценты с его только русских художественных произведений. А человек он был гораздо лучше меня»²¹.

Когда сыновья еще были подростками, М. З. Третьяков, заботясь об успехах семейного предприятия, в начале 1840-х годов принял в свое дело приказчика В. Д. Коншина²². Спустя десять лет он ввел его в торговое дело, взяв с него слово, жениться на старшей дочери, что и произошло после кончины главы семейства. Коншин, выполняя волю покойного, женился на Елизавете Третьяковой. В течение всей дальнейшей жизни Коншин до смерти оставался партнером, компаньоном, директором-учредителем НКЛМ. Павел и Сергей Третьяковы называли его «братом». Имя В. Д. Коншина было отражено и в названии фирмы «Торговый дом в образе полного Товарищества под фирмою П. и С. Братья Третьяковы и В. Коншин». Дела распределялись соответственно возможностям партнеров, судя по письмам, случалось всякое, но отношения оставались семейными, теплыми, тесными, невзирая порой на недовольство друг другом. Дочери Коншина, Александра и Прасковья, после смерти матери в 1870 году обычно каждое лето проводили на даче вместе с семьей П. М. Третьякова.

Другой зять братьев Третьяковых – архитектор А. С. Каминский, вскоре после женитьбы на их сестре Софье Михайловне Третьяковой получил должность архитектора Московского купеческого общества. Он выполнял все заказы не только братьев Третьяковых, Коншина, но и многих купцов, состоявших в родстве (по кровным связям) или свойстве (родство по брачным союзам, отношения между родственниками супругов) с Третьяковыми.

Об особом доверительном отношении со свойственниками свидетельствует тот факт, что душеприказчиком С. М. Третьякова в его посмертном завещании был назван муж племянницы – московский городской голова – Н. А. Алексеев²³, который, выполняя волю С. М. Третьякова, обеспечил передачу художественного собрания Павла и Сергея Михайловичей городу Москве без всяких бюрократических проволочек. А душеприказчиком П. М. Третьякова стал муж сестры В. Н. Третьяковой – К. В. Рукавишников²⁴, видный общественный деятель, – сделавший все возможное, чтобы духовное завещание П. М. Третьякова обрело юридическую силу (из-за неточностей оформления оно было признано недействительным)²⁵.

Третьяковы поддерживали самые тесные отношения со своими родственниками и свойственниками. Это качество отличало московское купечество, которое характеризовалось во второй половине XIX века династическими традициями, наличием огромных семейных капиталов и купеческих «клановых» связей. Третьяковы не были исключением. Напротив, их родословное древо во многих смыслах является весьма показательным и существенно расширяет наши представления не только о семье основателей Третьяковской галереи, но и о своей эпохе²⁶.

По мужской линии Третьяковы состояли в родстве и в свойстве с известными купеческими родами Мазуриными, Боткиными (одна из дочерей П. К. Боткина, Мария Петровна, стала женой поэта А. А. Фета (Шеншина), с которым Третьяковы общались с конца 1860-х годов). Однако для получения картины реальных родственных связей семьи Третьяковых невозможно не упомянуть именитый род купцов Мамонтовых. Павел Михайлович Третьяков женился в 1865 году на Вере Николаевне, урожденной Мамонтовой, двоюродной сестре Саввы Ивановича Мамонтова, ставшего впоследствии крупным предпринимателем и известным меценатом. По линии жены Третьяковы породнились не только с многочисленной семьей Мамонтовых²⁷, но и с другими крупнейшими купеческими фамилиями, среди них – Сапожниковы, Морозовы, Хлудовы, Якунчиковы (старшая сестра В. Н. Третьяковой – Зинаида Николаевна, в замужестве Якунчикова), через Якунчиковых с семьей художника В. Д. Поленова. В третьем поколении младшая сестра В. Н. Третьяковой, Евдокия Николаевна, в замужестве Рукавишникова, состояла в родстве с писателем Владимиром Набоковым.

Дети Третьяковых, Мамонтовых, Якунчиковых, получив хорошее домашнее образование, связали свои жизни не только с представителями купеческого сословия. И хотя, это не могло не огорчать П. М. Третьякова, его старшая дочь вышла замуж за известного музыканта и пианиста А. И. Зилоти²⁸, двоюродного брата композитора С. В. Рахманинова.

Через Зилоти Третьяковы породнились с семьей Гучковых. Через двух дочерей Александру (вышла замуж за С. С. Боткина²⁹) и Марию (вышла замуж за А. С. Боткина)³⁰ семья П. М. Третьякова снова породнилась с крупным купеческим кланом Боткиных. Трудолюбивые и талантливые его представители оставались крупным промышленниками, переходили в дворянство, уходили в науку, медицину, дипломатию, литературу, искусство, собирательство. Третья дочь П. М. Третьякова стала женой художника Н. Н. Гриценко³¹ (1856–1900), сына купца III-й гильдии, служившего врачом в г. Кузнецке (ныне Новокузнецк). Овдовев Любовь Павловна (уже после смерти отца), вышла вторично замуж за художника Льва Самойловича Бакста³² (1866–1924).

Старшая из племянниц П. М. и С. М. Третьяковых, Александра Коншина, как уже было отмечено, стала женой Н. А. Алексеева, представителя богатой и старинной купеческой династии, двоюродного брата режиссера К. С. Алексеева-Станиславского. Вторая племянница – Прасковья Коншина³³, слывшая первой московской красавицей (ее портрет исполнил И. Е. Репин в 1878 г.), стала женой родного брата композитора П. И. Чайковского – Анатолия Ивановича. Этот список может продолжаться и не имеет конца. Все эти семьи составляли цвет московского купечества второй половины XIX – начала XX века, играли большую роль не только в общественной, экономической, культурной жизни Москвы, но и задавали общий тон развитию предпринимательства и благотворительности в России. Любопытно, что с 1870-х годов в руках разбогатевшего московского купечества оказывается и городская власть. К высшей выборной власти приходят самые деловые представители третьего сословия, вытесняя, таким образом, дворянское. Среди них крупный табачный фабрикант В. М. Бостанджогло (приходился дядей Е. А. Третьяковой, второй жене С. М. Третьякова), Н. А. Алексеев (зять В. Д. Коншина), сам С. М. Третьяков и т. д.

О теплом общении между родственниками сохранилось множество воспоминаний. Так Сергей Четвериков (породнившись с Третьяковыми через Алексеевых) опубликовал свои заметки-воспоминания о музыкальных вечерах, устраиваемых В. Н. Третьяковой³⁴ в 1870-х годах, когда он, став «близким человеком семье Третьяковых», посещал их почти «еженедельно». Но самым, пожалуй, ярким в этом смысле стало празднование серебряной свадьбы Павла Михайловича и Веры Николаевны Третьяковых. Оно состоялось 22 августа 1890 года на даче в Куракине, которую арендовали многие годы Третьяковы у своихственников Сапожниковых. Инициатива принадлежала В. Н. Третьяковой. Широко известно, как Павел Михайлович избегал гостей, боялся

«глупой» музыки и застольных тостов, использовал любой повод, чтобы покинуть дом и не присутствовать на каком-нибудь празднике. Он более всего ценил свободное время, которого всегда ему недоставало. Вера Николаевна составила программу и список приглашенных, рассчитала количество пролетов, экипажей и т. д. В Отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи (ОР ГТГ)³⁵ хранятся списки гостей. Один из них насчитывает 90 человек, другой – 146 человек, было послано 51 приглашение и телеграммы. Среди гостей – родственники и близкие знакомые – Мамонтовы, Якунчиковы, Боткины, Поленовы, Алексеевы, Сапожниковы, Рукавишниковы, Коншины, Гартунги, Каминские, Гучковы, Остроуховы (приходились свойственниками через Боткиных), Рачинские (свойственники через Мамонтовых), Юргенсоны, Кашины (семья директора Костромской мануфактуры), Зотовы (владели конкурирующей с НКЛМ в Костроме фабрикой), Жегины, Риба с дочерьми, художники Суриков с дочерьми, Вл. Маковский с женой, Н. Е. Рачков, И. М. Прянишников с женой, Н. В. Неврев, и т. д. Первым номером в списке стояла мать братьев Третьяковых Александра Даниловна³⁶, братья и сестры с семьями, племянник Н. С. Третьяков (единственный наследник по мужской линии после смерти младшего сына П. М. Третьякова) с женой и т. д.

Об интересе Павла и Сергея Михайловичей к своим корням говорит изданная непосредственно по их заказу и на их средства книга, ставшая сегодня библиографической редкостью – «Малоярославец. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий» (М., 1884). Она проливает свет на происхождение рода Третьяковых, который восходит к посадским людям из города Малоярославца. Первое упоминание относится к 1646 году. Вновь обретенная дата «углубляет» традиционное представление о происхождении семьи более чем на сто лет.

Обычно историю рода Третьяковых начинали с 1774 года, когда семидесятилетний прадед Павла и Сергея, Елисей Мартынович, прибыл в Москву с женой Василисой и двумя сыновьями Захаром и Осипом. «О более ранних предках нам ничего не удалось узнать, – пишет А. П. Боткина, – т. к. в архиве города Малоярославца имеются дела и документы только начиная с 1812 года. Все, что было раньше, сгорело, вероятно, во время отступления Наполеона из России»³⁷. В книге В. П. Зилоти, написанной в эмиграции, также ни словом не упомянуты малоярославские предки. Со словами «нет ничего невозможного» Зилоти передает легенду, рассказанную художником К. Коровиным о том, что Третьяковы были боярами при Иоанне Грозном, попали в опалу за свободомыслие, были сосланы во Владимирскую губернию, и промышленляли ямщицеством³⁸.

Дочери П. М. Третьякова, вслед за отцом и дядей, тем не менее, проявляли интерес к своим корням. В ОР ГТГ хранится письмо В. П. Зилоти И. Э. Грабарю (1914), в то время бывшему попечителем Третьяковской галереи: «К высказанному когда-то Любой (Любовь Павловной Гриценко-Бакст. – Т. Ю.) по ее словам следовало бы у кого-нибудь расспросить о предках, детстве и молодости П[авла] М[ихайловича]; сейчас существует только одна сестра П[авла] М[ихайловича] – Надежда Михайловна Гартунг, которая помнит как мне кажется очень многое, ей лет под 60. А П[авлу] М[ихайловичу] было бы сейчас 82 года. Если бы мы с Вами как-нибудь устроили, чтобы она продиктовала стенографистке свои воспоминания...»³⁹ Скорее всего, воспоминания Надежды Михайловны Гартунг (умерла в 1939 году) не были написаны. Известно лишь, что она многое успела рассказать А. П. Боткиной, автору книги воспоминаний о П. М. Третьякове, которая по сей день остается одним из главных источников о жизни и быте московского собирателя и его домочадцев.

Родословное древо семьи Третьяковых, начиная с прадеда Елисея Мартыновича, т. е. с конца XVIII столетия, было составлено в 1910–1915 годах внучкой П. М. Третьякова, Мариной Николаевной Гриценко, со слов Л. П. Гриценко и В. П. Зилоти. Впоследствии оно было уточнено А. П. Боткиной и А. В. Мамонтовым. Некоторые данные в 1920-е гг. взяты с надгробий Даниловского кладбища в Москве⁴⁰.

Справедливости ради надо сказать, что исследователям купеческих родов было известно, что семья Третьяковых существовала еще с 1646 года. Первым об этом упомянул Петр Бартенев в «Русском архиве»⁴¹, вслед за ним Павел Бурышкин в книге воспоминаний «Москва Купеческая»⁴², над которой работал в эмиграции. Оба специалиста не ставили перед собой задачи проследить становление рода, и никто из них не сослался на книгу, изданную братьями Третьяковыми и раскрывающую их интерес к родословию семьи. Более того, о книге не упомянули и дочери П. М. Третьякова. Вместе с тем, важно отметить, что род Третьяковых, последовательно расписанный в книге «Малоярославец...», нашел свое продолжение в III-й и последующих книгах⁴³ девятитомного издания «Материалы по истории московского купечества» (1883–1889), инициированным и финансируемом Н. А. Найденовым, известным московским предпринимателем и благотворителем. Думается, что издание книги, предпринятой Павлом и Сергеем Михайловичами Третьяковыми в 1884 году, не было простой случайностью, а весьма продуманным предприятием.

Благодаря вновь обретенной к юбилею Государственной Третьяковской галереи (ГТГ) книге «Малоярославец. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий» произведен ряд уточнений. Первый представитель

рода Третьяковых указан, так сказать, «по женской линии». Это – Ганка Васильев, по прозвищу Тренка Левин, проживавший в собственном дворе в «Слободе Спасской на речке Ярославке». Упоминание о нем имеется в переписной книге города Малоярославец за 1646 год. По-видимому, он был заезжим человеком. Его дочь стала женой Фомки Лукьянова. Ее имя не известно. От них и пошел род, получивший впоследствии фамилию Третьяковы. У Фомки и его жены было два сына и пять внуков. От третьего внука Мартына Федорова – «третьяка» – происходит фамилия Третьяковых. Сама фамилия была получена Елисеем Мартыновичем, сыном Мартына. или «третьяка», при его переезде из Малоярославца в Москву, при переходе в московское купечество. Он был правнуком Фомки Лукьянова и, соответственно, прадедом братьев Павла и Сергея.

Теперь можно говорить о достоверности происхождения фамилии Третьяковых. Ранее эта версия существовала как предположение, не подтвержденное документально. Самая многочисленная группа среди фамилий, образованных от внутрисемейных имен, данных ребенку в связи с обстоятельствами рождения, составляют фамилии, основой которых является имя, означающее, каким по счету родился ребенок. Среди фамилий этого типа общеизвестны: Одинцовы, Второвы, Третиловы, Четвериковы, Пятаковы, Шестаковы, Семехины, Осмехины и, конечно же, Третьяковы.

Если ранее в литературе фигурировал один Елисей Мартынович с женой, то теперь мы знаем о его родителях и предках, также о его братьях и сестрах, о которых прежде ничего не было известно, кроме того, прояснены даты рождения самого Елисея Мартыновича, его сына Захара Елисеевича и многих других родственников.

Мысль о доброй памяти к предшественникам, о сохранении преемственности опыта поколений, чувство благодарности к своим близким и далеким родственникам пронизывает не только русскую культуру XIX века, но оказывается в крови разных сословий. Эта мысль исторически формировалась в русском характере с давних времен. Уважение к предкам, чувство ответственности за имя и фамилию, которую ты носишь, оказываются непрременным условием существования семьи, семейного дела в условиях зарождающегося купеческого сословия, начиная с XVII столетия. Неслучайно, что в русском языке терминология родства, связывающая два-три поколения, разработана более тщательно, чем в других языках. Это свидетельствует о большой роли семьи в жизни дореволюционной России.

Следуя заветам отца, братья Третьяковы гордились крестьянскими корнями и принадлежностью к купечеству, подтверждая это всякий раз делами и поступками.

¹ ОР ГТГ. Ф. 1. Ед. хр. 4705.

² В. П. Рябушинский. *Купечество московское* // Рябушинский В. П. *Старообрядчество и русское религиозное чувство*. М., 1994. С. 146.

³ ОР ГТГ. Ф. 1. Ед. хр. 4705.

⁴ В. П. Рябушинский. *Указ. соч.* С. 135.

⁵ «Эта семья никогда не считалась одной из самых богатых», – пишет в своих воспоминаниях Павел Бурыйшкін, противореча тем самым общераспространенному мнению о несметных богатствах семьи, на которые и была основана Третьяковская галерея (Павел Бурыйшкін. *Москва Купеческая. Воспоминания*. М., 2002. С. 114).

⁶ Т. В. Юденкова. *Павел и Сергей Третьяковы: Предпринимательская и благотворительная деятельность* // *Отечественная история*. 2007. № 2. С. 16–33.

⁷ Москва. *Путеводитель*. М., 1915. С. 157.

⁸ Каминский Александр Степанович (1829–1897) – муж родной сестры братьев Третьяковых, Софьи Михайловны. Дворянин Вольнской губернии. Известный московский архитектор, ученик К. А. Тона, академик, преподаватель Московского училища живописи, ваяния и зодчества (1881–1897). Успешный строитель купеческих особняков, в числе его заказчиков Морозовы, Боткины, Сабашниковы, Шаповы, Мамонтовы и др. С 1867 г. архитектор Московского купеческого Общества: строил деловые здания, доходные дома, гостиницы, училища, благотворительные учреждения. В 1870-е гг. перестроил здание Биржи на Ильинке, построил дом С. М. Третьякова на Пречистинском бульваре (1871–1875), строил и перестраивал залы для Третьяковской галереи к жилому дому в Толмачах (1872–1874, 1882, 1885, 1892, 1897). В 1889 г. проходил по обвинению за нарушение строительных правил и уставов одного из доходных домов Московского Купеческого Общества, был признан виновным как главный архитектор, приговорен к церковному покаянию и 6-ти недельному содержанию на гауптвахте, замененному домашним арестом, также к покрытию убытков. С этого времени заказы прекратились, в 1893 г. уволен со службы. Более подробно см.: Л. Сайгина. *Архитектор Александр Каминский* // *Русское искусство*. 2008. 1. С. 92–97.

⁹ ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 55. Ед. хр. 1. Лл. 1–25.

¹⁰ М. Григорян. *Haute couture от Третьяковки* // *Культура*. 2001. № 17–18. Многие интересные подробности, указанные в статье пока не подтвердились документально.

¹¹ Зилоти В. П. *В доме Третьяковых*. М., 1998. С. 172.

¹² Корева В. А. *Экономические провалы. По воспоминаниям 1837 года*. М., 2002. С. 236.

¹³ Там же. С. 257.

¹⁴ С. М. Третьяков (1834–1892) – купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин (с 1856), коммерции советник (с 1875), дворянин (с 1878), действительный статский советник (с 1883), совладелец Торгового дома «П. и С. Братья Третьяковы и В. Кошкин», гласный Московской Городской Думы (1866–1892), член Московского отделения Совета торговли и мануфактур (с 1868), московский городской голова (1877–1881), председатель МОЛХ (1889–1892). Это далеко неполный перечень его должностей и званий. Биография С. М. Третьякова изучена не столь подробно, как П. М. Третьякова, его архив не сохранился.

О нем подробнее см.: Павел и Сергей Третьяковы. *Жизнь*. Коллекция. Музей: К 150-летию Третьяковской галереи / авт. вступ. ст., сост. Т. В. Юденкова; Государственная Третьяковская галерея. М., 2006. С. 436 (Родословие семьи Третьяковых); 482 (Библиография).

¹⁵ Голицын В. М. *Москва в семидесятых годах* // *Голос минувшего*. 1919. № 5–12. С. 147.

¹⁶ И. С. Аксаков в его письмах. СПб., 1896. Ч. 2. Т. 4. С. 284.

¹⁷ П. Б. [Боборыкин П.]. *Письма о Москве. Письмо третье* // *Вестник Европы*. 1881. Июль. № 5–6. С. 381.

¹⁸ Репин И. Е. Письма. Переписка с П. М. Третьяковым. 1873–1898. М.; Л., 1946. С. 84.

¹⁹ Хорькова Е. П. История предпринимательства и меценатства в России. М., 1998. С. 340.

²⁰ ОР ГТГ. Ф. 1. Ед. хр. 6081.

²¹ Репин И. Е. Указ. соч. С. 165.

²² Владимир Дмитриевич Кошкин (1829–1915). Женат с 1852 г. на сестре Павла и Сергея Михайловичей, Елизавете Михайловне. Коммерции советник. Компаньон торговой фирмы «Братья П. и С. Третьяковы и В. Кошкин», совладелец Ново-Костромской льняной мануфактуры. В 1841 г. был принят на службу к М. З. Третьякову. В купечестве состоит с 1860 г. После смерти жены в 1870 г. остался сподвижником братьев Третьяковых во всех начинаниях. Гласный Московской городской думы (1863–1881), действительный член Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с 1875 г.; почетный член Комиссии по устройству публичных народных чтений в Москве с 1878 г. Потомственный почетный гражданин. В 1905 г. возведен в потомственное дворянство.

²³ Николай Александрович Алексеев (1852–1893). Женат с 1876 г. на старшей дочери В. Д. Кошкина, Александре Владимировне. Двоюродный брат К. С. Станиславского (Алексеева). Происходит из старинного и богатого купеческого рода. Купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин, директор правления Товарищества «Владимир Алексеев», учредитель Товарищества Даниловской камвольной прядильни в Москве и ряда других предприятий. Московский городской голова (1885–1893). При его поддержке построены здания Верхних торговых рядов, Московской городской думы, Исторического музея, проложены мостовые и водопровод. Один из основателей, директор и казначей Московского отделения Русского Музыкального Общества. Позаб от руки психически больного человека. Умирая, просил жену завершить строительство психиатрической больницы (Московская психиатрическая больница им. Н. А. Алексеева (на Канатчиковой даче) с 1894 г.; им. П. П. Каценко в 1922–1994).

²⁴ Рукавишников Константин Васильевич (1848–1915). Женат на младшей сестре В. Н. Третьяковой, Евдокии Николаевне, урожденной Мамонтовой. Купец, потомственный почетный гражданин, действительный статский советник, предприниматель, общественный деятель. Один из директоров Правления Московско-Курской железной дороги. Член правления Северного страхового общества. Гласный Московской городской думы, московский городской голова (1893–1897), занимался благотворительностью. Попечитель рукавишниковского исправительного приюта для малолетних мальчиков, член Комитета по устройству Музея изящных искусств.

²⁵ Теркель Е. А. Завещание П. М. Третьякова: ошибка и реальность // Третьяковская галерея. (М.) 2005. № 4.

²⁶ Родословие семьи Третьяковых // Павел и Сергей Третьяковы. Жизнь. Коллекция. Музей: К 150-летию Третьяковской галереи / авт. вступ. ст., сост. Т. В. Юденкова; Государственная Третьяковская галерея. М., 2006. С. 434–442.

²⁷ Савва Иванович Мамонтов. Его предки и потомки. Абрамцево: материалы и исследование / авт.-сост. О. И. Арзуманова. Сергиев Посад, 2002. Вып. 10.

²⁸ Александр Ильич Зилоти (1863–1945). Женат на старшей дочери П. М. Третьякова, Вере Павловне, с 1887 г. Пианист, дирижер, педагог, музыкальный и общественный деятель. Профессор Московской консерватории (1888–1891), Нью-Йоркской музыкальной школы им. О. Джульярда (1924–1942). Дирижер симфонических концертов Московского филармонического общества (1901–1903), организатор и руководитель симфонических и камерных концертов в Петербурге, получивших название «Концерты А. И. Зилоти» (1903–1917), основатель «Общедоступных концертов» (1912), «Народных бесплатных концертов» (1915), «Русского Музыкального фонда» (1916). Любимый ученик Н. Г. Рубинштейна, ученик П. И. Чайковского,

Ф. Листа. Двоюродный брат С. В. Рахманинова, его педагог по классу фортепиано. В 1919 г. через Финляндию выехал с семьей в Германию, с 1922 г. жил в США. Умер в Нью-Йорке.

²⁹ Сергей Сергеевич Боткин (1859–1910). Женат на второй по старшинству дочери П. М. Третьякова, Александре Павловне, с 1890 г. Старший сын известного врача-клинициста С. П. Боткина, родной брат лейб-медика Е. С. Боткина, расстрелянного в 1918 с императорской семьей в Екатеринбурге, и А. С. Боткина, мужа младшей дочери П. М. Третьякова. Почетный лейб-медик, действительный статский советник, доктор медицины, профессор Военно-медицинской академии. Коллекционер. Ординарный профессор (с 1898) и руководитель терапевтической клиники Военно-медицинской академии (до 1910). В 1904 добровольцем отправился на Русско-японскую войну, был Главноуполномоченным Красного Креста северо-восточного района действующей армии. Действительный член Императорской Академии Художеств с 1905 г. Дружил с «мирискуниками», поддерживал журнал «Мир искусства» материально. О С. С. Боткине – коллекционере см.: Верховская И. «Их сближали интересы к искусству». Сергей Боткин // Русское искусство. 2008. 1. С. 73–81.

³⁰ Александр Сергеевич Боткин (1866–1936). Женат на младшей дочери П. М. Третьякова, Марии Павловне, с 1898 г. Сын известного врача-клинициста С. П. Боткина, родной брат С. С. Боткина и Е. С. Боткина. Морской офицер, врач, гидрограф, путешественник. Опытный мореплаватель, совершил кругосветное путешествие; участвовал в ряде многочисленных отечественных и зарубежных экспедиций, в том числе в арктической экспедиции, в экспедиции по изучению озера Байкал; около трех лет провел в Северной Америке, плавал по Амазонке и Миссисипи, был в Китае, Японии, Индии. Участвовал в строительстве Транссибирской магистрали (1891–1903). Как капитан второго ранга сражался на фронтах русско-японской войны; занимал почетную должность Военного посредника в Финляндии (1910–1917); во время Первой мировой войны был в числе защитников Выборгской крепости. Выступал на стороне Белой армии во время гражданской войны. Поддержал выступления татар в Крыму против большевиков. Политический эмигрант Белой армии в Крыму, добывавший материальные средства у союзнических государств – Италии и Франции. Поселился с семьей в Сан-Ремо (с 1923); занялся наукой, работал в области онкологии, эндокринологии и иммунологии, одно время – в клинике Пастера в Париже, в клинике Монтрё в Швейцарии над проблемой омоложения людей. Издал книгу «Жизнь вселенной и человека» (Ницца, 1928). Продолжал заниматься врачебной частной практикой. В 1931 г. добился возвращения в собственность своего имения близ Териок (Финляндия, ныне Зеленогорск), где бывал часто с семьей. В 1933 г. проходил как свидетель по делу об установлении личности медсестры, выдавшей себя за дочь императора Николая II, вел. кн. Анастасию.

³¹ Николай Николаевич Гриценко (1856–1900). Женат на третьей дочери П. М. Третьякова, Любови Павловне, с 1894 г. Дворянин. Художник-маринист, акварелист, рисовальщик. Учился в Николаевском Инженерном училище в Кронштадте. Состоял на службе в Военно-морском флоте, участник ряда морских путешествий на военных кораблях, в том числе и кругосветном. Посещал классы Императорской Академии Художеств, работал под руководством художников А. П. Боголюбова и Л. Ф. Лагорио. Художник Морского министерства (с 1894). Скончался от туберкулеза. Похоронен во Франции, в Ментоне. Подробнее о нем см.: Теркель Е. «Корабль мой плывет осторожно...» Николай Гриценко // Русское искусство. 2008. 1. С. 98–105.

³² Беспалова Е. «Третьяковский» период в творчестве Бакста // Русское искусство. 2008. № 1. С. 107–116; Теркель Е. Лев Бакст. Семья и творчество // Третьяковская галерея. 2008. № 1 (18). С. 63–77; Боулт Джон Э. «Волшебные слова»: литературное наследие Бакста Л. С. / Боулт Джон Э., Ковалева О., Теркель Е., Чернухина А. // Третьяковская галерея. 2008. № 1 (18). С. 78–81.

³³ Портрет П. В. Коншиной, исполненный в 1878 г. И. Е. Репиным, впервые экспонировался после долгого забвения на мемориальной и историко-художественной выставке, посвященной Павлу Михайловичу и Сергею Михайловичу Третьяковым в 2006 г. в залах ГТГ. О ней подробнее см.: Чурак Г. «Она сводила с ума...» О портрете П. В. Коншиной работы И. Е. Репина // *Русское искусство*. 2008. 1. С. 61–65.

³⁴ Четвериков С. Существует ли еще в Москве Третьяковская галерея? Заметки московского обывателя // *Русские ведомости*. 1916. № 24. 30 янв.

³⁵ ОР ГТГ. Ф. 1. Ед. хр. 5248.

³⁶ Бехтиева Е. «Бесценная маменька» // *Русское искусство*. 2008. 1. С. 14–25.

³⁷ Боткина А. П. Павел Михайлович Третьяков в жизни и в искусстве. М., 1995. С. 10, 297.

³⁸ Зилоти В. П. В доме Третьякова. С. 36–37.

³⁹ ОР ГТГ. Ф. 106. Ед. хр. 5368.

⁴⁰ ОР ГТГ. Ф. 125. Ед. хр. 160. Л. 6.

⁴¹ Бартнев П. Московское купечество XVIII и XIX веков // *Русский архив*. 1907. № 9–12. С. 499.

⁴² Бурыйкин П. Москва Купеческая... С. 113.

⁴³ *Материалы для истории московского купечества*. М., 1885. Т. 3. С. 143; М., 1886. Т. 4. С. 326–327; М., 1887. Т. 5. С. 155.

Раздел III.

Братья Третьяковы в контексте взаимоотношений с предпринимателями, рабочими, интеллигенцией

*Т. В. Белова,
А. М. Белов*

Рабочие Большой Костромской льняной мануфактуры в годы Первой мировой войны

Начавшаяся летом 1914 года Первая мировая война оказала огромное воздействие на всю экономику России. Военные действия нарушили сложившиеся торговые и финансовые связи. При значительной зависимости экономики страны от импорта (машины, уголь, хлопок, химические товары) и заинтересованности в рынках сбыта сельскохозяйственной продукции экономике России не могли не угрожать серьезные потрясения. Влияние войны сказалось и на текстильной промышленности Костромской губернии. Остро встал вопрос о снабжении фабрик сырьем (особенно хлопком), топливом, красителями. Но, несмотря на трудности, вызванные войной, к 1915 году многие текстильные предприятия перестроили свое производство на нужды обороны. Крупнейшее предприятие губернии – БКЛМ – сразу с начала войны переходит на сменную систему работы, увеличивая рабочий день и получая крупные военные заказы. Так, прибыль товарищества Большой Костромской льняной мануфактуры с апреля 1914 по апрель 1917 года составила 5 122 тыс. рублей. Таковую прибыль товарищество получило за первые 30 лет своего существования¹. В то же время положение рабочих фабрики резко ухудшилось. Смерть близких на фронте, интенсификация труда, увеличение рабочего дня, вздорожание предметов первой необходимости, резкое возрастание заболеваемости среди взрослых и детей – вот что принесла с собой война.

В связи с уходом значительной части мужчин на фронт, на фабрике возросло применение женского труда. Если в 1911 году из 5 462 рабочих женщины составляли 2 691 человек, то по данным на 1 января 1917 года из 7 439 рабочих женщин было 5 341 человек (72 %)².

В годы войны резко сократилось снабжение продовольственными товарами. Многих продуктов – сахара, масла – не было совсем. На все предметы первой необходимости цены значительно возросли. По сравнению с 1914 годом, к началу 1917 года в 2–2,5 раза возросла цена на пшеничную и ржаную муку, в 4 раза – на мясо и рыбу, в 5–6 раз – на растительное масло. Очень дорогими стали обувь, одежда, мыло, керосин. Стоимость пары мужских сапог поднялась с 9–12 руб. до 44–52 руб., женских ботинок с 3 р. 50 коп. – 6 руб. до 30–32 руб.

Фунт мыла в 1914 году стоил 11 коп., а в 1917 г. – 64 коп.³ В городе очень увеличилась квартирная плата.

В годы войны увеличивается и процент рабочих, страдавших различными профессиональными заболеваниями, растет смертность среди рабочих. По отчету больничной кассы БКЛМ на предприятии в 1916 году умер 51 человек, в том числе 31 человек от туберкулеза. Около половины рабочих – 24 – умерли в возрасте от 12 до 35 лет. За 1917 год из 7 439 рабочих болело около 5 тыс. человек, причем более 70 % заболевших были молодые люди в возрасте от 12 до 35 лет. Значительная часть рабочих страдала кожными, желудочно-кишечными, легочными заболеваниями, малокровием. Если в 1914 году туберкулезом и легочными болезнями страдали 8,5 % рабочих, то в 1917 г. – 16 %. Смертность в 1917 г. по сравнению с 1916 г. увеличилась на 69 %. Причиной этого было то, что к тяжелым условиям труда на фабрике добавилось недоедание, ухудшение качества питания, что снижало сопротивляемость организма. Очень высокой была детская смертность. В 1916 году у рабочих БКЛМ умерло 239 детей, в их числе 164 ребенка в возрасте до 1 года. В 1917 году умерло 285 детей или на 19,25 % больше, чем в 1916 году. Причиной смерти грудных детей были главным образом желудочно-кишечные инфекции – 61,1 %⁴.

Ухудшение материального положения рабочих явилось одной из основных причин резкого скачка рабочего движения летом 1915 года. 2 июня 1915 года началась забастовка на Большой Костромской льняной мануфактуре. Первыми выступили рабочие чесального цеха против дороговизны и произвола администрации. На другой день к ним присоединились ткачи и прядильщики, затем остановилась и вся фабрика – 6 611 рабочих. Текстильщики выставили требования увеличения заработной платы на 25 %, выплаты квартирных денег, снижения цен на продукты первой необходимости. Директор фабрики В. А. Шевалдышев, категорически отказав в удовлетворении требований стачечников, вывесил объявление: «Грозное время, переживаемое Отечеством, требует напряженной работы и полного спокойствия внутри страны. Не время бастовать. Пора работать». В адрес освобожденных от призыва мужчин содержалась открытая угроза направить их в армию в случае участия в забастовке. Но сломить рабочих не удалось. Более того, 5 июня около 6 тыс. стачечников демонстративно направились в центр города, но были остановлены полицией. Тогда рабочие направились за поддержкой соседней фабрики Гратри, Жерар и Михиной. Около 2 тыс. рабочих этой фабрики пополнили ряды стачечников⁵. Стачечники направились к соседней фабрике братьев Зотовых, которая охранялась полицией. На фабрику проникли

агитаторы, призывавшие примкнуть к стачке. Полиция арестовала 9 человек. Стачечники потребовали их освобождения.

Толпа стачечников, состоявшая «почти исключительно из молодежи, женщин и подростков», соорудила баррикаду, с помощью которой отражала атаки стражников. Тогда стражники с согласия губернатора в упор стали расстреливать рабочих, произведя два залпа. В результате 4 человека были убиты, 9 ранены. Были убиты 10-летний мальчик М. Королев, 18-летние рабочие М. Блохина и И. Корзинин, 27-летний А. А. Ермолаев. Большинство раненых были молодые люди в возрасте 16–18 лет⁶.

Кровавая расправа в Костроме получила официальное одобрение правительства. Генерал В. Ф. Джунковский телеграфировал: «Действия Ваши одобряю. Выявите зачинщиков, предать их военному суду»⁷.

Администрация БКЛМ направила губернатору список 67 мужчин с предложением призвать их в армию и направить на фронт.

С протестом против кровавой расправы и в знак солидарности с текстильщиками 6–8 июня в Костроме бастовали рабочие шести типографий. Эту стачку солидарности организовало «Профессиональное общество рабочих печатного производства» – единственный профсоюз, существовавший в губернии в годы войны. 8 июня с протестом против расстрела бастовала фабрика бр. Зотовых (2 158 рабочих). На другой день после расстрела печатником П. К. Кагановичем была написана, а Г. А. Симановским отпечатана прокламация «К русскому солдату от русских женщин», в которой говорилось: «Солдаты! К Вам обращаемся мы за помощью. Защитите нас. наших отцов, сыновей и мужей забрали и отправили на войну, а нас, беззащитных, безоружных, расстреливают здоровые, сытые стражники. Некому нас защитить, защитите Вы нас!..» Эта прокламация распространялась среди рабочих и среди солдат 88 запасного полка в Костроме. Похороны жертв «черной пятницы» из-за боязни политических выступлений, по распоряжению властей, проводились тайно в ночь на 9 июня в присутствии только полиции и родственников погибших. Власти закрыли профсоюз печатников, выслав активных его членов. По обвинению в организации стачки в Костроме было арестовано и предано военному суду 15 рабочих. Состоявшийся 27 февраля 1916 года в Ярославле суд вынес оправдательный приговор всем подсудимым за недоказанностью обвинения⁸.

В июне прошли также стачки в ряде фабричных сел Костромской губернии. 8–10 июня бастовали 1000 рабочих фабрики К. Е. Симоновой в с. Яковлевском Нерехтского уезда; 10–30 июня – 380 рабочих фабрики Кормилицина в с. Ильинском Костромского уезда, 11 июня – 1 июля –

1 272 рабочих фабрики Скорынина в с. Горки-Павловы Нерехтского уезда. Рабочие требовали повышения заработной платы, как и на Большой Костромской мануфактуре⁹.

¹ Белов М. Н. Положение и борьба рабочих Большой Костромской льняной мануфактуры (1866–1917) // Из истории Костромского края: сб. науч. тр. Вып. 33. Ярославль, 1972. С. 16.

² ГАКО. Ф. 457. Оп. 1. Д. 648. Л. 40; Оп. 2. Д. 74. Л. 6.

³ ГАКО. Ф. 671. Оп. 1. Д. 8. Л. 34.

⁴ Отчеты больничной кассы при фабриках товарищества Большой Костромской льняной мануфактуры за 1914, 1916 и 1917 годы. Кострома. 1915, 1917, 1918. С. 15, 11, 5.

⁵ ГАКО. Ф. 133. Оп. 31. Д. 853. Лл. 127, 152.

⁶ Красный архив. 1934. № 6. С. 5–6.

⁷ ГАКО. Ф. 133. Оп. 31. Д. 853. Л. 131.

⁸ Красный архив. 1934. № 6. С. 21, 27.

⁹ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. Оп. 124. 1915. Д. 30. Ч. 2. Л. 5, 8–10, 15, 16, 20–22 об. ; ГАКО. Ф. 457. Оп. 1. Д. 1711. Л. 57–65; Ф. 133. Оп. 31. Д. 853. Л. 160–187.

Вклад купечества в благоустройство и обеспечение пожарной безопасности в провинциальных городах во второй половине XIX века

Во второй половине XIX века. В Российской империи пожары продолжали оставаться одним из самых серьезных бедствий. Этот факт наглядно подтверждают статистические данные. За период с 1860 по 1894 год в Костромской губернии огнем было уничтожено 68 261 строение, а сумма убытков составила 40 млн рублей. Во Владимирской губернии сгорело 129 тыс. домов, ущерб составил 60 млн руб. Жители Ярославской губернии лишились 85 тыс. домов, а размер ущерба был определен в 36 млн руб. В 1903 году на специальном совещании в Петербурге был сделан вывод о том, что вся Россия полностью выгорала раз в 20 лет.

Огромное значение в обеспечении пожарной безопасности российских городов во второй половине XIX века имел водопровод. В рассматриваемый период вода была наиболее доступным и эффективным средством борьбы с огнем. Для бесперебойной работы пожарных насосов требовалась постоянная подача воды, обеспечить которую могло только централизованное водоснабжение. Устройство водопроводов в городах требовало больших финансовых затрат. Нередко стоимость такого проекта превышала весь годовой бюджет уездного города. Это объясняет тот факт, что водопроводы начали появляться, прежде всего, в губернских городах: Саратове (1857), Твери (1865), Ярославле (1862), Владимире (1866). До появления водопровода во Владимире источниками воды служили колодцы, скудные водой, и река Клязьма. Владимирские обыватели терпели большие затруднения в добывании воды, особенно во время пожаров. Стоимость водопровода со всеми его сооружениями составила 75 407 руб.² Основную часть средств выделил город, но без пожертвований не обошлось. В этой связи можно вспомнить владимирских купцов 1-й гильдии Лосевых, которые пожертвовали 5 тыс. руб. на насос для городского водопровода и, таким образом, способствовали улучшению быта многих владимирцев.

В уездных городах со средним годовым бюджетом от 30 до 60 тыс. руб. устройство водопровода за счет городских средств было невозможно. По данным статистики из 762 городов центральной России водопровод имелся только в 149 поселениях. Его строительство проходило или на средства богатых горожан, или же на многочисленные пожертвования.

В Муроме городской водопровод появился в 1864 году благодаря городскому голове А. В. Ермакову, который построил его на свои средства, чем заслужил глубокую признательность горожан. Роль водопровода в жизни горожан была столь велика, что все события, связанные с ним широко отмечались. Так, в 1914 году в Муроме состоялось празднование пятидесятилетия открытия городского водопровода, во время которого много лестных слов было сказано об Алексее Васильевиче Ермакове.

В Коврове водопровод появился в 1872 году. Возможность начать строительство появилась в 1869 году, когда купец Паршин пожертвовал каменное здание бывшего винного магазина для перестройки его под водопроводное здание. Немало сил для осуществления этот проекта приложил ковровский голова В. И. Дунаев³. С появлением водопровода решилась проблема с питьевой водой и улучшилась санитарная обстановка в городе.

Особого внимания заслуживает история строительства водопровода в уездной Шуе. Впервые этот вопрос поднимался на заседании думы в 1873 году, но из-за отсутствия средств долго оставался открытым. В феврале 1880 года гласный М. А. Серебрянников внес предложение вернуться к его обсуждению. Он отмечал, что жители Шуи, особенно женщины и дети (в основном – девочки) из бедных семей, испытывали большие неудобства из-за отсутствия в городе водопровода. На них лежала обязанность носить с реки воду для домашних нужд. Даже в хорошую погоду это была тяжелая работа, а в зимний период в мороз и в гололед она становилось еще и опасной для здоровья.

Дума приняла решение выделить из городского капитала 5 000 рублей в основной фонд на устройство водопровода⁴. Узнав об этом, мещанское общество пожертвовало 5 000 руб. из своих средств с условием, что бедные и малоимущие мещане будут освобождены от налога за право пользоваться водопроводной водой. Для устройства водопровода была избрана комиссия из 32 человек под председательством Ивана Ивановича Попова.

Прежде всего, комиссия решила обратиться за финансовой поддержкой к богатым шуйским гражданам, так как на 10 тыс. руб. водопровод построить было невозможно. Это обращение получило широкий отклик у горожан, и за короткое время было собрано 50 335 руб. Список жертвователей насчитывал более 60 фамилий, среди которых были и богатые купцы, и простые мещане. Самый большой взнос в 10 000 руб. внес А. А. Посылин. Большинство вносило от 100 до 1000 рублей, но были взносы по 50, и даже по 10 руб. Этих средств оказалось достаточно, и строительство было поручено известной московской фирме братьев Бромлей. К концу сентября 1883 года водопровод был готов.

1 октября 1883 года в Шуе состоялось торжественное открытие и освящение водопровода. Несмотря на сырую погоду, в полдень на соборной площади собралась большая толпа. Тут были представители всех властей и сословий. С иконами процессия двинулась к зданию водокачки, где протоирей Воскресенского собора Ф. Дунаев произнес торжественную речь, в которой отметил, что «одна из существеннейших нужд города теперь вполне удовлетворена», и город получил «наилучшее средство против общественного бедствия, именуемого пожаром»⁵. По окончании речи был отслужен молебен, после которого к собравшимся с речью обратился священник Е. Правдин. От лица всех присутствующих он выразил глубокую признательность городским властям за заботу о нуждах горожан. «Радуйтесь теперь все бедные шуйские жители, – так закончил Правдин свою речь, – радуйтесь, бедные дети! Радуйтесь прислуга и подмастерья! Давно вами ожидаемый водопровод, наконец, устроен. Теперь без мучений и труда вы будете брать воду, и носить ее к себе в дома сколько угодно. От лица всех их, старых и малых, приношу вам, добрые общественные деятели и благотворители, искреннюю благодарность за великое благодеяние, оказанное вами устройством водопровода»⁶. Мероприятие закончилось торжественным обедом, который устроил строительный комитет.

Со всеми материалами и работой водопровод стоил городу 71 тыс. руб., т. е. больше чем весь годовой бюджет. Он получил высокую оценку специалистов, так как отвечал всем техническим требованиям того времени. Это был один из первых противопожарных водопроводов в России. На третий день работы водопровода городские власти и жители смогли убедиться, что деньги на его строительство были затрачены не напрасно.

3 октября в 9 часов вечера на торговой площади в деревянном корпусе возник пожар. Если раньше воды для тушения огня не хватало, и часто пожарные машины бездействовали, то на этом пожаре воды было так много, что машины не успевали ее выливать. Бочки наполнялись водой из бассейнов за 1 минуту. В этих условиях городские пожарные получили возможность тушить пожары гораздо быстрее.

Желание городских властей сэкономить на пожарной безопасности оборачивалось для жителей печальными последствиями. 15 августа 1890 года в Кинешме возник сильнейший пожар, уничтоживший 672 строения (среди них, не считая домов обывателей, здание городской управы, пожарное депо, здания городского училища, богадельни, детского приюта, торговых заведений) и нанесший ущерб в 126 тыс. руб.⁷ После этого бедствия в 1891 году в городе началось строительство водопровода.

Работами руководил городской голова Иван Леонтьевич Душин, который сам приложил немало сил для скорейшего восстановления города после пожара. Он лично составлял документацию для строительных работ. На его средства в городе было построено здание родильного приюта, названного его именем, где для бедных матерей уход и питание были бесплатными.

Среди кинешемских благотворителей необходимо назвать потомственного почетного гражданина Ивана Александровича Миндовского, пожертвовавшего на устройство водопровода 50 тыс. руб. Им же были в 1901 году выделены средства для открытия народной чайной, где в Пасху и на Рождество чаем поили бесплатно. Степан Григорьевич Калашников также был в числе жертвователей на устройство водопровода и выделил 2 000 руб. для улучшения уровня городской жизни⁸. С появлением водопровода жители могли надеяться на своевременную помощь в случае возникновения пожара.

Практически в любом российском городе находились люди с активной гражданской позицией, для которых общественные интересы были не менее важны, чем личные. В основном это были представители купечества, которые вкладывали свои средства ради общего блага, способствуя тем самым улучшению качества жизни своих земляков.

¹ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 400. Оп. 3. Д. 89. Л. 20.

² ГАВО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 2781. Л. 1.

³ Монякова О. А. *Исторические заметки о Коврове*. Ковров, 2003. С. 56.

⁴ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 369. Оп. 1. Д. 7749. С. 15.

⁵ *Владимирские епархиальные ведомости*. 1883. № 24. С. 721.

⁶ Там же. С. 723.

⁷ ГАИО. Ф. 500, Оп. 1. Д. 88. Л. 71.

⁸ *Отчет Кинешемской городской управы за 1904 г. Кинешма, 1905*. С. 12.

*Д. С. Иванцов,
Е. А. Чугунов*

БКЛМ: из истории просветительской деятельности на предприятии

Отмена крепостного права в России и последовавшие за ней масштабные реформы привели к началу промышленной модернизации страны. Значительный рост темпов развития промышленного производства потребовал значительной социально-производственной эволюции рабочих, роста их общеобразовательного и квалификационного уровня¹. Интересы промышленного производства рубежа XIX–XX веков требовали грамотного рабочего, способного прочесть инструкцию, чертеж и т. д.

Важно отметить, что осознанное требование культурного просвещения и досуга (прежде всего, через открытие библиотек, читален, школ для рабочих и их детей) неизменно входило в число важнейших заявлений пролетариата, выдвигаемых в ходе забастовок, стачек, волнений. По этому поводу костромские рабочие в 1905 году высказывались следующим образом: «Образование нужно рабочему для повышения его заработка и для защиты его социальных и политических интересов. Более развитый рабочий удачнее приспособляется к условиям труда, лучше разбирается в свойствах орудия, которым работает, и, следовательно, больше зарабатывает...»²

Значительная часть предпринимателей отказывалась от каких-либо нововведений в соответствующей сфере, но, с другой стороны, было немало и таких фабрикантов, которые, понимая необходимость просвещения, обучения и образования рабочих, значительное внимание уделяли этим вопросам. Среди прогрессивно настроенных представителей российского «третьего сословия» широкое распространение получила идея служения своим богатством делу милосердия и просвещения. Известный исследователь московского купечества П. А. Бурышкин справедливо отмечал: «Самое отношение предпринимателя к своему делу было несколько иным, чем на Западе. На свою деятельность они смотрели... не столько как на источник наживы, а как на выполнение задачи, своего рода миссию, возложенную Богом или судьбою»³. Это объясняет факт распространения среди купцов и предпринимателей идей благотворительности и коллекционерства⁴.

К числу самых известных династий российских предпринимателей, оставивших заметный след на ниве благотворительности и меценатства,

несомненно, принадлежит семья Третьяковых, представители которой были владельцами Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры (в будущем – БКЛМ).

В этой связи небезынтересно, на наш взгляд, проанализировать и оценить вклад династии Третьяковых в просвещение костромских промышленных рабочих. Отметим, что, какова бы ни была мотивация, количество предпринимателей, заботящихся о народном просвещении и образовании, было все-таки невелико. Так, по состоянию на 1900 год в Костромской губернии школы для рабочих имелись на 27 предприятиях из общего числа 245 (в сравнении – во Владимирской на 36 из 537, в Ярославской на 9 из 284)⁵.

В журнале собрания учредителей Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры за 1886 год можно найти следующие записи: «Собрание постановило иметь при фабрике двухклассное училище»⁶. Через 10 лет встречается новая запись: «Ввиду недостатка помещения для учащихся согласно составленного плана, построить новое каменное здание для училища»⁷. Всего по документам начала XX века в школе обучалось около 700 учащихся⁸.

Анализ данных по фабричным школам Костромской губернии свидетельствует, что при незначительной части несовершеннолетних (около 2 %) основную массу посещавших школы составляли взрослые рабочие (60–65 %) ⁹. Среди немаловажных обстоятельств получения образования детьми рабочих можно указать постоянную нехватку материальных средств, которая вынуждала забирать 7–12-летних детей из школы и устраивать на производство, отдавать в услужение и т. д. После революционных событий 1905–1907 годов постепенно среди обучаемых количество детей и подростков начинает увеличиваться.

Обучение в школе Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры вели 18 учителей, причем с течением времени уровень профессиональной подготовленности самих учителей растет, и уже к началу XX века практически все они имели специальное педагогическое образование. Этому способствовало широкое распространение курсов повышения квалификации учителей, в том числе учителей фабричных школ¹⁰.

Занятия в школе при ТНБЛМ проводились на двухгодичной основе по следующим дисциплинам: «Родоведение», «Народоведение», «Естествознание», «Литература», «Арифметика», «Закон Божий», «Письмо». Важно отметить, что в течение года рабочие изучали такой предмет, как «Машины и условия производственной работы». Такой подход позволял рабочему быстро включаться в технологию освоения современного

производства и уже на первом году (из двух) получать необходимый для этого образовательный минимум.

Как отмечалось в общедоступном «Вестнике мануфактурной промышленности» за 1911 год: «Некоторые из окончивших фабричную школу получают дальнейшее образование (директор прядильни инж.-техн. Федор Иванович Перунов также воспитанник фабричной школы), а обычно, оставаясь работать на фабрике же, они занимают места средних и низших служащих»¹¹.

Известный костромской фабрикант М. М. Красильщиков, открывший на свои средства 10 школ со всем необходимым учебным оборудованием, как-то заметил: «Только значительная систематическая подготовка поможет ученикам-рабочим... усвоить себе те общие законы природы, на коих зиждется здание специальных наук, которые в толковых и умело направленных руках способствуют усовершенствованию производства, увеличению продуктивности труда, улучшению материального положения рабочих, а, следовательно, содействует общему прогрессу промышленности страны»¹². Действительно, реальная практика доказала обоснованность и эффективность такого подхода фабрикантов к делу образования и просвещения рабочих.

По инициативе братьев Третьяковых и других соучредителей Товарищества в Костроме были приобретены и построены дома для устройства приюта для престарелых рабочих, общежитий (или как тогда, говорили «казарм»), больницы, яслей, детского сада, родильного приюта и др. Необходимо отдать должное владельцам фабрики за то, что все эти социальные услуги были фактически бесплатными.

Несомненно, важной и значимой их заслугой следует считать и открытие в 1905 году по инициативе В. А. Шевалдышева (кандидата на должность директора правления) при Товариществе Новой Костромской льняной мануфактуры библиотеки-читальни для служащих и рабочих, а позднее в 1914 году библиотеки-читальни Общества потребителей рабочих и служащих ТНКЛМ. В. А. Шевалдышев, как и другие учредители подобных библиотек, прекрасно понимал роль библиотек: «Библиотеки – важнейшее средство содействия регулированию отношений между хозяевами предприятий и рабочими»¹³.

Согласно уставам, библиотеки предназначались для бесплатного пользования книгами и периодическими изданиями всеми рабочими и служащими Товарищества¹⁴.

Не останавливаясь подробно на анализе состояния библиотечного дела рубежа XIX–XX веков¹⁵, отметим, тем не менее, некоторые важные, на наш взгляд, его особенности. По инициативе земств и целого ряда

владельцев промышленных предприятий в России начинает формироваться сеть провинциальных общедоступных (народных, заводских и др.) библиотек. Так, к 1909 году общее число таких библиотек в одной только Костромской губернии достигло 283 единиц¹⁶.

Однако их книжный фонд был сравнительно невелик и не мог в полной мере удовлетворить растущие читательские запросы рабочих. После достаточно быстрого прочтения имеющихся в этих библиотеках книг, они переставали быть для рабочих очагами культуры.

Анализ деятельности народных библиотек позволяет констатировать, что устойчивым спросом среди читателей пользовались жития святых, но постепенно увеличивался и спрос на художественную литературу. Особенно популярны среди отечественных авторов были Вс. Соловьев, Н. В. Гоголь, А. С. Пушкин, из зарубежных авторов предпочитались сочинения Ж. Верна, А. Дюма, А. Брэма¹⁷.

Следует отметить, что рабочие в силу обстоятельств в основном читали не то, что хотели, а то, что было в наличии в данной библиотеке. Кроме этого, в связи с требованиями цензуры в библиотеки, естественно, не попадали книги социально-политической и революционной тематики. Показателен в этом отношении отрывок из воспоминаний рабочего Ф. Н. Самойлова: «Книги учили меня думать. Вначале я читал таких авторов, как Жюль Верн, Майн Рид, Купер и увлекался описанием приключений и путешествий. Позднее я перешел к классикам: Пушкину, Лермонтову, Гоголю. Изредка в нашей бесплатной библиотеке появлялись научно-популярные книжки. За пять-шесть лет я прочитал массу самых разнообразных книг, но любопытно, что не встретил ни одной, которая смогла бы разбудить мое классовое самосознание»¹⁸.

Среди важных факторов роста популярности художественных книг в среде читающих рабочих можно отметить и масштабную книгоиздательскую деятельность известного костромского (по месту рождения) предпринимателя И. Д. Сытина. Именно он одним из первых в России выработал концепцию книги для «читателя из народа». Сытин, подвергая критике «теорию особой литературы для народа», полагал, что: «Никакой отдельной литературы для народа создать нельзя, да и не нужно, перво-классные писатели всех наций для народа доступны... Народ нуждается в доступных по цене книгах классиков: Пушкина, Гоголя, Тургенева и т. д.»¹⁹. Жизнь подтвердила правоту книгоиздателя. Им была организована разветвленная сеть распространения книг для народа, в том числе направленная на комплектование фабричных библиотек.

Фабрично-заводские рабочие (в т. ч. рабочие Товарищества новой Костромской льняной мануфактуры) являлись и весьма активными

читателями периодической печати. В числе газет, находившихся в поле их зрения, были «Русские ведомости», «Курьер», «Новости дня», «Свет», «Читальня народной школы», «Журнал для всех», «Новое время» и целый ряд других. В периодических изданиях рабочие хотели видеть не только практические советы по хозяйству, обустройству быта, воспитанию детей, но и отражение важнейших общественно-политических событий и процессов, происходивших в стране и мире. Спектр периодики также мог бы быть шире, если бы не запретительные меры Министерства народного просвещения в отношении большинства газет и журналов для бесплатных библиотек.

Многие начинания передовых предпринимателей, в частности Третьяковых, получили значительное развитие в первые годы советской власти. Пришедшие к власти большевики прекрасно понимали не только экономическую, но и политическую выгоду народного образования и просвещения. Американский журналист Д. Рид, побывавший в то время в России, отмечал в одной из своих статей: «Жажда просвещения, которую так долго сдерживали, вместе с революцией вырвалась наружу»²⁰. Действительно, практически на каждой фабрике, на каждом заводе были открыты культурно-просветительные кружки и библиотеки, в которых регулярно проводились занятия и курсы, направленные на утоление «духовной жажды» (в том числе курсы ликвидации мало- и неграмотности). Кроме того, значительную культурно-просветительскую роль сыграли повсеместно организуемые клубы для взрослых и детей²¹.

Нарком просвещения А. В. Луначарский, посетивший Костромскую губернию в 1919 году, отметил в своих «Письмах из провинции»: «Сеть библиотек, в общем, весьма удовлетворительна, причем сеть эта организована рационально»²². Эти мероприятия позволили в короткие сроки повысить образовательный и общекультурный уровень трудящегося населения. В этом факте следует видеть и тот задел, который был сделан Третьяковыми и рядом других костромских предпринимателей в сфере народного просвещения еще в дооктябрьский период. Хотя, конечно, цели, которые преследовали Третьяковы и руководители советского государства, были во многом различны.

Тенденции культурного просвещения рабочих были достаточно распространены в начале XX века. Так, например, один из весьма известных костромских предпринимателей А. И. Коновалов на собственные деньги построил более 100 частных домов и общих казарм для жилья рабочих. При его фабриках в с. Бонячки и Каменке были открыты бесплатные больница, амбулатории, ясли, церковно-приходская школа, ремесленное училище. Рабочие имели возможность посещать библиотеку, танцеваль-

ный зал, кегельбан²³. В 1914 году по инициативе Коновалова в Вичуге началось строительство Народного дома (проект В. В. Максимова), в котором в настоящее время размещается Дворец культуры при Вичугской мануфактуре.

Благотворительность и меценатство были достаточно широко распространены в среде купечества и промышленников, однако семья Третьяковых занимает свое, особое место в этой истории. Об особой роли П. М. Третьякова в становлении русской национальной художественной школы очень емко сказал в своей книге «Далекое и близкое» выдающийся русский художник Илья Ефимович Репин: «Юный рассвет русского искусства должен был совсем замерзнуть и погибнуть. Но нашлись богатые русские люди, которые пригрели, приютили эти молодые ростки, тем положили прочное основание русской школы: то были К. Т. Солдатенков и П. М. Третьяков, особенно П. М. Третьяков, он довел свое дело до грандиозных, беспримерных размеров и вынес один на своих плечах вопрос существования целой русской школы живописи. Колоссальный, необыкновенный подвиг!»²⁴ На наш взгляд, подобной же высокой оценки заслуживает и культурно-просветительская деятельность Павла Михайловича Третьякова и других учредителей Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры.

¹ См. подробнее: Чугунов Е. А. Положение и культурный уровень промышленных рабочих Верхнего Поволжья. Конец XIX – 1913 г. (По материалам Владимирской, Костромской и Ярославской губерний). Кострома, 2001.

² ГАКО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 249. Л. 58.

³ Бурыйкин П. А. Москва купеческая: мемуары. М., 1991. С. 18.

⁴ См.: Прохоров В. Л. Творили во благо: меценаты-предприниматели России. М., 1999; Симонова И. В. Российские предприниматели, благотворители, меценаты. СПб., 1999; Хорькова Е. П. История предпринимательства и меценатства в России. М., 1998 и др.

⁵ Чугунов Е. А. Положение и культурный уровень промышленных рабочих Верхнего Поволжья. Конец XIX – 1913 г. (По материалам Владимирской, Костромской и Ярославской губерний). – С. 116.

⁶ Давыдова Г. В. «В собрании сем положили следующее...». Журнал собрания учредителей Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры // Губернский дом. 2006. № 6. С. 32.

⁷ Там же.

⁸ «Величайшая, единственная в мире» // Губернский дом. 2006. № 6. С. 37.

⁹ См. подробнее: ГАКО. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 31. Лл. 5, 15, 23, 32, 38.

¹⁰ См. подробнее: Отчет об общеобразовательных учрежденных Костромским губернским земством курсах учителей и учительниц Костромской губернии в г. Костроме летом 1904 года. Кострома, 1904.

¹¹ Цит. по: «Величайшая, единственная в мире» // Губернский дом. 2006. № 6. С. 37.

¹² ГАКО. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 123. Л. 3.

¹³ Владимирские губернские ведомости. 1914. 10 янв.

¹⁴ Горохова О. В. Фабричные библиотеки // Губернский дом. 2006. № 6. С. 57–59.

¹⁵ См. подробнее: Д. С. Иванцов Просветительская роль библиотек Костромского края в конце XIX-первой четверти XX века // Д. С. Иванцов, Е. А. Чугунов Информационные ресурсы и сервисы открытого образования. Ярославль, 2007. С. 88–91.

¹⁶ См.: Анохин А. Преображение Костромы // Губернский дом. 1993. № 1. С. 16.

¹⁷ Чугунов Е. А. Положение и культурный уровень промышленных рабочих Верхнего Поволжья. Конец XIX – 1913 г. (По материалам Владимирской, Костромской и Ярославской губерний). С. 211.

¹⁸ Самойлов Ф. Н. По следам минувшего. М., 1940. С. 31–32.

¹⁹ Сытин И. Д. Страницы пережитого // Жизнь для книги. М., 1985. С. 95.

²⁰ Рид Д. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957. С. 36.

²¹ См. подробнее: Иванцов Д. С. Феномен Пролеткульта в культурно-историческом аспекте (на материалах Костромского края) : дис. ...канд. культурологии. Киров, 2006; Он же. Вклад пролеткультов в культурную жизнь провинции в 1918–1921 годах (по материалам г. Костромы) // Краеведческие записки. Кострома, 2003. Вып. 6. С. 126–132 и др.

²² Луначарский А. В. Народное образование в Костроме // А. В. Луначарский. Неизданные материалы / отв. ред. Н. А. Трифионов. М., 1970 (Литературное наследство. Т. 82). С. 428.

²³ См. подробнее: Мальшиев А. П. Социально-экономические и политические взгляды и деятельность А. И. Коновалова : дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2004.

²⁴ Репин И. Е. Далекое и близкое. 9-е изд. Л., 1986. С. 155.

Интеллигенция в общественно-политической, благотворительной и просветительской деятельности Костромской губернии в начале XX века

В начале XX века в земской среде преобладало мнение, что именно интеллигенция, параллельно со своей основной деятельностью, способна удовлетворить тягу народа к культуре, помочь выбрать эффективные средства и формы приобщения к ней и вместе с тем консолидировать вокруг базовых общенациональных задач: «подсказать эту форму населению, помочь ему осознать свои искания духовного совершенствования это естественная услуга народу со стороны интеллигенции»¹.

В этот период продолжало работу образованное еще в 1892 году Костромское общество врачей. Под его эгидой общественная деятельность врачей направлялась в область организации общественной гигиены и санитарии. Одним из средств просвещения населения стало распространение брошюр. К 1905 году содержание таких брошюр было не только просветительским. Проходивший 21–24 марта 1905 года в Москве чрезвычайный Пироговский съезд по вопросам о борьбе с надвигающейся холерой принял резолюцию, в которой имелись и политические моменты. В ней содержались требования политических свобод и социальных реформ, в частности государственного страхования от болезней, старости, инвалидности и безработицы. Резолюция была напечатана в виде листовки под маскирующим названием: «Что необходимо для успешной борьбы с заразными болезнями?» Именно за ее распространение было закрыто санитарное попечительство Юрьевоцкого уезда и привлечено к судебной ответственности «с угрозой тюремного заключения»².

Другой формой профессионального объединения стали общества взаимного вспомоществования. Это были не простые кассы взаимопомощи, так как данные организации создавали библиотеки, занимались трудоустройством коллег, уволенных по политическим причинам и т. д.

Костромское общество взаимного вспомоществования учащим и учившим в народных училищах было учреждено 28 июля 1896 года и насчитывало в своих рядах 112 действительных членов и 80 членов соревнователей. Оно провело статистическое исследование быта учителей, обращалось в земство о прибавке к учительской зарплате. В 1904 году

общество уведомило о присоединении к Всероссийскому союзу учителей, одной из целей которого стало внедрение на практике недопустимости административного вмешательства в народное обучение, а также освобождение от надзора в политическом, нравственном и религиозном отношении.

Фельдшерское движение в Костромской губернии было представлено Взаимно-вспомогательным обществом помощников врачей, образованном в феврале 1902 года. Первоначально в уставе общества было зафиксировано лишь оказание помощи членам общества и содействие повышению их профессионального уровня путем организации повторительных курсов по научным предметам. В 1905 году в общество входило 60 человек по всей губернии. На состоявшийся в Москве 24 апреля 1905 года первый делегатский съезд помощников врачей был направлен С. С. Виноградов. После выработки и утверждения устава Всероссийского союза помощников в сентябре 1905 года Костромское взаимно-вспомогательное общество преобразовано в его местный отдел, целью которого стал «подъем правового и культурного уровня фельдшеров».

В 1899 году в учительской среде возникла идея создания общества, которое содействовало бы развитию образования в Костромской губернии. В качестве учредителей выступило 70 человек, выработавших устав общества. В соответствии с ним общество распространяло свою деятельность на всю Костромскую губернию и ставило задачи: содействовать открытию новых школ и помогать существующим, заботиться об устройстве школьных столовых и ночлежных приютов, выделять стипендии на продолжение образования, развивать внешкольное образование с помощью библиотек и читален, курсов и народных чтений, организации книжной торговли. Для выяснения нужд народного образования предполагалось проведение обследований, по результатам которых можно было бы возбуждать ходатайства перед правительством и разрабатывать теоретические проблемы начального образования³.

Деятельность общества активизировалась после окончательного оформления его денежного фонда в 1903 году. Так в Кинешемском и Буйском уездах открылись 2 библиотеки, еще 2 не могли открыться «вследствие волокиты с административным разрешением, заведующие ими не были утверждены». Ряд мероприятий общества были особенно популярны. На литературно-музыкальный вечер в читальне Островского 22 февраля 1904 года «многие желающие не могли попасть из-за недостатка билетов». Вечер был посвящен очередной годовщине отмены крепостного права и насыщен произведениями, «обличающими крепостное право и превозносившими свободу».

По мере развития в стране революционного движения увеличивалось и количество политических акций общества. На общем собрании членов 23 ноября 1905 года была объявлена подписка в пользу петербургских рабочих и выделено 300 рублей на создание клуба для рабочих.

Деятельность общества с момента его образования находилась под пристальным полицейским наблюдением, а формальным поводом для закрытия общества стал музыкально-литературный вечер, проходивший 18 декабря 1905 года в зале Дворянского собрания. Распорядителями вечера были члены общества бывший учитель Костромской мужской гимназии В. Голубков и дворянин Ю. А. Спасский. Именно по их распоряжению перед открытием вечера портреты государей были закрыты белым полотном, а Спасский после чтения о декабристах, перешел к критике правительства, отмечая, что оно потеряло доверие народа. Конец вечера ознаменовался пением «Марсельезы» и распространением прокламаций «Кто прав?» и «Три Конституции». 23 декабря 1905 года решением местной администрации деятельность общества была запрещена как «превредная в политическом отношении».

Необходимо отметить, что общественно-политическая активность костромской интеллигенции не ограничивалась рамками создаваемых организаций. Так участники организованных в 1904 году школьной комиссией педагогических курсов оказались вовлечены в политическую деятельность. По сообщению костромской прессы в июле 1904 года на берегу Волги состоялось собрание народных учителей, на котором произносились антиправительственные речи и раздавались революционные прокламации. Поэтому на заседании губернского земского собрания была «подчеркнута мысль о невозможности при настоящих условиях организации и устройства курсов, приносящих курсистам один вред». Педагогические курсы были приостановлены до 1906 года, к которому земская управа постановила выработать новый проект их организации.

Таким образом, несмотря на то, что попытки самоорганизации интеллигенции происходили в рамках ее профессиональной деятельности, с нарастанием политического кризиса работа общественных организаций выходила за рамки изначально предполагаемой компетенции и касалась не только общественной, но и политической сферы.

Именно интеллигенция, будучи наиболее образованной частью общества, в значительной мере освобожденной от традиционных стереотипов, оказалась наиболее подготовленной для восприятия либеральных идей. В свою очередь программа и устав кадетской партии были в значительной мере адаптированы под запросы интеллигенции. Кадеты стремились максимально использовать ее силы и особенно способность

интеллигенции заниматься идеологической работой, оказывать значительное воздействие на политический выбор широких народных масс. Сбалансированность кадетской программы и демократичность устава партии, во многом, определялись желанием привлечь и удержать интеллигентские силы.

Стремление аккумулировать в своих рядах значительные интеллигентские силы не было самоцелью для кадетской партии. Именно с помощью интеллигенции как социального слоя, обладающего огромным интеллектуальным и духовным потенциалом, кадеты рассчитывали распространить свое влияние на широкие народные массы. Они также полагали, что «внесословная», внеклассовая интеллигенция сможет сохранить баланс интересов и обеспечить организационное и идейное единство партии.

Еще в 1904 году в Костроме были созданы отделения «Союза освобождения», преобразованные в октябре 1905 году в губернские комитеты кадетской партии. Тогда же начался процесс создания кадетских организаций на уровне уездов и волостей. Всего же в 1905–1907 гг. на территории Костромской губернии существовало 20 кадетских организаций, объединявших в своих рядах примерно 550–650 человек.

В январе 1906 года ЦК конституционно-демократической партии принимает ряд решений, направленных на укрепление связей центра и провинции. Одним из наиболее эффективных способов в достижении поставленной задачи комитет признал возможно более частые поездки видных деятелей партии на места для объяснения и защиты программы партии и для содействия местным членам партии в оформлении организации и развертывании ее работы. Во Владимире первое начало этому положили поездки П. Н. Милюкова и его яркие лекции. В Кострому и Ярославль направлялись Г. Р. Шершеневич и П. Б. Струве.

Помимо поездок на места, признано было необходимым способствовать созданию более многочисленного состава подготовленных агитаторов. Для этого устраивали систематические беседы по программе.

Такого рода беседы под названием «агитационные курсы» были организованы в Москве и Петербурге. На московских курсах, проходивших с 22 по 26 января 1906 года, состоялось систематическое объяснение программы партии и беседы по ней. На пяти собраниях с лекциями, докладами, сообщениями выступили П. Н. Милюков, В. Л. Гессен, О. Родичев, М. Фридман и др. Слушателями были лица, занимающиеся агитацией в Москве, а также представители провинциальных групп, в частности из Владимира и Ярославля. Ряд докладов по вопросам программы партии и ее тактики был организован ЦК и в Петербурге. Они дали возможность прояснить как провинциальным, так и петербургским активным членам

партии, принимавшим участие в пропаганде ее идей, все те затруднения и неясности, с которыми они встречались на практике.

Местные комитеты кадетской партии почти повсеместно с момента своего возникновения в целях большей эффективности своей агитационной деятельности приступили к выпуску воззваний, листовок и брошюр с изложением программы и устава партии, порядка записи членов. Центральный комитет периодически рассылал в местные отделения партии, стекавшиеся со всей страны в ЦК издания провинциальных комитетов партии кадетов. Благодаря этому нередко наиболее удачные издания, выпущенные каким-либо комитетом, стали воспроизводиться на местах. Костромской губернский комитет к марту 1906 года опубликовал приглашение к вступлению в члены партии, сопроводив его кратким изложением программы к.-д. партии, общедоступно изложенной по поручению Костромского комитета А. В. Перелешиним; обращение к служащим торгово-промышленных заведений и всем людям труда и другие материалы. Еще в начале февраля 1906 года Костромской губернский комитет к.-д. партии доставил сведения по программе, выработанной II съездом кадетской партии. Ряд интересных материалов был издан и Владимирским губернским комитетом конституционно-демократической партии⁵.

На третьем съезде конституционно-демократической партии, проходившем 21–25 апреля 1906 года накануне открытия I Государственной думы особо обращалось внимание на необходимость установления прочной живой связи народных избранников с народом, постоянных взаимных отношений между парламентом и нацией, что было особенно важно в такой стране как Россия, где парламентский строй устанавливался впервые и где еще не существовало прочных гарантий неприкосновенности прав и привилегий самого народного представительства. Отмечалось, что не только на депутатах, но и на всех членах партии, не участвующих непосредственно в парламентской деятельности, лежит несомненная обязанность поддержать и развить интерес народа к деятельности парламента.

Для осуществления этой задачи признавалось необходимым максимально широкое развитие партийной организации и создание таких органов, которые обеспечивали бы проникновение конституционно-демократических принципов вглубь народных масс. Подчеркивалось, что если кадеты «действительно демократическая партия, нам надо идти в народ; наши принципы ему не могут быть чужды; если мы будем искренни, если мы твердо и до конца захотим осуществить нашу программу, народ будет на нашей стороне. Мы не смогли бы и называться демократической партией, если бы не верили, что наша программа и наши руководящие принципы идут навстречу истинным народным нуждам и истинной народной воле»⁶.

Член ЦК кадетской партии, историк А. А. Корнилов в своем докладе «О внепарламентской деятельности партии» среди главных задач внепарламентской деятельности кадетов называет:

1) Подготовка народа к сознательному участию в политических и муниципальных выборах, основанных на всеобщем избирательном праве, и к усвоению народными массами нашей программы и основанной на ней избирательной системы.

2) Образование постоянной живой и деятельной связи между народными представителями, работающими в Думе, и населением страны. В этих видах – мы должны организовать и развивать кадры лекторов, ораторов и пропагандистов, устраивать везде в городах и деревнях клубы, кружки для политического самообразования, усилить нашу издательскую деятельность⁷.

Анализируя доклад А. А. Корнилова, председательствовавший на заседании съезда член ЦК партии, юрист М. М. Винавер указал, что тезисы доклада сводятся к ряду предложений, в числе которых одним из наиболее интересных является об образовании «в интересах общения и единения на местах партийных клубов и т. п. учреждений»⁸.

Данное предложение вызвало оживленную дискуссию, в которой представитель города Вильно Г. Д. Ромм отметил, что устройство клубов имеет огромное значение, поскольку они дадут возможность обходить многочисленные стеснения администрации, а главное значение имеет образование народа, без чего партия существовать не может⁹.

Член комитета костромской группы кадетов Н. В. Голованов предположил, что устройство политических клубов в уездах окажется едва ли возможным и можно отчасти приспособить для этой цели чайные, снабдив их подходящими газетами¹⁰.

Учитель Майдановской ремесленной школы, председатель царско-майдановской группы кадетов Юрьевецкого уезда Костромской губернии П. Е. Юницкий¹¹ предложил резолюцию: «Для организационной и агитационной работы в деревне я, житель деревни, предлагаю на летний сезон следующий практический прием: всякий, желающий работать в деревне, пусть найдет точку отправления. На каждой завалинке, под каждым окном, по окончании дневных работ, он может открыть и найти клуб»¹².

В Санкт-Петербурге 25 апреля 1906 года был открыт первый партийный политический клуб под названием «Клуб Народной Свободы» (Конституционно-демократический клуб).

После успеха на выборах в I Государственную думу кадеты (в 1906 году они стали называть себя партией «Народной свободы») переносят свои

усилия с предвыборной кампанией на освещение деятельности Думы и парламентской фракции партии «Народной свободы».

Перед партией, занявшей в Думе столь ответственное место, встала задача укрепления и расширения связей со страной и избирателями. Необходимо было втянуть в сферу политических интересов весь народ. Особая роль в этом процессе отводилась местным комитетам. Как указал III съезд партии «Народной свободы», состоявшийся 21–25 апреля 1906 года, одна из главных задач внепарламентской деятельности партии – образование живой и деятельной связи между представителями, работавшими в Думе, и населением страны. В связи с этим следовало расширить подготовку кадров лекторов, агитаторов и пропагандистов, устраивать в городах и деревнях клубы, кружки для политического самообразования, усилить издательскую деятельность. Важно было укреплять и расширять сеть партийных организаций как областных губернских, городских, уездных, так и волостных и даже сельских, не надо было забывать и опыт избирательной кампании: целесообразно было повсеместно организовать в виде постоянно действовавших учреждений коллегии выборщиков и съездов уполномоченных¹³.

Осуществление этих задач было возложено на все местные партийные комитеты под общим руководством Центрального комитета партии. Сообщение об этом на заседании Костромского губернского комитета к.-д. партии сделал делегат III съезда партии Т. Т. Шулепников. По его мнению, постановления съезда отличались такой серьезностью и глубиной, что, несомненно, партия должна была приобрести еще более устойчивую почву, чем это было до сих пор. Решено было организовывать собрания не только в городе, но и по деревням, еще более усилить распространение «Народного дела».¹⁴

На заседании Центрального комитета в мае 1906 года обсуждался вопрос об организационной деятельности в провинции, по предложению князя П. Д. Долгорукого для удобства агитационной работы вся территория Европейской России была разделена на 8 округов. Московское отделение ЦК сохранило за собой общее руководство этой деятельностью и обеспечение местных центров лекторами и агитаторами. Сюда вошли Ярославская, Костромская, Владимирская губернии¹⁵. Для помощи провинциальным изданиям в доставке литературного и информационного материала в Петербурге было создано бюро прогрессивной печати¹⁶.

Партия «Народной свободы» стремилась к установлению прочных связей между населением и Государственной думой. Роль связующего звена между ними выполняли члены Думы. В Костромской губернии это были Н. А. Огородников и З. Г. Френкель. Члены парламентской фракции

партии «Народной свободы» многократно выступали на собраниях, как в губернских центрах, так и по уездам. В своих докладах они сообщали о составе Думы, ее отдельных групп и их взаимоотношениях, большое внимание уделяли вопросу о деятельности Государственной Думы, роли в ней кадетов, об отношении к Думе прессы, правительственных учреждений. На собраниях часто приходилось вступать в полемику с представителями других партий.

Созданная для усиления агитации и пропаганды московская группа партии «Народной свободы» рассылала по губерниям свои постановления, в которых говорилось, что основой для направления агитационной деятельности должна служить деятельность партии «Народной свободы» в Государственной Думе. Членам партии необходимо всячески поддерживать Думу, бороться с теми, кто на нее нападает, разъяснять постановления Думы, доказывать их правильность и т. п. А. А. Кизеветтер в своем докладе определил очередные задачи партии в этой области: организация лекций по отдельным вопросам программы для больших собраний, формирование небольших групп для занятий по программе и распределение их по руководителям.

В Государственном архиве Костромской области сохранились выдержки из доклада А. А. Кизеветтера. Ближайшими очередными задачами признавалось: 1) оборудование лекций по отдельным вопросам программы для больших собраний; 2) формирование небольших групп для занятий по программе и распределение их по руководителям. Для достижения второй задачи было необходимо устроить клубы с самой демократической обстановкой: «Пусть там будут газеты и книги для чтения, чаепитие, может быть по временам – небольшие музыкальные и декламационные вечера. Получится контингент постоянных посетителей. В их среде члены комитетов, которые должны быть все время на виду у публики и входить посетителями в общение и найдут материал для образовательных групп». Были намечены следующие темы для групповых занятий: Свобода индивидуальная; Свобода общественная; Конституционное право; Демократия и республика; Самоуправление; Автономия, Уния, Федерация; Суд; Финансовое управление; Система налогов; Обеспечение прав рабочих; Охрана труда; Образование¹⁷.

Значительное внимание кадетская партия уделяла работе в общественных организациях, состав которых был преимущественно интеллигентским. Особенно успешно кадеты действовали в различных научных и просветительских обществах. Ярославское юридическое общество, имевшее явно прокадетскую направленность, ядро которого составляли профессора юридического лицея, возглавляли видные члены кадетской

партии В. Н. Ширяев, М. П. Бобин, Т. И. Лейвагендлер и др. У истоков возникновения Костромского общества образования стояли лидеры костромских кадетов И. В. Шулепников и А. В. Перелешин. Особенно часто в этом обществе читал свои лекции член I Государственной думы присяжный поверенный, видный костромской кадет Н. А. Огородников¹⁸.

Члены парламентской фракции кадетской партии от Костромской губернии присяжный поверенный Н. А. Огородников и земский врач З. Г. Френкель многократно выступали на собраниях, как в губернских центрах, так и уездах. Они разъясняли постановления Государственной Думы, доказывали их правильность, защищали законопроекты, вносимые конституционно-демократической партией, рассматривали вопросы об отношении прессы к Думе, правительственных учреждений и др.

Правительство, особенно в ходе выборов во II Государственную думу, проводило целую серию мероприятий с целью, с одной стороны – обеспечения благоприятных условий партиям правительственного лагеря, а с другой – затруднения избирательной кампании для оппозиционных сил. Все партии были разделены на легализованные и нелегализованные, в группу последних попали и кадеты, которым было отказано в легализации.

В ходе репрессий были закрыты в Кинешме народный клуб и музыкально-драматический кружок, а в Плесе – чайная¹⁹. Устную агитацию, в связи с полуполюгальным статусом кадетской партии, местная администрация нередко запрещала. Так, кадетская группа города Плеса Костромской губернии во время выборов в I-ю Думу, Спасский районный комитет Петербурга и Владимирский губернский комитет в период выборов во II-ю Думу, сообщали, что поскольку отсутствовала возможность устройства собрания и митингов, приходилось вести агитацию только путем распространения партийных изданий²⁰.

Н. А. Огородников и З. Г. Френкель, подписавшие Выборгское воззвание, были осуждены и четыре месяца должны были провести в костромской тюрьме. Когда они вернулись в Кострому, по этому случаю в местном общественном собрании 12 мая 1908 года состоялось их чествование либерально настроенной интеллигенцией.

Таким образом, наглядно видно, что ЦК кадетской партии стремился наладить постоянные, прочные и деятельные связи с местными организациями, используя при этом все возможные средства и получая живой отклик из провинции. Это помогало руководству партии уточнять политический курс и вносить необходимые коррективы в программу, менять тактику во время избирательной кампании, совершенствовать практику агитационно-пропагандистской работы.

Костромская интеллигенция выполняла консолидирующую функцию, согласно которой, занимая политически активную, лидерскую роль, она стремилась выступить объединяющим элементом для всего оппозиционного движения.

¹ *Костромские и Калужские учительские курсы. М., 1917. С. 98.*

² *Труды IX губернского съезда врачей Костромской губернии. Вып. 1. Доклады врачей-делегатов о состоянии врачебно-санитарного дела в уездах. Кострома, 1906. С. 98.*

³ *Костромской листок, 1900, 18 мая.*

⁴ *Вестник партии народной свободы. 1906. № 1. С. 33.*

⁵ *Там же. № 5. С. 283.*

⁶ *Съезды и конференции конституционно-демократической партии: в 3 т. Т. 1. 1905–1907 гг. М., 1997. С. 269.*

⁷ *Там же. С. 270–271.*

⁸ *Там же.*

⁹ *Там же. С. 275.*

¹⁰ *Там же. С. 276.*

¹¹ *Юницкий П. Е. был депутатом II-й Государственной думы от Костромской губернии.*

¹² *Съезды и конференции конституционно-демократической партии: в 3 т. Т. 1. 1905–1907 гг. М., 1997. С. 277.*

¹³ *Вестник партии народной свободы. 1906. № 9. С. 590.*

¹⁴ *Там же. № 10. С. 687.*

¹⁵ *Там же. № 12. С. 780–781.*

¹⁶ *Там же. № 13. С. 845.*

¹⁷ *ГАКО. Ф. 1491с. Оп. 1с. Д. 3. Л. 14.*

¹⁸ *ГАНИКО. Ф. 383. Оп. 1. Арх. 2. В. 1.*

¹⁹ *Государственный архив Российской Федерации. Ф. 523. Оп. 1. Д. 222(1). Л. 5.*

²⁰ *См.: Вестник партии Народной свободы. 1906. № 2. С. 119; №40. С. 21–85; № 41/42. С. 22–84.*

Раздел IV.

Династия Третьяковых в кругу предпринимателей текстильной промышленности

Досуг и увлечения предпринимателей городов Верхней Волги (конец XIX – начало XX веков)

Предприниматели выступали не только «спонсорами», но и активными участниками различных культурно-просветительских мероприятий.

Одним из центров, который организовывал познавательные и одновременно развлекательные вечера, в Иваново-Вознесенске была общественная публичная библиотека. В управлявший ею комитет входили многие местные фабриканты. Именно они подготовили в 1899 г. празднование столетия со дня рождения А. С. Пушкина. С этой целью был снят обширный зал летнего театра клуба приказчиков. Зрителям показали отрывок из «Бориса Годунова», в котором роль Пимена играл кохомский фабрикант, большой любитель театрального искусства Н. А. Ясунинский. Были показаны также живые картины из произведений великого поэта, в них участвовали он, его супруга М. Н. Ясунинская и другие члены этой семьи¹.

Клубная жизнь и театр были, разумеется, не единственными формами времяпрепровождения предпринимателей. В начале XX в. в городах появились кинематографы, хотя в то время такого рода заведения чаще именовались электротеатрами или электросалонами. Новинка заинтересовала практически все слои населения. Поэтому «великого немого» можно было назвать бессловным видом досуга, тем более что стоимость билетов на киносеанс была вполне доступной для небогатых слоев населения: от 15 до 50 коп. для взрослых, ученические билеты стоили всего гривенник. В Иваново-Вознесенске работали электротeatры «Буфф», «Вечерний отдых», «Мир», «Аванс» и др.²

Попутно отметим, что в начале XX в. кинопрокат стал одной из сфер предпринимательства. В Юрьевце электротeatр открыл купец В. Н. Демидов, в Кинешме заведение под названием «Иллюзион-Чары» принадлежало Н. Свистунову, он же вместе с В. Яковлевым и А. Кудрявцевым открыл «Пассаж», А. Кудрявцев стал владельцем электротeatра «Амур». В Шуе частным развлекательным заведением являлся «Орион»³. Все эти учреждения приносили немалые доходы совершенно новому слою предпринимателей – дельцам нарождавшейся киноиндустрии.

Вообще, на рубеже XIX и XX вв. в городах появились формы проведения досуга, которые не практиковались (по крайней мере, в провин-

ции) ни в первые пореформенные десятилетия, ни, тем более, в первой половине XIX столетия. О. Еланский, побывавший в Муроме сначала в 1859 г., а затем сорок лет спустя, отмечал, что купцы уже не носили сибирки и длиннополые кафтаны, жены их давно расстались с душегрейками. Обыватели, в том числе и богатые, уже не ложились спать в восемь часов, а проводили вечера в театре, садах и кафешантанах, где допоздна гремела музыка⁴.

Вторая половина XIX и начало XX вв. – время бурного прогресса техники. Технические новики проникали не только в промышленное производство, но и в повседневную жизнь населения. Как нам представляется, предприниматели являлись одним из самых отзывчивых на новшества слоев населения. Это было связано с тем, что на их предприятиях постоянно внедрялись новые машины и механизмы, в противном случае предприниматели не выдержали бы жесткой конкуренции. В их быту постепенно появлялись телефон, граммофон, велосипед, мотоцикл, автомобиль.

Особенно большую пользу принес русскому бизнесу телефон. С его помощью деловая информация достигала нужного адресата практически мгновенно, если сравнить телефон с более медленным телеграфом и еще более медленным письмом. С точки зрения социологии, информационная оснащенность рассматривается как важный показатель общественного прогресса, это относится не только к XX и XXI, но и к XIX веку.

В провинции телефон появился в 80–90-х гг. XIX в. Годовая абонентская плата за индивидуальный аппарат в Ярославле составляла 100 руб., в Иваново-Вознесенске – 75 руб., что было не по карману не только низшим слоям населения, но также и среднему классу. Поэтому номера в то время были трехзначными, это означало, что даже в большом губернском городе насчитывалось не более тысячи абонентов. Хотя автоматическая станция в конце XIX в. уже была изобретена, но в русской провинции клиентов соединяли вручную девушки-телефонистки⁵.

Так как телефонистки слышали разговоры своих клиентов, то телефон становился источником городских сплетен и новостей, тем более что при небольшом количестве абонентов девушки знали их всех по именам и отчествам. Сын муромского городского головы В. К. Звонрыкин вспоминал: «Дамы обменивались самой интимной информацией, которая через телефонисток немедленно распространялась по всему городу... Пожилые люди относились к телефону с некоторым недоверием. Я помню, как часто видел старого слугу своего деда, пересекавшего базарную площадь, чтобы сказать моей матери, что ей собирается звонить ее отец»⁶.

О том, что в предпринимательских семьях быстрее, чем в других социальных слоях, «схватывали» и другие технические новшества индустриального века, свидетельствуют первые шаги использования велосипеда в повседневной жизни. Он появляется не только в городах, но и в сельской местности. В частности, в селе Клязьменский Городок Ковровского уезда первым приобрел двухколесное чудо купец Носков. Он же учил местных мальчишек ездить на нем. Характерно, что в этом крупном селе имени у Носковых – самых богатых его жителей – появились также граммофон и телефон⁷.

О том, насколько далеко впереди общего уровня прогресса шли предприниматели в глубокой провинции, свидетельствует следующий случай. Купец Г. Н. Муравьев первым в Юрьевце купил велосипед, доставив его из Москвы. Он рискнул проехать на нем до соседнего уездного города Кинешмы и чуть не поплатился жизнью за это. Крестьяне деревни Потеряй-Кошки вообразили, что «едет бес на дьяволе», вооружились колющими и вилами и чуть было не расправились с Муравьевым⁸.

Первые автомобили в Петербурге появились в 1901 г. и в течение всего десятка лет получили здесь самое широкое распространение. В 1911 г. в столице насчитывалось уже 1 314 частных и 417 казенных машин⁹. В провинции «автоматических экипажей» было значительно меньше. На всю Владимирскую губернию в 1910 г. приходилось всего 34 автомобиля и 25 мотоциклов. Например, в Коврове автомобили принадлежали фабрикантам Треумовым, А. С. Куренкову, Е. И. Кузьмину, а в Ковровском уезде – Торговому дому Р. Т. Селиверстова в селе Воскресенском.

Большой переполох вызвало появление первого автомобиля в тихом провинциальном Юрьевце, машина принадлежала рыбинскому мукомолю В. А. Жилову, купившему в Юрьевце механическую мельницу. По воспоминаниям очевидцев, чуть ли не весь город собрался на пристани посмотреть, «что это за телега такая, которая может ходить без лошади»¹⁰.

Люди, увлеченные собирательством культурных ценностей, в провинции также не были исключением. В сферу их коллекционерских интересов попадали различные предметы старины, монеты, медали, произведения живописи. Одним из типичных провинциальных коллекционеров являлся владелец текстильной фабрики в Вязниках С. И. Сеньков. Он регулярно посещал художественные выставки в Москве и Петербурге и здесь познакомился с такими живописцами, как Виктор и Аполлинарий Васнецовы, Константин Коровин, Иван Куликов (последний был уроженцем города Муром). Приобретенные им за несколько лет картины составили типичное для русского провинциального коллекционера собрание. Оно было небольшим, т. к. у Сенькова не было таких обширных связей

в художественном мире, как, скажем, у П. М. Третьякова. Кроме того, он не мог или не хотел тратить на свое увлечение очень большие средства. Однако его коллекция, состоявшая из нескольких десятков полотен, была со вкусом подобрана. Здесь имелись картины «Море» И. Айвазовского, «Ели» И. Шишкина, «Вид на Нерли» К. Коровина, «Капри» и «Симплон» А. Бенуа. Но большую часть коллекции составляли полотна не столь именитых живописцев, в частности, Сеньков приобрел работы своего земляка И. Куликова «Уголок базара» и «Портрет»¹¹.

На проходившей в Москве выставке частных художественных собраний С. И. Сеньков был удостоен за свою коллекцию дипломом первой степени. Накануне революции он намеревался передать картины городу Вязники, но новая власть забрала их у владельца, не спрашивая разрешения. Коллекция Сенькова легла в основу экспозиции Вязниковского краеведческого музея, открытого в 1919 г.¹²

Некоторые провинциальные предприниматели увлекались коллекционированием монет. Представитель старинного купеческого рода из города Александрова П. В. Зубов собрал и в дальнейшем завещал Историческому музею в Москве свое собрание восточных денежных знаков¹³.

Особое место среди предпринимателей-коллекционеров губерний Верхней Волги по праву принадлежит текстильному фабриканту из Иваново-Вознесенска Дмитрию Геннадьевичу Бурылину (1852–1924). Его коллекция уникальна тем, что она не была узкоспециализированной. Фабрикант покупал у отечественных антикваров, а также за границей монеты, медали, книги, рукописи, изделия из фарфора и драгоценных металлов, оружие и доспехи, масонские атрибуты и многое другое. Важнейшую часть его собрания составили сотни тысяч образцов тканей, начиная от древнеегипетских и заканчивая ивановскими ситцами XIX в. Гордостью коллекционера стали уникальные астрономические часы, которые показывали движение планет солнечной системы, время в различных часовых поясах, календари разных летоисчислений.

Нами установлены многочисленные факты краеведческих увлечений предпринимателей. Большинство из них начинало с коллекционирования старинных документов, иногда – других предметов, так или иначе связанных с краем. Затем купцы-краеведы начинали публиковать отдельные документы. В конце концов, собирательство логично переросло в исследовательскую деятельность, и на свет появлялись статьи и книги, посвященные местной тематике. Важной особенностью купеческого краеведения было то, что абсолютное большинство предпринимателей начинали с собирательской деятельности. Покупка (иногда целыми коллекциями) старинных актов была не по карману краеведам, скажем,

из среды мещан или интеллигенции, трата же нескольких сотен рублей для состоятельного купца не вносила существенных изменений в его бюджет.

В заключение рассказа о досуге предпринимателей нужно признать, что знаменитые купеческие кутежи также имели место, но при этом следует отметить, что это скорее исключение, нежели правило. Случаи пьяного разгула были, но далеко не все предприниматели проводили так свой досуг.

В сознании обывателей жизнь мещан чаще всего связывалась со скукой, рутинной и бытовым пьянством, а жизнь купцов – с кутежами и различного рода чудачествами. В дальнейшем, уже в советское время, мемуары рабочих-революционеров, выполненные в качестве социального заказа, а также немногочисленные труды, посвященные буржуазии, делали акцент именно на такое времяпрепровождение предпринимателей, хотя их жизнь была более содержательной и разнообразной.

¹ Бюллетень Российского телеграфного агентства. 1899. 21 мая.

² Бесплатная Иваново-Вознесенская газета объявлений. 1910. 5 янв.

³ Демин А. Популярная энциклопедия кино Ивановского края. Иваново, 2002. С. 14, 43–44.

⁴ Еланский О. Мысли и воспоминания поляка // Русская старина. 1906. № 9. С. 710.

⁵ ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 635. Л. 15.

⁶ Муромский музей. Муром, 2000. Вып. 2. С. 7.

⁷ Кузьмина С. Б. Родословие семьи Носковых // Стародубский сборник. Ковров, 2005. С. 91.

⁸ Юрьевец: прошлое и настоящее города на Волге. Иваново, 2000. С. 66.

⁹ Засосов Д. А. Повседневная жизнь Петербурга на рубеже XIX–XX веков. М., 2003. С. 334.

¹⁰ Юрьевец: прошлое и настоящее города на Волге. Иваново, 2000. С. 66.

¹¹ Из истории благотворительности Владимирской губернии: краеведческий очерк. Владимир, 2000. С. 31–33.

¹² Там же. С. 31–33.

¹³ Зубова М. А. Материалы к биографии А. В. Зубова // Новые нумизматические исследования: нумизматический сборник. М., 1986. Ч. 9. С. 143–161.

Некрополь БКЛМ

Помнится, как лет двадцать назад, когда я, по уши в бурьяне, расписывал Спасо-Запрудненское кладбище, его сторож протянул мне бесхозную табличку, на которой, собственно, и надписи уже не было – только ее тень, но мне удалось разобрать: «Алексей Васильевич Полканов. 1853–1924. Поступил на комбинат имени Ленина в 1868 году мальчиком, в 1924 директор ткац[кого отделения]». То есть его производственный стаж составлял 56 лет.

Что еще можно о нем сказать? Во-первых, что Алексей Васильевич Полканов упомянут в духовном завещании Павла Михайловича Третьякова¹, а во-вторых, что он был отцом Александра Алексеевича Полканова (1888–1963), известного геолога, академика (1943), «Заслуженного деятеля науки РСФСР» (1959), почетного члена геологических обществ Франции (1959) и Швеции (1961), лауреата Ленинской премии (1962) и автора полутора десятков книг.

На Спасо-Запрудненском кладбище похоронены и другие служащие БКЛМ, упомянутые в духовном завещании. Это заведующий прядильным отделением Николай Федорович Кудрявцев (01.05.1855–12.05.1912), бухгалтер Александр Федорович Федоров (1853?–27.10.1920)² и мастера Семен Тарасьевич Веселов (1843?–21.01.1914) и Петр Матвеевич Москвин (1851?–01.08.1921)³.

В третьяковском завещании о них говорилось: «Служащим на фабрике (НКЛМ) Николаю Федоровичу Кудрявцеву, Александру Федоровичу Федорову и Алексею Васильевичу Полканову по десяти тысяч рублей. Петру Матвеевичу Москвину и Семену Тарасьевичу Веселову по пяти тысяч рублей»⁴.

О первом из них в мемуарах Сергея Михайловича Чумакова рассказывалось: «На Кашинской фабрике (Большой Костромской мануфактуре) долгие годы служил в качестве одного из директоров крупный инженер-текстильщик Кудрявцев. По каким-то причинам он не смог ужиться с новой администрацией, вступившей в управление после смерти Н. К. Кашина. Уйдя с Кашинской фабрики, он задумал и построил свою небольшую ткацкую и прядильную фабрику, оборудовав ее по последнему слову тогдашней техники. Будучи очень хорошим инженером, он, однако, оказался совершенно негодным коммерсантом. К тому же крупные фабрики Кашина и Зотова оказывали большую

конкуренцию, с которой Кудрявцев справиться, из-за отсутствия хватки, не мог. Дела шли все хуже и хуже, и, в конце концов, это так подействовало на Кудрявцева, что он внезапно умер (усиленно говорили, что он покончил с собой)»⁵.

В некрологе другому служащему сообщалось: «В среду 27 октября скончался от грудной жабы старый музыкант Александр Федорович Федоров. Покойный был одним из самых первых и энергичных насадителей муз. искусства в нашем городе; благодаря его стараниям в городе была впервые открыта муз. школа ИРМО; с большими усилиями А. Ф. было открыто в Костроме хоровое общество, в котором ему, как председателю, удалось собрать богатую муз. библиотеку и объединить всех музыкантов и певцов города и через это устроить в нашем городе впервые местными силами несколько образцовых муз. вечеров и концертов.

В последнее время А. Ф., по причине слабого здоровья, не принимал почти никакого участия в работе по пропаганде муз. искусства, но до конца жизни все свое свободное время отдавал музыке и умер, не успев кончить свои последние муз. произведения. В муз. мире А. Ф. был известен, кроме своей муз. деятельности, еще как владелец муз. магазина “Симфония”, в котором всем учащимся консерватории, филармонии и др. муз. школ продавались ноты со скидкой 25 %»⁶.

Почему они похоронены на Спасо-Запрудненском, а не на каком-либо ином кладбище? На ум приходит лишь одно: потому, что там похоронены Кашины.

Но тогда возникает вопрос: почему на Запрудне похоронены Кашины, которые ни храмоздателями, ни прихожанами Спасо-Запрудненского храма не являлись?

Ответ: потому что там похоронены Брюхановы, Дурыгины, Зотовы, Михины, Солодовниковы и Стригалевы. А почему там похоронены Брюхановы, Дурыгины, Зотовы, Михины, Солодовниковы и Стригалевы? Потому что на деньги Василия Ивановича Стригалева (1735–21.04.1812) в 1806 году построены трапезная и колокольня, на деньги Дмитрия Дмитриевича Солодовникова (19.10.1769–11.06.1831) в 1813 году построен Введенский, а на деньги Дмитрия Яковлевича Дурыгина (06.02.1802–24.06.1877) в 1856 году – Дмитриевский приделы Спасо-Запрудненской церкви. А также, потому что Евфимия Александровна Стригалева (15.09.1817–26.08.1841) была женой Алексея Васильевича Дурыгина (07.03.1820–04.08.1858), Ольга Васильевна Стригалева (1765–1811/1816) – женой Петра Ивановича Дурыгина (1763–1827), Фекла Васильевна Стригалева (1770–19.11.1832) – женой Дмитрия Дмитриевича Солодовникова (19.10.1769–11.06.1831), Наталья Дмитриевна Дурыгина

(1782–30.12.1799) – женой Николая Григорьевича Стригалева (1769–1809), Олимпиада Васильевна Дурыгина (1780 – не ранее 1816) – женой Николая Борисовича Стригалева (1778–1827), Лариса Ивановна Дурыгина (1813–11.08.1880) – женой Василия Михайловича Солодовникова (1802?–15.07.1873), Екатерина Дмитриевна Солодовникова (1794–?) – женой Федора Яковлевича Дурыгина (1791–1824), Мария Савелиевна Михина (1810–?) – женой Геннадия Андреевича Солодовникова (1805?–26.03.1835), Глафира Аполлинариевна Брюханова (06.04.1837–23.02.1901) – женой Ивана Савельевича Михина (16.02.1816–05.06.1896) и т. д. Женой Владимира Андреевича Зотова (05.04.1836–31.12.1908) была Наталья Александровна Третьякова (13.02.1842–17.06.1910), да и женой Константина Яковлевича Кашина (1827?–03.08.1880), сдается, была сестра Павла Михайловича Третьякова, Екатерина (1841–14.05.1893).

А главное, потому что все они были текстильщиками: в 1761 году открылась фабрика Ивана Тимофеевича Стригалева, в 1778 году – Алексея, Ивана, Михаила и Дмитрия Петровичей Дурыгиных, в 1787 году – Дмитрия Ивановича Солодовникова в Костроме, в 1799 году – Федора Семеновича Брюханова в Нерехте, в 1854 году – Аполлинария Васильевича Брюханова, Андрея Ивановича Зотова и Ивана Савельевича Михина, а в 1866 году – БКЛМ в Костроме.

Другими словами, на Запрудне похоронен весь цвет костромской промышленности и городского самоуправления – основатели и владельцы самых известных костромских предприятий и 8 из 28 городских голов, и за неимением уничтоженных советской властью погостов Ипатьевского и Богоявленского монастырей Спасо-Запрудненский является наиболее ценным.

Спасо-Запрудненское кладбище существует с основания одноименного монастыря в XIII столетии, а первым достоверным захоронением была могила игумена Стефана Костромского, умершего 14 июля 1542 года. Впоследствии там же были похоронены первый ректор Костромской духовной семинарии и архимандрит Спасо-Запрудненского монастыря Анастасий (Белопольский) в 1760 году, архимандрит Богоявленского монастыря, а ранее миссионер среди самоедов Парфений (Нарольский) в 1813 году, блаженная Дарьюшка, тридцать лет носившая вериги, в 1831 году и др. Там же сохранилось надгробье над могилой костромского губернатора 1857–1861 годов Ивана Васильевича Романуса (1803–1861), участника русско-турецкой войны 1828–1829 годов, генерал-лейтенанта (1857) и кавалера ордена Святого Александра Невского (1858), музыканта и автора романсов. Там же могилы художника Андрея Павловича Токарева (1877–1919), историка Дмитрия Ивановича Скворцова (1861–1919),

краеведов Николая Тимофеевича Власова (1860–1911) и Василия Егоровича Ройского (1821–1890) и др.

Несколько лет назад на кладбище заботами администрации БКЛМ, как известно, были благоустроены могилы Кашиных. Осталось то же самое сделать с могилами Семена Тарасьевича Веселова, Николая Федоровича Кудрявцева, Петра Матвеевича Москвина, Алексея Васильевича Полканова и Александра Федоровича Федорова, а также издать Спасо-Запрудненский некрополь.

¹ *Губернский дом. 2006. № 6. С. 46.*

² *ГАКО. Р-1355. Оп. 1. Д. 31. Л. 494 об. 495.*

³ *ГАКО. Р-1355. Оп. 1. Д. 46. Л. 536 об. 537.*

⁴ *Губернский дом. 2006. № 6. С. 46.*

⁵ *Костромские купцы Чумаковы: История купеческого рода: дневники, документы, воспоминания / сост. А. В. Бялко, Н. Г. Чудова. М., 2006. С. 418.*

⁶ *Красный мир (Кострома). 1920. 30 окт. № 254.*

*И. Х. Тлиф (публикация документов),
П. П. Резепин (комментарии)*

**Из деловой переписки совладельцев
Костромской льняной мануфактуры
С. Н. Третьякова и В. А. Шевалдышева**

Октябрь 1906 (Л. 14–15)

Дорогой Володя <...> в ткацкой жалуются на завал товаром, вчера старательно просмотрел наличность <...> парусины, но этот товар не уменьшился сравнительно с недалеким прошлым. Подойдя к вопросу с другой стороны, т. е. просмотрев сбыт, вижу, что как на 10 окт. 1905 г., так и 10 окт. 1906 г. сбыт тот же.

1905 г. за 6 м. – 1,410,000

1906 за 6 м. – 1,400,000

Следовательно, завал у Вас, вероятно в ткацкой <...>. Не плохо ли пакуют?

Жму твою руку.

С. Третьяков

23 ноября 1906 года (Л. 10)

Дорогой Сережа! Послала телеграммы на Север о положении покупки льна <...> высоких льнов нам необходимо иметь 100 тыс. пудов, причем этого количества хватит в обрез до октября. Средний № выпрядки все повышается, так что на замену высоких льнов средними или низкими нет никакой надежды. Замена наших северных льнов иностранными в таком большом количестве (т. е. 20 т) едва ли возможна? Всего с запасом по октябрь и ноябрь придется купить за границей до 40 т. Переплата будет громадная... Переплата будет колоссальная [50 т. р.], т. к. если мы как покупщики выступим с таким количеством, то сразу поднимем цены <...> И кроме того, что еще хуже, мы можем остаться без льна, для запорданной уже [ткани]. Это будет скандално! И убыточно!

Считаю долгом своим предупредить Вас об этом, при этом по моему мнению лучше остановить покупку низких льнов, а все внимание сосредоточить на высоких льнах. Сделайте же возможное напряжение, но достаньте денег на покупку льна на Севере, чтобы избежать больших убытков.

Мой искренний привет Вл. Дм.¹, ему ты прочти это письмо.

Жму твою руку

В. Шевалдышев

Ноябрь 1906 года (Л. 25–25 об.)

НОВОЙ КОСТРОМСКОЙ ЛЬНЯНОЙ МАНУФАКТУРЕ

Милостивые Государи! Всего куплено льна в Костромском районе по 10 октября около <...> на сумму 100 т. рублей, причем часть льна Костромского района в нынешнем году очень близка ко льну Грязовецкого края, а так как нам особенно нужны льны высокие, о чем уже мы сообщали при составлении сметы, то на фабрике и покупают эти льны без упущения. Вообще по тем данным, которые у нас имеются налицо, в Костроме покупка льна для нас сейчас выгодна, в особенности льнов высоких.

Тел[еграмм] в Торгово-Промышленной газете помещена Шабановым, который недавно отправил за границу 28 вагонов и сейчас очень энергично скупает товар, т. к. льны уже начинают дорожать и на понижение едва ли можно надеяться.

<...> Маленькая неловкость <...> оттянуть выплату денег крестьянам, тогда лен пойдет из уезда не на базар, а прямо к нам во двор. Задержка в переводах денег вещь очень неутешительная и для фабрики тяжелая, но по выгодности покупки в Костроме и сведениям, что базары пойдут сразу, покупку будем производить, так как это – необходимость. <...>

[Директор мануфактуры Третьяков]

19 июня 1907 года (Л. 31, 32)

**В ПРАВЛЕНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА НОВОЙ КОСТРОМСКОЙ
ЛЬНЯНОЙ МАНУФАКТУРЫ В МОСКВЕ**

Вчера 19 июня без 5 минут шесть в брезентной возник пожар. Пожар начался после ухода всех рабочих из брезентной минуты через три. Последними из брезентной вышли Скобо и конторщик Попов, причем Попов был нечаянно заперт Скобо в брезентной, но выпущен тотчас же, т. к. начал стучаться в дверь. Пожар по указанию одних начался в конторке наверху. По указанию других – в боковом отделении к большой стройке. Многие утверждают, что загорелось сразу в двух местах. Огонь со страшной быстротой охватил весь верхний этаж, причем от горения брезентов и прочих материалов получился густой черный дым, мешавший тушить пожар. На место пожара прибыли городская пожарная команда и вольная дружина. Действовала наша паровая и были пущены [гидранты]. Через 20 минут пожар был локализован. При пожаре рабочие вели себя очень хорошо и энергично старались спасти товар и машины. Все швейные машины уничтожены. Сгорело все оборудование. <...> Все залито водой. Часть товара вынесено и убрано.

Сегодня был страховой агент Российского Общества, при чем точно указать ему убытки мы не могли, т. к. не подсчитано количество сгоревшего товара. Испорченный товар они просили отсортировать и разобрать за их счет. Относительно здания мы заявили, что оно ВСЕ испорчено, кроме каменных стен.

Товар у нас отсортирован в сумме 59 000 рублей.

Здание -----

18 000 руб.

Машины -----

ИТОГО: 77 000 руб.

Ждем Сергея Владимировича для детальных выяснений вопроса.

Относительно дальнейшего хода работ в брезентной приняты все меры: швальню пока перевели в сборную, так что завтра она начнет функционировать. Пропитку устроим на старом месте, но уже после заявления Страх. Общ. убытков и признания их правильными.

Купили у Зингера 3 швейных машинки на первое время: у нас имеется пропитанный товар.

Шевальдышев

29 февраля 1908 года (Л. 68)

Дорогой Сережа, нам необходимо на этой неделе начать печатать книжки рабочих, между тем, как вопрос об английском дне остался нерешенным. Дело в том, что введение английской субботы, т. е. работы по субботам от 6 час утра до 2-х час дня без перерыва: такое распределение времени по нашему мнению будет для нас, в конечном результате, только выгодно, т. к. теперь у рабочих в субботу во время послеобеденное работа идет плохо и неравномерно, т. к. часть рабочих бежит с фабрики под всяким предлогом, а плату за ½ дня норовят получить. <...>

Пока. Жму твою руку

В. Шевальдышев

1908 год (Л. 70, 71)

Дорогой Сережа, на фабрику, конечно, можно на неделю опоздать, дело в том, что Ал. Фед. сейчас в Москве, и многие вопросы по отчету могут быть решены там же.

Вот несколько вопросов, на которые мне нужен ответ:

1. В школе в одном из классов сгнили совершенно балки, т. ч. их придется менять. Я заказал смету на железные балки и на железобетонные. По выяснении цены сметы тебе перешлю со своим мнением.

2. Я почти договорился с Чумаковыми², которые имеют свою ферму, что они будут поставлять нам все молоко. Это будет стоить дешевле,

чем держать своих коров в городе. Разрешите нашу бессмысленную ферму закрыть. На этот вопрос, ответ поскорее, т. к. мне необходимо дать ответ Чумаковым. Я же уверен, что получу Ваше согласие, т. к. ты знаешь, какой беспорядок у нас идет с коровами. Таково мое мнение о получении молока от Чумаковых.

У нас все время идет канитель относительно товарных выписок, когда ты приедешь на фабрику, это дело необходимо разобрать для будущего. Я послал Ник. Ив. Дельцову письмо с объяснением дела, как я его понимаю.

Пока. Жму твою руку
Поклон твоим и Вл. Дм.

В. Шевалдышев

Комментарии

ШЕВАЛДЫШЕВ Владимир Алексеевич (1874 – после 1917). Сын потомственного почетного гражданина. Личный дворянин. Выпускник Императорского Московского университета. Кандидат в члены (1905), член (1906) и директор (1915) правления Товарищества Большой Костромской льняной мануфактуры. Член учетно-ссудного комитета костромского отделения Государственного банка (15.03.1906) и попечительного совета Костромской торговой школы (05.05.1906–01.01.1908). Директор воспитательного детского приюта им. Н. П. Клирикова (06.10.1907–19.12.1909). Гласный Костромской городской думы (1909–1913). Костромской городской голова (1913–1916). Член Костромского губернского комитета общественной безопасности (1917). Коммерции советник (20.05.1913). Почетный попечитель народного училища деревни Святое Костромского уезда и почетный член Костромского губернского попечительства о детских приютах, Действительный член Костромской губернской ученой архивной комиссии (22.03.1907). Владелец имения в Тверской губернии и каменных домов в Москве и Костроме (ул. Островского, 40). Шурин С. Н. Третьякова.

Жена – Александра Николаевна, урожденная Третьякова (1880? – 05.10.1914), дочь потомственного почетного гражданина Третьякова Николая Сергеевича (06.12.1857–25.12.1896).

Соч.: Доклад в Костромскую городскую думу о передаче в распоряжение Костромского городского самоуправления капиталов, принадлежащих Обществу охраны от пожарных бедствий. Кострома, 1913.

Лит.: Благотворительные учреждения России. СПб, 1912. С. 178–179.

Арх.: ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 13739. Л. 1; Ф. 436. Оп. 1. Д. 834. Л. 1–20.

ТРЕТЬЯКОВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (26.08.1882–16.06.1944). Уроженец Москвы. Сын потомственного почетного гражданина Третьякова Николая Сергеевича (06.12.1857–25.02.1896). Выпускник 1-й Московской гимназии (1901) и студент естественного отделения Императорского Московского университета (1901–1905). Председатель правления фабрично-торгового «Товарищества Николай Третьяков и К^о» (1899). Директор «Товарищества Большой Костромской льняной мануфактуры» (1905–1917). Товарищ председателя (1906) и председатель (1910) Всероссийского общества льнопромышленников. Член совета Российского страхового союза (1908), Московского отделения Совета торговли и мануфактур (1912), Московского банка (1912) и др. Председатель Костромского комитета торговли и мануфактур (1909). Старшина (1912) и товарищ председателя (1916) Московского биржевого комитета. Член Центрального (1915) и товарищ председателя Московского (1915) военно-промышленного комитета. Член Совета съезда представителей промышленности и торговли (1917). Товарищ председателя общественных организаций Москвы (1917) и Всероссийского союза торговли и промышленности (1917). Председатель экономического совета Временного правительства (25.09.1917–13.10.1917). Член Учредительного собрания по списку партии Народной свободы (1917). Заключенный Петропавловской крепости (26.10.1917–февраль 1918). Член Совета государственного объединения России в Киеве (1918). Министр торговли и промышленности в правительстве А. В. Колчака (октябрь 1918). Заместитель председателя Совета Министров Всероссийского Правительства В. Н. Пепеляева (ноябрь 1919–04.01.1920). Эмигрант во Франции (январь 1920). Заместитель председателя Российского торгово-промышленного и финансового союза (февраль 1920). Член Русского эмигрантского комитета (1924) и Национального центра (1924). Председатель Российской торговой палаты в Париже (1929). Агент Объединенного государственного политического управления при Совете Народных Комиссаров СССР (1929). Член масонской ложи «Астрея» в Париже (11.04.1930). Раскрыт (1942) и расстрелян немцами в Ораниенбаумском лагере под Берлином.

Лит: Млечин Л. М. Сеть Москва – ОГПУ – Париж. М., 1991. С. 28. Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000: энциклопедический словарь. М., 2001. С. 808–809, 1164; Бурышкин П. А. Москва купеческая: мемуары. М., 1991.

Арх.: РГАЛИ. Ф. 1416. Оп. 1. Д. 610.

В мемуарах «Москва купеческая» П. А. Бурышкин писал: «Он происходил из одной почетнейших московских “династий”, одной из самых

старых и наиболее известных. С. Н. приходился по прямой линии внуком Сергеем Михайловичу Третьякову, бывшему московскому городскому голове. Их семье принадлежали одна из крупнейших льняных мануфактур – Новая Костромская – и большие земельные владения в городе Москве. Ими были созданы многочисленные благотворительные учреждения, носившие их имя. Этим именем была названа одна из московских улиц.

Отец С. Н., Николай Сергеевич, – единственный сын Сергея Михайловича. Мать его была урожденная Дункер, из семьи московских немцев. Отец его умер рано. С матерью отношения не были очень близкими. Атмосфера в доме была нелегкая, и он не любил вспоминать и говорить о своем детстве. У него были брат и три сестры. Кроме одной из сестер, все были больные и неуравновешенные люди.

С. Н. был женат на Наталии Саввовне Мамонтовой, вышедшей из одной из известнейших московских династий. Женился он рано. Семейная жизнь его сложилась неудачно, что сильно на нем сказалось. Он часто жаловался на свою судьбу и на домашнюю жизнь, но тянул лямку, так как очень любил своих детей – двух дочерей и сына. Всегда говорил о них с волнением и чувством отцовской гордости. Они отвечали ему тем же, но все знали, что в семье два лагеря.

С очень молодого возраста Сергей Николаевич оказался во главе своего дела. Отец его умер, а в семье его другого деда, Павла Михайловича, не было мужского потомства, способного участвовать в руководстве фабрикой. Сын Павла Михайловича был больной. Семья же Коншиных отстала от активного руководства. Да и сам С. Н. не был хозяином своей мануфактуры: большинство паев принадлежало его матери. Но руководить делом и выступать от имени фирмы он мог, и делал это с большим авторитетом. Дело свое он знал, любил и очень им гордился.

В общественной жизни Москвы он принимал участие тоже с самых молодых лет. На Московской бирже он быстро занял одно из первых мест. Был одно время гласным думы, членом попечительного совета Третьяковской галереи. Отовсюду ушел сам и не ставил впоследствии своей кандидатуры. Он был основателем и бессменным председателем Всероссийского общества льнопромышленников и, несомненно, одним из главных авторитетов в России по льняному делу, участвуя во всех общероссийских торгово-промышленных организациях, в частности, в совете съезда представителей промышленности и торговли. Он всегда был в самом первом ряду в деле представительства Московского промышленного района, что особенно показательно, принимая во внимание, что он был “льнянщик”, а не “хлопчатобумажник”.

Был он неврастеником, человеком неуравновешенным, с большим надрывом. Ему были свойственны и высокий полет, и глубокое падение. На него трудно было положиться: иногда, в отдельные моменты общественной работы, он вдруг оказывался “не в форме”, а подчас и просто объявлял себя больным. Не смотря на его полунемецкое происхождение, в нем совершенно отсутствовала внутренняя дисциплина. В дни юности он, несомненно, был “ищущим”, отдав дань “толстовству” и “опрощенству”. Потом все это прошло, и его характерными чертами стали болезненное честолюбие и невероятное самолюбие.

Не знаю, почему он не имел высшего образования. В университете он был, но его не окончил. Об этом он также не любил говорить. Но он много работал сам и с лихвой возместил отсутствие диплома.

У него была очень красивая внешность, своеобразная “порода” старой московской семьи. Держался он самоуверенно, гордо, хорошо одевался и на сравнительно сером фоне Московской биржи представлял заметную фигуру. Он прекрасно говорил – опять-таки с надрывом, – умело владел голосом и обладал отличной дикцией. Но он редко сам составлял свои речи, и на его выступлениях часто не было ни души. Он умел быть увлекательным в частной беседе, умел действовать на собеседника, но у него был неприятный смех, и это расхолаживало. Было у него еще одно свойство, которое, по обычному в Москве толкованию, служило признаком того, что он человек недобрый и неблагоприятно расположенный: он очень неприятно играл в карты. Вообще его избегали брать в компанию и, как человека некомпанейского, не очень любили в светской жизни купеческой Москвы.

Со своими сотрудниками и даже с сослуживцами он держался гордо, порою надменно. Он им импонировал, но и в этой среде его недолюбливали, зная его самопреклонение и уверенность в том, что он не такой, как все, что ему судьба должна покровительствовать и что ему надлежит занимать “под солнцем” такое место, где он будет ярко освещен его лучами»³.

¹ Коншин Владимир Дмитриевич (1821–1915) – совладелец ТБЛКМ (1866–1915). Шурин Павла Михайловича и Сергея Михайловича Третьяковых, с 1852 г. женатый на их сестре Елизавете Михайловне (?–?). Личный дворянин.

² Чумаковы – костромские купцы I-й гильдии.

³ Бурыйшкін П. А. Москва купеческая: мемуары. М., 1991. С. 234–236.

Раздел V.

Династия Третьяковых
и традиции благотворительности
и меценатства
в среде российских фабрикантов
и заводчиков

Е. Ю. Волкова

Особенности предпринимательской и благотворительной деятельности женщин Костромского края в XIX веке

Братья Павел и Сергей Третьяковы – одни из самых ярких представителей российского предпринимательства. Они основали самую большую фабрику в России по обработке льна, по числу веретен превосходящую льнопрядильные фабрики Голландии, Дании и Швеции вместе взятые. По традиции предпринимателей тех времен они много сил и средств тратили на благотворительную деятельность. К сожалению, в дореволюционной России женщина не могла заниматься предпринимательской деятельностью, поскольку была ущемлена в правах.

Униженное положение женщины в российском обществе было закреплено в «Своде законов Российской империи»: жена обязана повиноваться своему мужу, как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении, оказывать ему всяческое угождение и привязанность, как хозяйину дома. Женщина была вписана в паспорт мужа и не имела даже самостоятельного вида на жительство. Муж мог вернуть ее с помощью полиции по этапу, если она решалась уйти от него. Женщины всех слоев населения не имели избирательных прав, права на выбор профессии, учебы в вузах.

Для Костромской губернии это было особенно несправедливо, так как к началу XX века Костромская губерния была «женской» по составу населения – 55 % ее населения составляли женщины. В губернии насчитывалось чуть больше 6 тыс. (0,8 %) дворянок, 5 тыс. (0,7 %) купчих, 43 тыс. (5,6 %) мещанок. Основное же женское население губернии составляли крестьянки – 700 тыс. или 92 %.

По числу рабочих Костромская губерния занимала 14 место среди 31 губернии европейской части России. По составу рабочих ее можно также отнести к числу «женских», поскольку в ней традиционно развивалось льноткачество и строились льноперерабатывающие заводы. В 1913 году по России удельный вес женщин среди рабочих составлял 30,7 %, а в Костромской губернии – 51 %. На фабрике братьев Третьяковых женщины также составляли половину рабочих.

Какую же роль играли женщины в предпринимательской и благотворительной деятельности?

В Костромском крае лишь наиболее активные натуры из числа женщин на свой страх и риск пытались что-то сделать. Некоторые из них показывали пример образцовой торговли. Купчиха второй гильдии Е. А. Лаврентьева торговала медными изделиями в наемной лавке, фруктами и зеленью – купчиха У. Л. Зимина и мещанка Е. А. Зайцева, купчиха О. В. Бекенева – книгами, канцелярскими товарами, чаем и сахаром. Зернистую икру, балыки, рыбные консервы можно было приобрести в магазине Н. Я. Смольяниновой. Ф. Ф. Пастухова владела лавкой по продаже обуви, фуражек, чулочного и перчаточного товара, мещанка П. А. Белозерова – по продаже табака, мещанка А. И. Ахмелкина держала хлебно-бакалейный магазин на Павловской улице.

Были отдельные примеры, когда предпринимательницы имели значительное производство и капиталы. Такова М. К. Кашина, владевшая пароходством на Волге, которое в навигацию 1905 года отправило из Костромы несколько пароходов американского типа. Анфиса Клементьева была хозяйкой ткацкой фабрики. Александра Матвеевна Морозова в Костроме имела производство по выработке шагренового и яловичного товара.

Чаще всего предпринимательницами становились вдовы купцов. Для ведения хозяйства им приходилось овладевать грамотой, что особенно для купчих было редкостью. Так в 1901 году вдова крестьянина, владевшего типографией, Евдокия Ивановна Беляева из Нерехты подала костромскому губернатору прошение продолжить дело мужа, как единственного средства существования. Беляева писала, что дело знает, так как вела его еще при жизни больного мужа. Губернатор разрешил ей управлять типографией. Перед этим, правда, костромское жандармское управление и нерехтский уездный исправник заверили о политической ее благонадежности.

В истории известны женщины, которые смогли не только спасти свое предприятие от краха в период экономического кризиса, но и вновь вывести его в передовые. В селе Родники Юрьевецкого уезда Костромской губернии в 1820 году была основана ткацкая фабрика, которая принадлежала товариществу Анны Красильщицкой с сыновьями. В период тяжелейшего кризиса 1860-х годов дела «Товарищества мануфактур А. Красильщицкой с сыновьями» спасли две женщины: энергичная и работоспособная невестка Антонина Михайловна и жена хозяина Михаила Антоновича – Анна Михайловна, урожденная Хонина, дочь фабриканта из соседней деревни. В 1875 году, оставшись вдовой с малолетними детьми, Анна Михайловна перевела дело на свое имя и вновь вывела фабрику из тяжелой ситуации. В конце XIX века на фабрике работало более двух тысяч рабочих и производилось хлопчатобумажной продукции на 2 млн рублей в год.

Несмотря на явные успехи женщин-предпринимательниц основной их массе был закрыт путь в бизнес. Но женщины сумели найти применение своим силам, энергии, организаторским способностям на пользу общества в благотворительной деятельности. Именно здесь проявились лучшие черты женщин, свидетельствующих об их душевной доброте и жертвенности.

Основные силы женщин были сосредоточены на организации помощи материально незащищенных слоев населения, прежде всего стариков и детей, на оказании содействия в развитии культуры, образования и здравоохранения. В Костроме попечительницей Марининского детского приюта для девочек была вдова действительного статского советника Александра Федоровна Карцова, а его смотрительницей – Александра Александровна Короткова. Попечительницей приюта для бедных престарелых, основанного в 1900 году, стала купчиха Сара Васильевна Акатова. В Кинешме совет общества призрения беспризорных детей, созданный в 1898 году, возглавила Е. Лебединская. В 1906 году в Костроме было открыто женское благотворительное отделение с детским приютом на 27 девочек. Председателем его распорядительного комитета стала М. Шиловская, а членами комитета Г. Колодезникова, А. Живилова, Е. и Л. Чумаковы, М. Москвина, С. Попова, Е. Рогаст и др. В Кологриве в 1901 году создали Ивановский сиротский детский приют. Обязанности смотрительницы приюта выполняла жена статского советника Вера Сергеевна Григорьева, а ее помощницей стала Елизавета Васильевна Голубева. В приюте в 1907 году насчитывалось 30 детей одиноких матерей, из бедных крестьянских семей и круглые сироты в возрасте от 4 до 18 лет. Дети-школьники посещали местную земскую школу, занимались рукоделием, огородничеством. Двое детей были устроены в учебные заведения для продолжения учебы. На содержание приюта ежегодно поступали субсидии от губернского и уездного земств и пожертвования частных лиц. Сама попечительница В. С. Григорьева и ее муж помогали приюту продукцией из собственного хозяйства. Например, в 1908 году они поставили 300 ведер молока, огородные семена, различные продукты, книги, елку на Новогодний праздник, солому и др.

В некоторых местах Костромской губернии образовалась довольно разветвленная сеть благотворительных учреждений. В 1914 году в Костроме специально для женщин и детей действовала богадельня имени сестер Чижовых для слепых и престарелых женщин, основанная в 1897 году. Попечительницей была доверенное лицо Е. В. Чижовой – дворянка Екатерина Николаевна Прохорова, надзирательницей – В. И. Горбунова. Кроме того, силами благотворительного общества были организованы богадельня имени А. В. Стоюнина и детская больница А. И. Акатова.

В 1914 году в Костромском уезде насчитывалось 19 благотворительных учреждений, из них 9 специально для женщин. В Левашовской волости действовали две богадельни для женщин, в посаде Большие Соли – три: имени К. А. Попова при детской больнице, при Спасо-Преображенской и Соборно-Воскресенской церквях. В деревне Бычиха работал детский приют. В уезде было создано женское народное одноклассное училище.

Женщины заботились и о духовном развитии костромичей, помогая в этом по мере возможности. В 1855 году госпожа Колычева открыла книжную лавку и библиотеку для чтения в своем доме на Русинио улице. Попечительницей двухклассного приходского училища на 120 мальчиков, открывшегося в 1871 году, стала Е. М. Кашина жена фабриканта К. Я. Кашина. К концу XIX века для училища было специально построено двухэтажное кирпичное здание. Особо талантливые ученики на фабрике могли получить благотворительную поддержку для дальнейшего обучения, вплоть до высшего образования. В 1897 году на территории льняной мануфактуры построили самое большое в Костроме шестизэтажное рабочее общежитие – одно из самых благоустроенных не только в городе, но и в России.

В 1901 году Е. Ф. Олохова в своем доме на улице Пятницкой оборудовала платный кабинет для чтения, предоставив читателям свою библиотеку. В марте 1909 года было создано общество для помощи учащимся Григоровской женской гимназии, целью которого являлось оказание духовной и материальной помощи гимназисткам в виде организации лекций, бесед, экскурсий, вечеров, дополнительных занятий для неуспевающих, а также выдача денежных и вещественных пособий нуждающимся. Среди учредителей общества была жена статского советника Екатерина Ивановна Латышева. Общество содержало более 30 гимназисток.

Приведенные примеры говорят о несомненных талантах женщин, обладании ими прекрасных черт руководителя, организатора. Однако в целом их успехи были крайне незначительны. Из 764 тыс. женщин Костромской губернии только 15 % (113 тыс.) имели самостоятельное занятие, причем половина (55 тыс.) было занято в сельском хозяйстве, из которых лишь десятая часть занималась еще и кустарным промыслом льняных и пеньковых изделий. Только 3 % женщин губернии зарабатывали себе на жизнь, работая в промышленности, 2% трудились в качестве прислуги или поденщицы и лишь 0,4 % находились на государственной службе. Лишь 12,2 % женщин губернии были грамотными. Таким образом, представительницы «слабого» пола продолжали занимать второстепенное положение в обществе. От этого много теряли не только сами женщины, не находя применения своим талантам, но еще больше проигрывало само российское общество.

Влияние голода в Поволжье 1921–1922 гг. на положение рабочих текстильной промышленности

К началу XX века Костромской край относился к числу крупных промышленных регионов России. Развитие текстильного производства по обработке льна и хлопка было определяющим в развитии промышленности губернии. Оно было сосредоточено в четырех юго-западных уездах, территориально примыкавших к Волге – Костромском, Кинешемском, Нерехтском и Юрьевецком. Среди крупных предприятий губернии выделялось Товарищество Новой (с 1912 г. – Большой) Костромской льняной В 1912 г. возникло «Русское льнопромышленное акционерное общество», в состав которого вошли известные предприниматели А. И. Коновалов и С. М. Третьяков. Происходил активный рост внутреннего и внешнего рынка.

В начале XX века наблюдался общий процесс активизации российского рабочего движения, который захватил и Костромской край. Главной причиной недовольства рабочих было их тяжелое положение: низкий уровень заработной платы (в губернии был один из самых низких показателей среди текстильщиков всей России), длительный, 11–12 часовой рабочий день при высокой интенсивности труда, плохие жилищные условия.

Участие России в Первой мировой войне, революционные события 1917 г., гражданская война – все это вызвало серьезные экономические трудности, привело к нарушению сложившихся торговых и финансовых связей. Резко сократился ввоз из-за границы красителей для текстильной промышленности. Мобилизация в действующую армию вызвала недостаток квалифицированной рабочей силы, что явилось причиной сокращения производства на текстильных фабриках на 50–60 % от довоенного уровня¹. К этому необходимо добавить и недостаток топлива, в связи с расстройством работы железнодорожного и водного транспорта. Инфляция значительно превосходила рост заработной платы. Тем самым, заметно ухудшился жизненный уровень костромских рабочих, в том числе и на текстильных предприятиях.

В 1921 г. в советском государстве начался переход к новой экономической политике. Первые же мероприятия в рамках НЭПа начали оказывать позитивное влияние на развитие страны, но ситуацию очень осложнил

голод в Поволжье в 1921–1922 гг. По сводкам двадцати трех административно-территориальных единиц к 1 января 1922 г. голодало 6 367 тыс. детей и 8 795 тыс. взрослых. На 1 апреля 1922 г. число голодающих детей было уже 8 573 тыс. и 11 540 тыс. взрослого населения, а к 1 июля 1922 г. соответственно – 9 894 тыс. и 12 665 тыс. человек. При этом наибольшее количество голодающих находилось в Саратовской, Самарской, Уфимской губерниях, Татарской ССР². Борьба с голодом, пожалуй, впервые в истории велась как широкая государственная кампания. Были мобилизованы все учреждения, предприятия, кооперативные, профсоюзные, молодежные организации, Красная армия. Особое значение для рабочих имели в этих условиях стабильность работы предприятий, своевременная выплата заработной платы, выдача продовольственного пайка.

Одним из важных направлений в решении проблемы голода явилась организация сбора продналога и обеспечение посевных кампаний осени 1921 и весны 1922 гг., в которую входило и обеспечение сырьем текстильных предприятий. В 1920 г. в Костромской губернии было засеяно 147 705 десятин яровых, из которых льном 9 178 – 6%. По плану Наркомзема, в 1921 г. предполагалось засеять льном 36 000 десятин – 12 % от общей площади яровых посевов³. План выполнили больше половины уездов Костромской губернии.

Положение и настроение рабочих текстильной промышленности в 1921–1922 гг. не являлось стабильным, менялось в зависимости от инфляционных процессов, сезонного изменения цен, размеров пайка и заработной платы. В информационной сводке Костромского губотдела ГПУ за июль 1922 г. отмечалось: «...настроение рабочих спокойное. Экономическое положение рабочих плохое – низкая расценка труда, недостаточный паек... Цены вольного рынка на все предметы, за последний месяц упавшие, остановились...» В сентябре 1922 г. было отдельно отмечено: «...положение рабочих текстильной промышленности в большинстве скверное. Пайк выдается только на рабочего в следующем количестве: муки 1 п. 10 ф., соли 5 ф., рыбы 5 ф., сахару 2 ф. Расчет за продукты производится по базарным ценам со скидкой 25 %»⁴.

Определенные проблемы наблюдались и внутри рабочих коллективов: «Настроение рабочей массы плохое, главная этому причина – это скверные материальные условия жизни. На этой почве и плохое, а иногда и враждебное отношение к администрации, спецам, которые теперь благодумствуют, получая громадные жалования. Политработа на фабриках не ведется, влияния ячеек нет, коммуниста на фабрике не услышишь, они являются только в исключительных случаях». Ситуация несколько нормализовалась к концу 1922 г. В информационной сводке сообщается,

что настроение рабочих спокойное, волнений и массовых недовольств среди рабочих не наблюдается. Взаимоотношения с администрацией нормальные. Отношение к советской власти и РКП(б) хорошее.

Ответом рабочих на бедственное положение являлись забастовки, где определяющими были экономические требования. Так, в первых числах августа 1922 г. на льнопрядильнях забастовали рабочие. Губкомом были приняты срочные меры и забастовка была закончена. 23 августа снова вспыхнула забастовка на ватерном цехе I-й республиканской мануфактуры, которая возникла «без ведома профсоюза». После этого Губком «серьезнейшим образом отнесся к положению на фабриках, и, после ряда принятых мер, 29 августа забастовка была ликвидирована»⁶.

Политические требования практически не звучали в среде рабочих во время забастовок, использовались лишь как отдельные акции протеста на некоторые действия властей. Так, 8 сентября 1922 г. на одной из текстильных фабрик г. Костромы (бывш. Михина) произошла забастовка на ватерном цехе. Рабочие требовали освобождения арестованных за участие в забастовках меньшевиков и эсеров⁷. Было собрано общее собрание текстильных рабочих, которое постановило возобновить работу.

Если в 1921 г. наблюдалась определенная нехватка рабочей силы на костромских предприятиях, то уже в 1922 г., с прибытием большого числа голодающих в ходе организованной эвакуации и стихийного бегства с Поволжья, ситуация на рынке труда изменилась. Только в октябре 1922 г. на костромской бирже труда было зарегистрировано 1615 человек, «большой частью из неквалифицированных рабочих Самарской и Казанской губерний»⁸. Рабочие, особенно не специалисты, вынуждены были частично ограничивать свои требования, боясь быть уволенными.

Схожая ситуация с положением рабочих текстильной промышленности наблюдалась и в соседних губерниях. Происходило общее снижение производства, по сравнению с предшествующими годами. Так, в Ярославской губернии к июлю 1922 г. выполнение «в отношении производственной программы» составило: тканей – 101 %, пряжи крученой – 94 %, ваты 107 %. Сравнительно же с выработкой 1914 г. – ткацкие товары – 46,1 %, пряжа крученая – 45,4 %, вата – 43,7 %. В Иваново-Вознесенской губернии за 1921 – начало 1922 г. В сравнении с тем же периодом произошло «понижение производства по хлопчатобумажным изделиям от 96 до 75 %, по пеньковым изделиям от 83 до 30 % и по шелковым от 94 до 27 %»⁹. Льняное и шерстяное производство остается на том же уровне.

Недовольство рабочих снабжением приводило к готовности отстаивать свои права с помощью забастовок. Так, рабочие прядильно-ткацкой фабрики г. Ярославля заявили на собрании, что Губпродком не желает удовлетворять рабочих фабрики пайком, установленным Центральной комиссией по рабочему снабжению. Это «вылилось со стороны части собрания в категорическое требование об удовлетворении пайком по нормам. Дошло до призывов к забастовке со стороны выступающих демагогов, к голосу которых значительная часть рабочих относилась сочувственно»¹⁰. Прошли забастовки в Иваново-Вознесенске – на Большой мануфактуре, в Середе – на фабрике бывш. Коновалова и в Юрьевце. Кроме того, в Иваново-Вознесенской губернии «наблюдались недовольные, главным образом среди женщин, изъятием церковных ценностей»¹¹. В конечном итоге, как отмечалось в информационной сводке информотдела ГПУ в 1922 г.: «Политэкономическое состояние рабочих находится в зависимости от хода фабрик, так что, на работающих фабриках состояние удовлетворительное, на стоящих фабриках заметно хуже вследствие худшей обеспеченности, не говоря уже о безработных»¹².

Важную роль для обеспечения стабильности работы, снижения социальной напряженности среди рабочих играла агитационно-пропагандистская деятельность властей. Для агитации использовались следующие темы: «Почему сейчас голод и безтоварие», «Как отразилась империалистическая и гражданская война на народном хозяйстве», «Кто питается хуже – крестьянин или рабочий», «Как распределяет продукты Советская власть», «Нетрудящийся да не ест!»¹³ При этом власти использовали богатый опыт, накопленный в годы революции и гражданской войны.

Положение рабочих текстильной промышленности Костромской губернии, заметно ухудшившееся в ходе участия России в Первой мировой войне, революциях 1917 г., гражданской войне, еще более осложнил голод в Поволжье 1921–1922 гг. Голод потребовал мобилизации всех ресурсов советского государства. Определялись причины и масштабы бедствия, выработывались и осуществлялись мероприятия по преодолению голода.

Рабочие губернии, в частности текстильной промышленности, внесли заметный вклад в преодоление последствий голода. Несмотря на собственное тяжелое положение, многие рабочие, помимо обязательных отчислений, регулярно осуществляли добровольные пожертвования в пользу голодающих, принимали беженцев из Поволжья. В то же время произошла определенная активизация рабочего движения, вынуждавшая власти решать проблемы денежного и продовольственного обеспечения

рабочих. Косвенно голод в Поволжье повлиял на переход государства к новой экономической политике, определил социально-экономическое развитие страны в 1920-е гг.

¹ *История Костромского края. XX век. Кострома, 1997. С. 42.*

² *Итоги борьбы с голодом в 1921–1922 гг. М., 1922. С. 460.*

³ ГАНИКО. Р-1. Оп. 1. Д. 799. Л. 3.

⁴ ГАНИКО. Р-1. Оп. 1. Д. 1094. Л. 13.

⁵ Там же. Р-1. Оп. 1. Д. 891. Л. 29., Р-1. Оп. 1. Д. 1094. Л. 2.

⁶ Там же. Р-1. Оп. 1. Д. 891. Л. 40 об.

⁷ Там же. Р-1. Оп. 1. Д. 891. Л. 54.

⁸ Там же. Р-1. Оп. 1. Д. 1096. Л. 61.

⁹ *Северный рабочий: Издание Ярославского Губернского комитета РКП(б), Губ. Исп. Ком. Советов раб., крест. и красноарм. депутатов и Губернского Совета Профессиональных Союзов. 1922. 8 июля. № 7. Рабочий край: Орган Ив.-Возн. Губ. и Гор. Советов рабоч., красноарм. и крестьян. депутатов и Губкома РКП. 1922. 4 мая. № 98.*

¹⁰ *Центр документации новейшей истории Ярославской области. Ф. 1. Оп. 27. Д. 537. Л. 5.*

¹¹ *Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 2. Оп. 5. Д. 22. Л. 15.*

¹² *ГАИО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 15. Л. 16.*

¹³ *ГАНИКО. Р-1. Оп. 1. Д. 697. Л. 14.*

**«...Чтобы нажитое от общества вернулось бы
также обществу (народу)...»**

Отношение П. М. Третьякова к деньгам, вернее, к денежным тратам, было сложным и время от времени вызывало недоразумения в отношениях с членами семьи. Зато, благодаря этому, мы знаем о его мыслях по этому поводу: они сохранились в письмах к родным. Так, осенью 1892 г. он вынужден был объяснять жене: «Ведь я не скуп, где нахожу нужным. <...> Я трачу на картины – тут цель серьезная, <...> деньги идут трудящимся художникам, которых жизнь не особенно балует; но когда тратится ненужным образом хотя бы рубль – мне это досадно и это раздражает меня»¹.

Именно благодаря необходимости в очередной раз объяснить свое отношение к собственным капиталам, в письме дочери Александре от 24 марта 1893 г. по поводу приданого П. М. Третьяков писал: «Моя идея была с самых юных лет наживать для того, чтобы нажитое от общества вернулось бы также обществу (народу) в каких-либо полезных учреждениях»².

Широко известны значительные пожертвования Павла Михайловича на содержание московских «полезных учреждений», в первую очередь училища глухонемых. Гораздо менее известны расходы на обустройство жизни рабочих костромской фабрики. Александра Павловна Третьякова, в замужестве Боткина, уделила этой стороне благотворительной деятельности отца только один абзац: «Павел Михайлович часто посещал ее, и под его влиянием и по его мысли были устроены образцовая школа, больница, родильный приют, ясли и потребительское общество. Эта фабрика считалась одной из самых передовых и благоустроенных»³. Собственно, сдержанность автора объяснялась отчасти временем: в 1937 г. когда начиналась работа над книгой, писать о «хороших» фабрикантах было не только не принято, но и опасно, лучше об этом было вообще не упоминать.

Почти в те же годы (1936–39), но на противоположной стороне земного шара, в Нью-Йорке, работала над своими воспоминаниями другая дочь Павла Михайловича, Вера Павловна, в замужестве Зилоти⁴. У нее не было под руками семейного архива, но зато не приходилось учитывать политическую конъюнктуру. Однако и она лишь раз обращается к костромской фабрике, которую они с сестрой Александрой посетили в возрасте 9–10-ти лет: «Фабрика произвела на нас громадное впечатление: машины, как громадные сказочные драконы, шипели и наводили на нас почти что ужас. Никогда не забуду лиц многих рабочих, особенно

подростков в “чесальне”. Рты были у них завязаны пряжей, как лентой. Какая забота была всегда для Павла Михайловича и друга его Константина Яковлевича Кашина – удаление льняной пыли в чесальнях.

Фабрика Костромской льняной мануфактуры была чуть ли не целым городом: было рабочих с их семьями около 5 000 или это мне теперь так представляется? Помню большие избы и дома для рабочих, читальню, школы, больницы – все осталось в памяти как что-то грандиозное. Никогда более я там не бывала⁵.

Вера Павловна была ровесницей фабрики – Устав Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры был утвержден в год ее рождения, в декабре 1866 г. Значит, приезжала она на фабрику с сестрой в 1876–1877 гг. Это действительно было время, когда производство, начинавшееся с 4 804 веретен и 22 ткацких станков, встало «на крыло», число веретен и станков удвоилось, прибыль стабилизировалась. Можно было подумать и об организации быта рабочих.

Начали с организации двухклассного училища, которое открылось при фабрике в 1871 г. – разрешение Министерства народного просвещения было получено 5 сентября того же года⁶. Через три года было возбуждено и удовлетворено ходатайство о предоставлении выпускникам училища «льгот при отбытии всеобщей воинской повинности». При этом было учтено и высокое качество преподавания, и то, «что учредители, отпуская ежегодно на содержание этого училища до 1200 рублей, снабжали и снабжают оное всеми нужными книгами, учебными пособиями в весьма достаточном количестве и при том по указанию инспектора, ныне директора народных училищ»⁷.

В 1874 г. директор фабрики, К. Я. Кашин, обратился с просьбой об открытии при училище еще и воскресной школы, «желая дать возможность работающим на фабрике Товарищества Новой Костромской Льняной Мануфактуры лицам мужского и женского пола приобрести первоначальные знания в Законе Божием, чтении русском и славянском, в счислении и чистописании»⁸.

В 1870-е гг. началось и возведение больницы⁹, положившей начало строительству целого больничного городка. В 1887 г. для нее возводится новое здание, которое в 1897 г. было расширено, и одновременно с тем шло строительство заразного отделения¹⁰. В 1896 г. комплекс был дополнен зданием родильного приюта¹¹.

В 1911 г. в больнице официально числилось 35 коек, в родильном приюте 12 коек, в заражном бараке – 12, причем число отделений, каждое из которых было рассчитано на одно инфекционное заболевание, постоянно увеличивалось. Кроме того, велся огромный амбулаторный прием и

работала аптека с бесплатной для занятых на фабрике выдачей лекарств¹². Лекарства, по давнему обычаю, заведенному на фабрике, выдавались фельдшерами по просьбе больных. Автор отчета отмечал: «Сознавая вполне ненормальность такой бесплатной необоснованной раздачи лекарств, в то же время затрудняешься прекратить такой обычай, имея ввиду полное уравнение всех видов служащих и рабочих и могущие быть недовольства»¹³. В 1909 г. посчитали, оказалось, что лекарства таким образом были отпущены 17 866 раз, а общее число амбулаторных посещений достигло 19 548. Но и при этом речь шла только о том, чтобы регулировать выдачу всем в равной мере контролем врача «в виде его подписи или, наконец, определению фельдшером целесообразности требования»¹⁴.

Регулярная публикация отчетов по благотворительным заведениям фабрики играла роль «обратной связи». Администрация узнавала о проблемах и прилагала усилия к их разрешению. Так, в отчете за 1909 г. доктор И. Кузнецов отмечал, что «в зимние месяцы больница бывает переполнена и приходится мириться с теснотой помещения, не имея возможности отказать тяжкобольному в коечном лечении, хотя и в коридоре»¹⁵.

Через несколько лет, в 1912 г., здание больницы и родильного приюта было благоустроено, проведен ремонт, электрификация, подведена ветка водопровода¹⁶. «Больничные двор засажен деревьями, цветами и производит впечатление культурной местности, а не голого пустыря, каким в былое время представлялось пространство, разделяющее больничные здания»¹⁷.

Тот же врач И. Кузнецов отмечал: «Администрация фабрики по-прежнему всегда шла навстречу всем мероприятиям врачей, а в отношении внешнего благоустройства зданий и окружающего здания мест опережали часто наши пожелания. И если все сделано в отношении внешнего и внутреннего благоустройства лечебных заведений фабрики, то надо ожидать, что очередь дойдет и до тех уже улучшений, которые касаются усовершенствования, подновления знаний врачей и фельдшеров»¹⁸.

Мировая война внесла свои коррективы: под лазарет для раненых было отдано здание училища¹⁹. В экспликации к плану по оценке владений Товарищества НКЛМ, выполненному в самом начале 1916 г., в здании училища значится «лазарет каменный двухэтажный», «родильный приют деревянный одноэтажный», «больница полукаменная двухэтажная», «аптека на каменном полуподвале 1-этажная», «заразный барак 1-этажный»²⁰.

В декабре 1898 г. при фабрике были устроены ясли. Они располагались во дворе, у входных ворот, в здании, из которого только что перебралось в новое помещение фабричное училище. Воображение посетителей поражали электричество и водопровод, устройство для подогрева воды, специальное помещение, предназначенное для кормления детей их матерями,

стерилизованное молоко... Автор (статья подписана «Ив.», но по контексту можно предположить, что это известный всему городу Ив. Сав. Иванов) заканчивает статью словами: «В заключение считаю своим приятным долгом заявить, что руководительница яслей женщина-врач А. А. Радванская своим теплым отношением к делу, своею любовью к помещенным в ясли малюткам, из коих старшие не отходили от нее во все время нашего пребывания в учреждении, произвела самое отрадное впечатление и укрепила сознание, что польза, приносимая яслями, несомненно, велика»²¹.

Наряду с этим были построены несколько зданий рабочих общежитий – по обычаю того времени их называли «сборными». Наряду с построенной в 1896–1897 гг. «большой» сборной была и «малая»²². В 1898 г. было получено разрешение на возведение бани, что было особенно важно для работающих в пыльных цехах²³.

Все вместе благотворительные заведения БКЛМ действительно составляли целый городок, предназначенный для облегчения жизни рабочих и членов их семей. Мечта П. М. Третьякова исполнялась и его наследниками.

¹ Цит. по: А. П. Боткина. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве / Гос. Третьяковская галерея. М.: Искусство, 1993. С. 264–265.

² Там же. С. 268.

³ Там же. С. 272.

⁴ Зилоти В. П. В доме Третьякова / Гос. Третьяковская галерея. М.: Искусство, 1998.

⁵ Там же. С. 33.

⁶ ГАКО. Ф. 444. Оп. 1. Д. 98. Л. 16 об.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Лл. 13–13 об.

⁹ ГАКО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 138; Ф. 207. Оп. 1. Д. 2180.

¹⁰ ГАКО. Ф. 137. Оп. 2. Д. 5824.

¹¹ ГАКО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1532.

¹² Отчет благотворительных учреждений Товарищества Новой костромской льняной мануфактуры за 1911 год. Кострома, 1912. С. 3 (далее – Отчет... за... год).

¹³ Отчет... за 1909 год. С. 5.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 9.

¹⁶ Отчет... за 1912 год. С. 16.

¹⁷ Там же. С. 3.

¹⁸ Там же. С. 16.

¹⁶ Отчет... за 1915 год. С. 16.

²⁰ ГАКО. Ф. 207. Оп. 1, т. 2. Д. 6409. Лл. 11–12.

²¹ Ив. Детские ясли // Костромской листок. 1899. 3 янв. № 2. С. 3.

²² ГАКО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1727.

²³ ГАКО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1927.

**Роль частной благотворительной
инициативы и общественных организаций
в развитии народного просвещения
в середине XIX – начале XX веков**

В 60–70-е гг. XIX в. образование превратилось в одно из основных направлений приложения частной благотворительной инициативы. Объяснялся этот процесс объективными потребностями общественного развития и поддержкой благотворительных усилий в образовании со стороны государства. Однако подобное единение власти и общества продолжалось недолго. В середине 1880-х общество в лице своей интеллектуальной и бизнес-элиты (главных действующих лиц благотворительности) явно разошлось с правительством в оценке образовательных нужд и перспектив страны. И развитие технического образования, и поддержка способной молодежи малоимущих слоев населения, и улучшение быта учителей – все, что объективно способствовало усилению социальной мобильности общества, облегчению выхода наиболее способных представителей податных сословий к вершинам образования и успеха, – все это было открытым противодействием слепому укреплению сословной структуры общества, которого добивалось Министерство народного просвещения.

В развитие благотворительности в области народного просвещения во вторую половину 90-х гг. XIX – начале XX в. можно отметить важные особенности. Во-первых, это значительное расширение видов и форм непосредственной помощи учащимся. Так, на одно из первых мест в 90-ые гг. выдвигается забота о здоровье учащихся. То, что в стране, только что пережившей катастрофический голод, унесший около 300 тыс. жизней, и едва ли не ежегодно сотрясаемой голодовками в отдельных районах, здоровье подрастающего поколения есть национальная проблема № 1, благотворители не только осознали раньше и острее правительства, но и сделали больше, практически с нуля создав еще один институт, без которого нельзя себе представить жизнь современного общества – летние оздоровительные лагеря. Костромское попечительное об учащемся обществе, по данным которого 35 % учащихся отличались недостаточным физическим развитием, малокровием и начальными формами туберкулеза, открыло летом 1898 г. небольшую летнюю дачу для учеников городских училищ¹. Столичные общества, располагавшие более значительными средствами, существенно опережали провинциальные.

Общество школьных дач для С.-Петербургских средних учебных заведений еще в 1896 г. смогло потратить на летний отдых детей свыше 5 тыс. руб., организовав в Куоккале дачу для 99 мальчиков, а в Ораниенбауме – для 40 девочек, отобранных «по рекомендации начальства учебных заведений и на основании врачебного освидетельствования». На следующий год общество планировало удвоить расходы². Еще раньше летним отдыхом школьников занялись благотворители Москвы. В 1896 г. у них уже было 14 летних колоний для 146 девочек и 100 мальчиков из городских начальных училищ³. Провинциальные общества брали на себя и поддержку земляков, учащих в учебных заведениях столиц.

Но наиболее яркой составляющей благотворительной помощи народному просвещению к концу века оставалась деятельность благотворителей в области ремесленного и технического образования. Благотворительные общества к этому времени содержали 933 заведения «дешевого и бесплатного обучения». Особенно заметной была деятельность Русского технического общества, умело аккумулировавшего частные пожертвования и поступления от городов (в 1893 г. общество имело 34 школы на 3 336 учеников, а к концу века 52 на 5 339)⁴, и образованного в 1881 г. Общества по улучшению народного труда в память царя-освободителя Александра II, которое в соответствии со своим уставом открывало низшие ремесленные заведения, сельскохозяйственные школы и рукодельные классы при общеобразовательных школах⁵. Так, в 1900 г. в Ярославле было открыто бесплатное трехгодичное механико-техническое училище на 120 человек и ремесленная школа при нем. На строительство здания, оборудование мастерских и классных помещений купец Н. П. Пастухов издержал 500 тыс. руб. Он также учредил капитал в 100 тыс. руб., проценты с которого должны были идти на обеспечение бесплатного обучения. Еще 60 тыс. руб. он завещал на развитие училища. Училище и капиталы были принесены в дар Министерству народного просвещения. Для сравнения: в том же 1900 г. Министерством на устройство технических и ремесленных училищ по всей России было выделено всего 54 тыс. руб.⁶ Однако, несмотря на такую поддержку, несмотря на ясное понимание того неоспоримого факта, что прогрессивный рост промышленности идет впереди школьного дела, вызывая спрос на людей, обладающих специальными знаниями, побуждает к дальнейшему настойчивому распространению промышленного образования, Министерство осуществляло свои надзорно-контрольные функции таким образом, что благотворители требовали только одного: чтобы оно «не стесняло частной инициативы в деле устройства на частные средства промышленных училищ»⁷. Поли-

тика Министерства была тормозящим фактором в деле благотворительного участия в народном просвещении.

Что касается богатого купечества, то оно также понимало ценность образования для хозяйственного развития и немало делало в этом направлении, хотя предпочитало менее обезличенные формы благотворения.

Славились своей благотворительностью женщины из купеческих семей. Воспитывая своих дочерей, богатые московские купцы откровенно ориентировались на аристократию: девиц обучали чтению, письму, началам арифметики, игре на фортепиано, европейским языкам. Вопреки хрестоматийным представлениям о купеческой среде как о «темном царстве», мода на воспитание существовала уже, видимо, с 1830–1840 гг.

Мать известного коллекционера Павла Михайловича Третьякова, Александра Даниловна, дочь купца Борисова, 1812 года рождения, по купеческим меркам «имела образование». В юности брала уроки игры на фортепиано и уже, будучи старушкой преклонных лет, играла внукам знаменитый полонез Огинского. На иностранных языках А. Д. Третьякова не говорила, но немного понимала. У Третьяковой было одиннадцать детей. Шесть из них умерли от жестокой скарлатины, но остальным пятерым она сумела дать приличное образование. Дети получили прекрасное домашнее образование, великолепно знали языки, литературу, имели самых известных в то время учителей.

Купцы охотно использовали богатство для завоевания видного общественного положения, прочной положительной репутации и, естественно, предпочитали те виды благотворительности, которые на данный момент пользовались максимальным общественным признанием. На пике любого благотворительного движения база его становится особенно широкой и многосоставной.

Благотворительной деятельностью занимались и предприниматели. Товарищество Новой Костромской льняной мануфактуры, главным пайщиком которой были братья Третьяковы, регулярно печатало «Отчеты по благотворительным учреждениям» своих фабрик. Но первым в Костроме начинает благотворительную деятельность хозяин фабрики В. А. Зотов. В 1870 г., вернувшись с промышленной выставки в Петербурге, он составляет прошение на высочайшее имя: «Наши малолетние рабочие наполняют небольшие домики, расположенных на улицах близ фабрик. Помещение их по тесноте более чем неудобны, они бывают скучены до 30 человек обоего пола в одной маленькой комнате... Сознавая вполне всю безвыходность их положения, я намерен приступить к устройству жилищ для рабочих, которые были бы удобны в гигиеническом отношении». Еще раньше, весной 1869 г., при фабрике Зотовых было

открыто одноклассное училище, а так как конкуренция есть конкуренция, то 05.09.1871 г. мануфактура братьев Третьяковых получает разрешение на открытие собственного двухклассного училища. Весной 1874 г. двухклассное училище открывают и Зотовы, к тому же – «с ремесленными для мальчиков и рукодельными для девочек классами». Осенью Третьяковы уже ходатайствуют о льготах по воинской повинности для выпускников своего училища, а всего двумя месяцами позже с таким же прошением обращается Зотов⁸. Казармы для рабочих также становятся предметом конкурентной борьбы. Зотов открывает свои раньше, но Третьяковы возводят шестизэтажную громадину, где в коридорах у каждой комнаты устроены «харчевые шкафы», а в конце коридоров – комнаты для игр детей, родители которых ушли на работу⁹. Продолжалось это соревнование почти до самой революции.

Характеризуя благотворительность российских предпринимателей, христианское человеколюбие сливалось здесь с трезвым расчетом на снижение социальной напряженности, а стремление соответствовать передовым стандартам с конкурентной борьбой за наиболее квалифицированные и старательные рабочие руки. С точки зрения строго объективных критериев, такая деятельность была, безусловно, благотворительной: во-первых, как добровольная и факультативная, а во-вторых, потому, что, хотя наиболее дорогая часть подобных проектов – недвижимость – оставалась в собственности фабриканта, безвозмездная передача материальных ценностей в виде образовательных и бытовых услуг также имела место.

Главным источником, определившим размах этого удивительного движения, оставались внутренние побуждения российских жертвователей, постепенно приводившие их к осознанию личной ответственности перед обществом. Судьбы многих из них самым драматичным образом определялись осознанием этого, может быть, наиболее болезненного противоречия всей русской жизни – противоречия между личным богатством и общественным благом. Это был долгий, мучительно трудный путь к современному цивилизованному сознанию и высшим культурным достижениям от психологии крепостнического рабства и сословной ограниченности – путь, который прошли многие известные предприниматели. И тем, что особенно сильно содействовало этому пути, было широкое, свойственное России развитие меценатства и благотворительности в их среде.

¹ Бердова О. В. *Благоворительность и детское попечение в Костромской губернии в XIX – начале XX в.* // *Благоворительность в России.* – СПб: Лики России. 2003. С. 201.

² *Вестник благоворительности* // 1897. № 7. С. 72–73.

³ *Вестник благоворительности* // 1897. № 9. С. 67–69.

⁴ *Техническое образование* // 1893. № 8. С. 49.

⁵ РГИА. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 327. Л. 1.

⁶ Боханов А. Н. *Коллекционеры и меценаты в России.* М.: Наука, 1989. С. 73.

⁷ РГИА. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 205. Л. 4.

⁸ ГАКО. Ф. 444. Оп. 1. Д. 98. Лл. 2, 8–9.

⁹ ГАКО. Ф. 137. Д. 1613. Л. 12–15.

Явление российского предпринимательства – историографический аспект

История российского предпринимательства – тема весьма актуальная и вызывающая живой научный и общественный интерес. В условиях возрождения деятельности деловых людей очень важно овладеть накопленным опытом, определить природу и уроки деловой жизни прошлого, проанализировать преемственность былого в сегодняшней и завтрашней хозяйственной практике. Опыт первых предпринимателей может научить многому. «Чему могла бы научить нас сегодня на пороге XXI века, история предпринимательства? Главное – она убеждает в необходимости следовать путем экономического развития и использовать те средства, которые исторически доказали свою эффективность. Путь этот – рыночное хозяйство, средство – частная собственность, а движущая сила хозяйственного успеха – предпринимательство. Именно оно фокусировало в себе ум, талант, смекалку, энергию, деловую хватку и другие лучшие качества нашего народа, его традиции, ценности, веру в будущее Отечества».

Когда-то публицист А. Панарин заметил, что «сегодня тема “предпринимательство и народ” – главная тема российской истории: от того, как она будет раскрыта и решена, зависит все наше будущее»¹. Он оказался пророком. Сегодня на границе веков эта тема опять актуальна.

Анализируя характер великороссов, отмечая черты, которые могли бы способствовать развитию русского предпринимательства, русский историк академик В. Безобразов² выделяет особо: чувство меры, которое уравнивает все душевные порывы, соразмерность важности различных целей и силу наличных способов их достижения; практический расчет – умение сосредоточиться на ближайших и важнейших целях; самообладание среди разнородных и противоположных потребностей жизни и стремления к их удовлетворению; трезвость характера, не позволяющая увлекаться никакими чувствами; сила воли, непрерывно поддерживающая бодрость духа, не позволяющая предаваться излишнему самообольщению, но и излишнему унынию³.

Предприимчивого торговца В. Даль определяет как «склонного, способного к предприятиям, крупным оборотам, смелого, решительного, отважного на дела этого рода»⁴.

Русские предприниматели пытались определить для себя природу русского предпринимателя. К примеру, Владимир Рябушинский в работе

«Судьбы русского хозяина» пишет, что «всех людей, по тому, как они относятся к собственности, можно разделить на пять групп: 4 активных и 1 пассивную. «Первая группа – хозяева в душе, работающие, бережливые, деловитые. Они – организаторы труда, созидатели ценностей, накопители мировых богатств. Вторая группа – святые, бескорыстные, неприхотливые, невзыскательные. Для них житейские блага не имеют никакого значения. Третья группа – завистники, люди озлобленные и бесплодные, тип, дальнейшего пояснения не требующий. Четвертая группа бесхозяйственные люди, безалаберные, лишённые делового чутья и понимания, бездарные, расточительные, бестолковые, ленивые. Сюда же нужно отнести фантазеров, далеких от жизни теоретиков и наивных мечтателей. Назовем эту группу условно – неудачниками... Пятая группа – это пассивное большинство, не имеющее определенных мнений, ни определенных убеждений, совершенно неустойчивое в своих настроениях. Эта бесформенная масса способна примкнуть к любой из вышеупомянутых активных групп – сегодня к одной, завтра к другой»⁵.

Исследования по вопросам принципов, истоков и истории русского предпринимательства конца XIX – начала XX вв. определялась очень часто политическим моментом. Например, достаточно частым был вывод о том, что предпринимательство как определяющее явление стало возможным только после великих реформ Александра II. «...Влияние реформы могло обнаружиться лишь по прошествии многих лет и притом зависело вполне от дальнейших мер, законодательных и административных, которые правительству предстояло еще принять в развитии и дополнении Положения 19-го февраля. Именно этот переход от рабства к свободе и стал той основой, на которой выросло предпринимательство»⁶.

В 1901 г. вышла в свет книга немецкого политэконома Г. Шульце-Гевернице (с предисловием П. Б. Струве) – «Очерки общественного хозяйства экономической политики России». Автор ее имел возможность посетить Россию в 1892–1893 гг. Струве в своем предисловии отмечал, что в России система крупнокапиталистического производства была создана в невиданно сжатые сроки – несколько десятков лет вместо столетий, и он решающую роль в этом стремительном процессе отводил не государственным чиновникам, а «предпринимателям, которые, по его мнению, проявили большую энергию, целеустремленность, способствовали развитию образования, культуры и искусства»⁷.

Исследуя явление предпринимательства, нельзя не упомянуть работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. В их исследованиях немало утверждений о рынке и конкуренции как о традициях человеческого общества. «Свобода торговли, свобода обмена была сотни лет для миллионов

людей величайшим заветом экономической мудрости, была самой прочной привычкой сотен и сотен миллионов людей»⁸. Полны уважения к первым предпринимателям индустриальной эпохи слова Ф. Энгельса о том, что они «были всем чем угодно, но только не людьми буржуазно-ограниченными»⁹.

Замечательные русские мыслители А. Чайнов, Н. Кондратьев, А. Богданов, Н. Бердяев, П. Сорокин, И. Ильин также рассуждали о сущности предпринимательства. Вклад их в исследование этой темы велик и еще в должной мере не оценен. Можно лишь сформулировать базовые необходимые и возможные (вторичные) свойства предпринимательства, о которых они упоминают.

Предпринимательство как экономическое явление возникает при наличии двух взаимосвязанных обстоятельств: организационно-хозяйственное новаторство и экономическая свобода. Иные характеристики являются либо производными, либо необязательными.

Замечательный русский философ Сергей Николаевич Булгаков в работе «Основные черты современного хозяйственного строя. Краткий очерк политической экономии», изданной в 1906 году, также пишет о свободе предпринимательства – «ибо только свободный, и, в частности свободный от принудительной власти природы человек, может осуществить свое историческое призвание».

Рассуждает он и о том, противоречит или нет заповедям Христа «предусмотрительный расчет»? И считает, что нет – не противоречит. «Неужели возделывать землю в расчете на будущий урожай, значит, нарушать заповедь: не заботьтесь о завтрашнем дне? Или даже расчетливо вести свое собственное промышленное предприятие, с которым связаны интересы стольких людей, так или иначе, от него зависящих? Вообще, в Евангелии запрещается, по нашему пониманию, не хозяйственный расчет, без которого вообще невозможна и сама хозяйственная деятельность, но хозяйственное ослепление, та жадность и жестокость, благодаря которой замирает в человеке духовная его жизнь»¹⁰.

К сожалению, направление в экономической науке, которое мы называем христианской экономией, не получило в России дальнейшего распространения. Хотя вплоть до 20-х годов продолжали издаваться, а главным образом переиздаваться, экономические работы С. Н. Булгакова (в 1917 году вышла его «История экономической мысли».)

О нравственной стороне предпринимательства писал И. Ильин. «Количественное поравнение имущества бесцельно и вредно: естественное неравенство человеческих сил, способностей и желаний все равно опять

приведет к имущественному неравенству. Имущественное неравенство преодолевается не переделом богатств, а освобождением души от зависти; естественным братским доброжелательством; искусством довольствоваться тем, что есть, помышлением не о тех, кто “богаче меня”, а о тех, “кто беднее меня”, уверенностью, что богатство не определяет человеческого достоинства; и творческим трудолюбием»¹¹.

Качества, приписываемые предпринимателям и предпринимательству различны. Так или иначе, предпринимательство относится, очевидно, к классу новаторской экономической деятельности, а предприниматель – личность, главным свойством которой является «стремлением к преобразующей деятельности». Л. Н. Гумилев называет такой тип личностей «пассионариями»¹².

В литературе 1880–1890-х годов отмечается, что, в сущности, все основные значения понятия «предпринимательство» укладываются в диапазоне от «праздного класса» (Т. Веблен), до «основного феномена экономического развития» (И. Шумпетер) и «главной движущей силы экономического развития».

Особенно бурно эти вопросы стали обсуждаться в середине XX века, когда уже существовали новые определения предпринимательства, данные учеными И. Шумпетером и Ф. Фон Хайеком. Характерно, что оба они пришлось «не ко двору» и долгое время они лично и их идеи (Шумпетер умер в 1950) пребывали в состоянии затмения. В 1970-е годы начинается процесс ренессанса их идей. Ф. Фон Хайеку была присуждена Нобелевская премия в 1974 году. (Шумпетер И. Теория экономического развития. М., 1982; Schumpeter J. Capitalism, socialism and Democracy. N. Y., 1950; Hayek F. A. Constitution of liberty. Chicago, 1961; Rules and Orders. L., 1973)¹³.

Воззрения И. Шумпетера можно суммировать следующим образом:

– функция предпринимательства состоит, главным образом в реформировании производства путем использования изобретений или, если брать шире, разнообразных возможностей для выпуска новых или старых (но новым способом) товаров, открытие новых источников сырья, рынков сбыта, реорганизации производства и т. д.;

– предпринимательство – это универсальная общеэкономическая функция любой общественной формации;

– особое значение для предпринимательства имеет состояние хозяйственно-политической среды. Эта среда, по мнению ученого, определяла не только способы использования «новых комбинаций», но и мотивы предпринимательской деятельности.

Взгляды Фон Хайека на предпринимательство во многом перекликались с взглядами И. Шумпетера. Но все-таки отличаются большей цельностью и последовательностью.

Для этого исследователя главным условием срабатывания феномена предпринимательства должна быть свобода человека, исключаяющая его подчинение другим людям. Свобода эта должна сочетаться с законами гражданского общества. Личная независимость позволяет человеку наиболее продуктивно распорядиться своим экономическим потенциалом.

Основополагающую роль в теории этого ученого играет концепция неярного знания.

Проявителем и координатором всей совокупности условий и проявлений предпринимательства является рынок. Ведь предприниматель стремится достичь наиболее эффективного симбиоза своих уникальных знаний с рыночной ситуацией.

Таким образом, вырисовывается формула: возможности – знания – рынок – конкуренция. Суть предпринимательства в таком случае – поиск и исследование новых экономических возможностей.

Чье поведение отличается поисковым стилем, есть потенциальный предприниматель.

Это закреплено и семантически – по В. Далю, «быть предпринимателем значит затевать, решаться исполнять новое дело». Современная историческая наука проявляет огромный интерес к изучению российского предпринимательства. Огромное количество исследований научного и научно-популярного характера появляется в самом конце 1980-х и 1990-х годах¹⁴.

Из всего комплекса работ рубежа веков правомерно выделить коллективный труд «История предпринимательства в России»¹⁵. Это исследование является историческим, обобщающим, в котором скрупулезному анализу подвергался целый ряд наиболее важных проблем, связанных с истоками становления, этапами и направлениями развития предпринимательской деятельности в России.

¹ *История предпринимательства российского. От купца до банкира. М., 1997. С. 10.*

² *Безобразов Владимир Павлович (1828–1889) – экономист, публицист, педагог, общественный деятель сенатор, академик Петербургской Академии наук и почетный член Международного статистического института. Из дворян. Служил в Министерстве финансов, в Министерстве государственных имуществ, был членом комиссии по устройству земских банков. Преподавал политическую экономию и финансовое право в Александровском лицее. Написал и опубликовал ряд трудов и большое количество статей по истории денежного обращения, организации поземельного кредита, по истории предпринимательства и др.*

³ См.: Безобразов В. П. *Народное хозяйство России*. СПб., 1882. Т. 1. С. 78-79.

⁴ Даль В. *Толковый словарь живого великорусского языка*. М., 1980. Т. 3. С. 388.

⁵ *Былое*. 1996. № 9–10. С. 3.

⁶ Милютин Д. А. *Воспоминания*. М., 1999. С. 445.

⁷ Шульце-Гевениц Г. *Очерки общественного хозяйства и экономико-политической России*. М., 1901. С. 3.

⁸ В. И. Ленин. *От первого субботника к Всероссийскому субботнику* // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 108.

⁹ Маркс К. *Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 346.

¹⁰ *Былое*. 1996. № 8. С. 3.

¹¹ *Былое*. 1997. № 3–4. С. 7.

¹² См.: Гумилев Л. Н. *Этногенез и биосфера Земли*. Л., 1990. С. 263–287.

¹³ См.: Семенов Ю. И. *Философия истории*. М., 1999. С. 132, 281.

¹⁴ Боханов А. Н. *Крупная буржуазия в России (конец XIX – 1914)* М., 1989; *Он же. Коллекционеры и меценаты в России*. М., 1989. *Очерки истории и теории предпринимательской деятельности*. А. Ю. Саламатин, А. Н. Андреев. Пенза, 1992; Калинин В. Д. *Из истории предпринимательства в России: династии Прохоровых и Рябушинских*. Р. Петров. М., 1993; *Русские миллиончики. Семейные хроники*. А. Кузьмичев. М., 1993; *Отечественное предпринимательство*. А. Д. Кузьмичев, И. Н. Шапкин М., 1995; *Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв.* М., 1996 *Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века*. М., 1997; *Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. Очерки*. М., 1997; *Экономическая история. Предпринимательство и предприниматели*. М., 1999 и мн. др.

¹⁵ *История предпринимательства в России от средневековья до середины XIX века*. Кн. 1. М., 1999; *История предпринимательства в России. Вторая половина XIX – начало XX вв.* Кн. 2. М., 2000.

Благотворительность и меценатство как явления русской истории

У предпринимательства, благотворительности и меценатства на Руси давнее и прекрасное прошлое. Это великое историческое прошлое России позволяет увидеть истоки неистребимости в наших соотечественниках и предприимчивости, и милосердия. Вопрос об отношении к немощным и неимущим, к бедной и потерявшей поддержку государства культуре сегодня очень актуален. В России были исторические времена, когда частная инициатива поддержки социальной сферы и культуры были обычным явлением.

Сегодня все мы обращаемся к прошлому, оглядываемся назад с тревогой, интересом и удивлением, заглядывая в свое прошлое, ищем в его нравственном опыте ответы на сегодняшние вопросы. «Отречемся от старого мира...» Отреклись... И во многом потеряли себя, лучшие российские традиции, лучшие качества русского народа. Но сильны истоки, и велики вера и надежда на восстановление духовности, нравственности и милосердия. Все острее ощущаем мы потребность в деловой и духовной преемственности.

Благотворительность – помощь нуждающимся со стороны общественных организаций, государственных учреждений, церкви и частных лиц. Вызывалась различными мотивами: состраданием, сознанием гражданской солидарности между членами общества, нравственными воззрениями, патриотизмом, желанием получить признательность со стороны правительства, которое поощряло благотворительность¹.

Меценатство – благотворительная помощь состоятельных людей деятелям культуры, науки, просвещения, финансовая поддержка соответствующих учреждений².

По поводу милосердия, благотворительности в первую очередь писали деятели Русской Православной церкви, так как милосердие как образ жизни, благотворительность как естественная потребность души – постоянные ее спутники на протяжении 1000 лет существования. «Любовь покрывает все, – отмечал в своих «Кратких наставлениях и изречениях» преподобный Амвросий, знаменитый оптинский старец. – И добро ближним должно делать не только движимым долгом, но и – по влечению сердца»³. Включение слова «меценат» в обиход в России и возраст этого понятия

не адекватен фактической богатой истории отечественного меценатства. Так, в толковом словаре В. Даля слово «меценат» еще отсутствует. Нет этого понятия и в речи В. О. Ключевского «Добрые люди древней Руси». Выдающийся историк использует слово «благотворительность»⁴.

Древнейшей формой благотворительности была милостыня и призрение нищих. При заведении церковного содержания имелись постоянные патриаршие, соборные, монастырские, церковные нищие, которых считали хорошими богомольцами. В X–XII веках нищелюбию учили киевские князья Владимир I и Владимир II Мономах, в XVI веке – хорошее отношение к нищим пропагандировал автор «Домостроя». До конца XIX века в домах состоятельных помещиков и купцов сохранялась традиция содержать многочисленных приживалок и бедных родственников. Были распространены пожертвования монастырям и от монастырей.

Как система благотворительность начала складываться в рамках государственной деятельности в Стоглаве 1551 года. В этом документе высказана идея необходимости трудоустройства работоспособных нищих, создания богаделен «для прокаженных и пристарившихся». В «Соборном Уложении» 1649 года появляется идея сбора средств для выкупа пленных. В течение XVIII–XIX веков был принят ряд указов, передававших вопросы общественного призрения в компетенцию правительственных и общественных учреждений.

В 1797 году императрица Мария Федоровна возглавила воспитательные дома, коммерческие училища в Москве. При ее участии в 1811 году возникает особый повивальный институт «для неимущих жен». Это и был воспитательный дом, которые не только заботится (призывает) подкидышей, но в котором как в московском, так и в петербургском отделениях устраивается ряд классов, школ для образования воспитанников. В 1813 году Мария Федоровна строит богадельню для питомцев воспитательного дома. Ее именем названо Ведомство учреждений императрицы Марии. Это происходит уже после ее смерти. Высочайшим указом от 25 октября 1828 года всем заведениям ее ведомства присваивается общее наименование «Учреждения Императрицы Марии». Управляющим воспитательными домами с 1763 по 1796 годы был Иван Иванович Бецкий – действительный тайный советник, по плану которого был разработан устав воспитательных учреждений для сирот⁵.

Представители императорской фамилии, формируя моду и традиции, привлекая общественное внимание к благотворительности покровительствовали благотворительным обществам и фондам: Филантропическому обществу (основано в 1802 году), Императорскому женскому Патриотическому обществу 1812 года, Российскому обществу Красного Креста

1867 года, Попечительству императрицы Марии Александровны о слепых (1881 год), Попечительству о домах трудолюбия и работных домах Марфо-Марьянской обители Великой княгини Елизаветы Федоровны (1895 год). О Елизавете Федоровне необходимо сказать отдельно. «Редкая красота, замечательный ум, тонкий юмор, ангельское терпение, благородное сердце», – писали о ней современники. Она вышла замуж за великого князя Сергея Александровича, который погиб от руки Каляева. Кроме вышеназванного Попечительства она, несмотря на свое высокое положение, посещала больницы для бедняков, дома для престарелых, приюты для сирот, знаменитые ночлежки Хитровки, старалась помочь продуктами, одеждой. «Отказавшись от всякой роскоши, великая княгиня в простых грубых ботинках ходила по нищим кварталам, собирая сирот для устройства их в приюты»⁶. Она очень много сделала для помощи солдатам, участвовавшим в Русско-японской войне. Организовывала помощь фронту, заняла под мастерские все залы Кремлевского дворца. На фронт отправлялись одежда, продукты, медикаменты, подарки для солдат, иконки, Евангелия. Похоронив мужа, она целиком отдалась благотворительной деятельности, не оставив лично себе никаких средств, даже обручального кольца, а на все оставшиеся деньги после раздела наследства создала в Москве Общину деятельного милосердия.

В ночь на 18 июня 1918 года настоятельницу московской обители милосердия постигла трагическая кончина. Ее и членов императорской семьи живыми сбросили в шахту, расположенную на окраине города Алапаевска.

С развитием частной торговли и промышленности благотворительностью стали заниматься и предприниматели (купцы и фабриканты). Благотворительного рода заведения стали носить и носят имена своих создателей: Бахрушинская, Алексеевская глазная и психиатрическая, Морозовская детская больницы, Руковишниковский, Мазуринский приюты и др.

Владельцы больших предприятий уже включали средства на родильные дома ясли, сады, школы, библиотеки, бани, больницы, приюты в запланированные расходы. Постоянной статьей расходов на эти цели озадачивались владельцы Прохоровской трехгорной мануфактуры, товарищества Альберта Гюбнера.

Меценатство как сформировавшееся явление появляется в России со второй половины XIX века, главным образом в Москве, Петербурге и других крупных городах. Хотя отдельные примеры можно приводить с конца XVIII – начала XIX века. В провинции чаще использовались слова «попечительство», «покровительство», «благотворительность». Меценатами руководила приверженность делу просвещения и культур-

ного созидания. Для людей, не обладавших какими-либо особыми талантами и дарованиями, но очень любящих все прекрасное, меценатство стало средством удовлетворения их творческих устремлений.

В 1772 году на средства П. А. Демидова было открыто Демидовское коммерческое училище. В 1803 году П. Г. Демидов подарил Московскому университету свое естественнонаучное собрание, тогда же пожертвовал средства на учреждение Демидовского училища высших наук в Ярославле (с 1883 года – Демидовский лицей). В 1810 году С. М. Голицын открыл первую в Москве общедоступную галерею западноевропейского искусства при Голицынской больнице. В 1825 году С. Г. Строганов основал бесплатную школу подготовки художников декоративно-прикладного искусства в Москве (позже – Строгановское училище).

Значительного развития меценатство достигло во второй половине XIX – начале XX веков, что было связано с бурным развитием предпринимательства, накоплением крупных капиталов представителями буржуазии и их стремлением заявить о себе на общественном поприще.

Выбор меценатами сфер науки и искусства, каких-либо учреждений, куда они вкладывали деньги, собирались поддерживать, определялся вкусами и интересами, личными связями, религиозной принадлежностью самих состоятельных людей.

Например, Ф. И. Шаляпин обратил внимание на факт единства социального происхождения знаменитых русских актеров – большинство из них были представителями купечества или из крепостных крестьян. Как следствие этого – возрастание интереса меценатов-купцов именно к театру, поддержка актеров, актерских школ, содержание театров.

Из-за огромной любви к театру и понимания высокого уровня и высокой художественности именно русского театра С. Т. Морозов стал меценатом знаменитого Московского художественного театра, который был открыт в 1898 году. Меценаты оказывали поддержку деятелям русской культуры, которые зачастую не могли содержаться за счет своего ремесла. Люди, любящие искусство, понимали, что им надо создавать условия, в которых бы он не думали о «хлебе насущном», а создавали бы свои шедевры. Так, Н. Ф. фон Мекк (из рода Мекков) в 1876–1890 годах ежегодно выплачивал значительную сумму денег П. И. Чайковскому. М. П. Беляев учредил «Глинкинские премии», финансировал концерты, в которых исполнялась музыка Н. А. Римского-Корсакова, А. К. Глазунова, А. К. Лядова и других композиторов, подарил Московской консерватории орган.

Зачастую к меценатской деятельности побуждало коллекционирование. Многие собиратели произведений искусства создавали условия для творчества художников и скульпторов. Например, в имении Мамонтова

Абрамцево художники жили, творили, встречали гостей, с которыми могли обсудить проблемы творчества. В. А. Кокарев на построенной им близ Вышнего Волочка «Академической даче» создал специальные условия для жизни в ней творческих людей. Многие меценаты финансировали зарубежную практику русских художников или покупали картины совсем неизвестных пока художников, чтобы обеспечить их существование. Например, меценат С. И. Щукин оказывал всяческую поддержку П. Пикассо.

Своеобразной формой меценатства являлось создание общедоступных музеев, картинных галерей, бесплатных библиотек. Следуя завещанию своего отца А. Д. Черткова, его сын, Г. А. Чертков, в 1863 году открыл в Москве одну из первых в России бесплатных частных библиотек. В 1877 году А. П. Боголюбов передал свое художественное собрание в дар городу Саратову и только поэтому в 1885 году на его основе возник общедоступный провинциальный художественный музей.

По инициативе В. А. Морозовой в 1885 году в Москве создана бесплатная Тургеневская читальня. В 1892 году П. М. Третьяков передал в дар Москве коллекцию, составившую основу знаменитой Третьяковской галереи. Он же способствовал появлению в Москве богадельни на Серпуховской улице, которую он содержал за свой счет. Он построил и финансировал приют для вдов и сирот бедных художников. На деньги, завещанные П. М. Третьяковым, построен крупнейший в России центр детской психиатрии. В письме своей дочери он писал: «Я с ранних лет стремился нажить деньги, чтобыжитое от общества вернулось к тому же обществу в виде разных полезных учреждений»⁷.

В 1895 году П. И. Щукин открыл для посетителей свой музей русских, восточных и западноевропейских древностей, который в 1905 году передал Историческому музею. Есть огромное количество других примеров.

Особым видом меценатской деятельности была поддержка народных художественных промыслов. В вышеупомянутом Абрамцево Е. Г. Мамонтовой были открыты мастерские резьбы по дереву.

Такие же мастерские были открыты М. К. Тенишевой в знаменитом их имении Талашкино близ Смоленска. Имение это стало и было почти четверть века (1893–1914) крупным художественным центром России, сыграло значительную роль в возрождении и развитии основных направлений русского прикладного искусства. Там работали художественные мастерские – вышивальная, резная, гончарная, эмальерная. В купленном в 1894 году в хуторе Фленово М. К. Тенишева создает сельскохозяйственную школу, преобразовав ее постепенно в школьный городок. Трудно перечислить все аспекты меценатской деятельности этой женщины.

«Трудно переоценить значение талашкинского центра для творческой судьбы многих художников, искусствоведов и музыкантов»⁸. Ведь при Тенишевой в этом имении была замечательная творческая обстановка, о которой писали сами художники⁹. В этой обстановке работали М. Врубель, Н. Рерих, М. Нестеров и В. Серов. Здесь же начал работу над балетом «Весна священная» И. Ф. Стравинский. Талашкино – уникальный центр русского меценатства и благотворительности, сочетающий в себе заботу о физическом и духовном здоровье людей – больница, школа, центр эстетического воспитания, разнообразные мастерские.

Существенную поддержку меценаты оказывали сфере науки и просвещения. К. Т. Солдатенков издавал неприбыльные с точки зрения коммерции книги историков И. Е. Забелина, Т. Н. Грановского и других.

Золотопромышленник А. М. Сибиряков вкладывал огромные средства в исследование Сибири, освоение Северного морского пути. Его брат И. М. Сибиряков финансировал подготовку и издание книги В. И. Семейского «Рабочие на Сибирских золотых промыслах» в 1898 году.

Сахарозаводчик Б. И. Ханенко обеспечивал строительство Киевского политехнического института с 1898 по 1901 годы.

Параходовладелец Н. В. Мешков финансировал в 1908 году издание журнала «Минувшие годы» и содействовал учреждению Пермского университета в 1915 году.

Меценаты сыграли большую роль в создании отечественного культурного фонда, сохранении памятников материальной и духовной культуры, развитии нравственно-эстетических традиций России.

Направления этой деятельности были самые различные – от поддержки неимущих и неизвестных еще художников, до создания специализированных коллекций и музеев, поддержки традиций народного творчества и народного образования – школ, училищ, отделений и классов.

¹ *Отечественная история. Энциклопедия. М., 1992. Т. 1. С. 241.*

² *Там же. Т. 2. С. 567.*

³ *См. «Житие и наставления преподобного Амвросия, старца оптинского». М., 1990. С. 36.*

⁴ *Губернский Дом. 1996. №5.*

⁵ *Благотворительные учреждения России. СПб., 1912.*

⁶ *Московский церковный вестник. 1990. № 25.*

⁷ *Боткина А. П. П. М. Третьяков. М., 1986. С. 12.*

⁸ *Журавлева Л. С. Талашкино. М., 1989. С. 101.*

⁹ *Рерих Н. К. Из литературного наследия. М., 1974; Он же. Жизнь и творчество. М., 1978.*

*Г. Ф. Хасанова,
И. В. Клементьев*

Портрет российского предпринимателя

Два обстоятельства являются характерными для старых русских купеческих фамилий. Во-первых, их крестьянское происхождение, во-вторых, глубокая религиозность их основателей. Почти все без исключения видные московские фамилии – крестьянского происхождения. Основатели – дети владимирских, ярославских, калужских, костромских мужиков. Складывалось так, что для продвижения и основательного становления дела нужна была наличность двух последовательных талантливых поколений (отца и сыновей) и, конечно, Божие благословение, теперь сказали бы удача, выгодная конъюнктура... отцы же наши говорили: «Аще не господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущий»¹.

Предпринимательский слой был многолик и неоднороден. Наряду с династиями, насчитывавшими от четырех до семи поколений, в купеческую среду стремительно врываются удачливые новички – вчерашние крестьяне. Начиная с конца XIX века, этот процесс стал интенсивней за счет того, что торгово-промышленное дело перестало быть уделом купечества, им стали заниматься представители высоких слоев общества, прежде чего дворянства и чиновничества, а также представители профессиональной интеллигенции, например, инженеры.

М. Приселков в эссе «Купеческий бытовой портрет XVIII–XX вв.» заметил, что «стирая следы и память прошлого», свое низкое происхождение купечество стремилось одворяниться². Особенно это было характерно для пореформенного времени. Уточняя и развивая формулировку Приселкова, можно сказать, что в пореформенное время купечество стремилось уже к образованности, видело приметы благородства в интеллигентном стиле жизни. Именно такая схема определяла культурную эволюцию купечества, его ценностные ориентации.

По отношению к образованию все купеческие семьи можно разделить на два типа. В одних семьях детей воспитывали по старинке – мальчикам давали коммерческое образование (коммерческое училище), чтобы они могли вести дела фирмы, а девочек готовили к замужеству, выбирая женихов из «своего» сословия (в основном через свах). В семьях, принадлежавших к элитному слою, уже осознавалась ценность образования как такового. Пройдя домашнее начальное обучение, и мальчики и девочки выдерживали экзамен в престижные городские школы, где продолжалось их образование.

Конечно, в среде купечества наблюдались и совершенно исключительные случаи, когда образование накладывалось на природную одаренность и порождало в одной семье целую когорту выдающихся личностей. Хрестоматийным примером в этом смысле является семейство частных торговцев Боткиных, второе поколение которых дало русской культуре публициста Василия Боткина и историка искусства и мецената М. П. Боткина.

Купеческая среда порождала сильные, волевые характеры, а деньги позволяли реализовать судьбу, не подчиняясь общепринятым нормам. Здесь любопытны некоторые женские жизнеописания, к примеру Анны Ивановны Волковой – жены банкира, которая стала видной писательницей – публицистом и издателем одного из первых российских женских журналов, а также судьба известной в Европе русской женщины – врача А. А. Абрикосовой.

Показательно, что крайним выражением стремления лиц купеческой среды к образованию становился фактически разрыв с образом жизни и занятиями своей «материнской» социальной группы. В целом ряде источников сохранились свидетельства о том, что молодежь в ряде купеческих семейств отличало неприятие купечества как слоя, к которому они принадлежали. Купеческие потомки уходили в науку, искусство, дипломатию и другие сферы деятельности. Историки приходят к выводу, что если в 1860–1880-е годы большинство предпринимателей считало достаточным получение детьми прикладного образования – в коммерческих школах и реальных училищах, то с 1890-х годов наблюдалось все большее стремление к тому, чтобы купеческие дети получали классическое образование, а после окончания гимназии получали престижный университетский диплом или диплом высшего технического вуза.

Генеалогическая устойчивость купеческих династий была залогом благополучия торгового или промышленного дела, начатого представителями старшего поколения. Роль семейных традиций в жизненном укладе предпринимателей была очень велика. Во многом это было связано с проблемой преемственности, причем преемственностью капиталов, безусловно, сопровождалась преемственностью отношения к своему торгово-промышленному делу. Интересен факт, отмечаемый историками, что фактически до начала 1880-х годов приобщение к торгово-промышленной деятельности происходило очень рано. Например, Сергей Владимирович Алексеев (отец реформатора русского театра Станиславского) начал работать в конторе отца с 14 лет, впоследствии став председателем правления Товарищества «Владимир Алексеев»³.

В купеческой среде распорядок жизни семьи долго удерживал патриархальные черты. По выражению одного из мемуаристов: «...семейный

быт был построен на самодержавном начале». Всей властью обладал старший мужчина в семье: отец или старший брат, изредка вдова купца (формально, а иногда и фактически возглавлявшая дело после смерти мужа). Чтобы избежать семейной потери нажитого имущества, завещатели – купцы – составляли подробнейшие тексты завещаний, оговаривая все суммы и условия их перехода к наследникам. В пореформенный период в ряде старых купеческих династий начинает проявляться некая кастовость своего круга, происходит кристаллизация своей социальной идентичности. Это выразилось в известной щепетильности «купеческой аристократии». Ю. А. Бахрушин отмечал: «Так считалось недопустимым принимать на званых вечерах выскочек, т. е. быстро разбогатевших на удачных спекуляциях купцов без купеческих родословных или купцов, получивших дворянство»⁴.

Известно, что представители русского купечества отличались большой религиозностью, которая стала неотъемлемой чертой жизни и семьи их потомков. Ярким примером в этом смысле может служить семья Прохоровых, один из представителей которой, Тимофей Васильевич, являлся автором двух написанных в духе евангельских истин трактатов – «О богатении» и «О бедности». Следуя словам отца, произнесенным им на смертном одре: «Живите не для богатства, а для Бога, не в пышности, а в смирении»⁵, – братья Прохоровы и их потомки делали для рабочих своих предприятий много больше того, что предписывалось законодательством (при Трехгорной мануфактуре был госпиталь на 75 кроватей, родильный дом, школа, ремесленное училище, детский сад и другие бесплатные заведения).

Благочестие как семейная традиция поддерживалась благодаря религиозному настрою женщин в купеческих семьях. Портрет такой хранительницы религиозного начала дан биографом семьи миллионера-золото-промышленника В. Н. Рукавишника: «Женщина глубоко религиозная, она поддерживала свято сохранившиеся в семье... патриархальные предания, большею частью утраченные между нами. В великолепном доме Василия Никитича стоят образницы с богатыми иконами, пред которыми теплятся неугасимые лампы, стоят аналои, на которых лежат Евангелия или святцы. Никто не принимается за утренний чай, не вкусив предварительно просфоры; от соблюдения строгого поста избавляет лишь болезнь... прогул обедни в праздники немислим...»⁶

Особенно истовое отношение к религии отличало старообрядческую среду. Известный московский богач Козьма Терентьевич Солдатенков, имевший роскошную усадьбу на Мясницкой, где, по свидетельству П. И. Щукина, имелась диванная в арабском стиле и большая библио-

тека, оборудовал молельню, где служил сам Солдатенков со своим родственником, торговцем старопечатными книгами С. Т. Большаковым, «для чего оба надевали кафтаны особого покроя»⁷. Таким образом, религиозность воспринималась в предпринимательской среде как безусловная добродетель.

В купеческих семьях много читали. Сначала и очень длительное время это была религиозная литература и книги религиозного назидательного характера. Однако постепенно происходил выход за круг такого типа чтения. К 1880-м годам образ жизни культурного «элитного» купечества по стилю и характеру времяпровождения мало отличался от дворянского. Именно в эти годы летом на дачи в Кунцево съезжалась вся купеческая московская знать – Солдатенковы, Третьяковы, Боткины, Солодовниковы, Коншины, Щукины, Крестовниковы и другие с многочисленными домочадцами. Дни и вечера проходили в прогулках, разговорах, музицировании. Интересен факт, что семейное чтение ориентировалось на серьезную литературу: «Встречались и беседовали о политике, злобах дня и более всего о новых книгах. Одно за другим выходили сочинения Печерского “В лесах” и “На горах”, “Анна Каренина” Толстого; сочинения Достоевского и Тургенева; читались всеми “Вестник Европы”, “Русский вестник” и “Отечественные записки”. Выросшая молодежь обсуждала все эти книги; перечитывала “Войну и мир”»⁸.

Интересные штрихи к характеристике купечества добавляют бытовые детали и манера одеваться. Почти до конца XIX века употреблялись в купеческой среде выражения «ходить, одеваться по-русски, по-немецки». Фактически, они служили для определения общественных групп внутри предпринимательского слоя. «Ходившими “по-русски” были те, которые имели волосы на голове, обстриженные в кружок (называлось – “в скобку”), с пробором в середине, употребляли длинные сюртуки. Ходившими “по-немецки” считались брившие усы и бороды (допускались при этом лишь бакенбарды), имевшие остриженные на голове волосы (если и существовал пробор, то он был на боку) и носившие короткие сюртуки»⁹. Таким образом, со времен Великих Реформ началось быстрое передвижение основных устоев русской жизни, в котором купечество как сословие занимает первенствующее место и, несмотря на старинные крепостные формы внешних отношений, властно диктует свою молчаливую волю.

Пониженное положение купца, столь типичное для первой половины XIX века в пореформенный период сменилось серьезным «положением в движении общего культурного наследия страны», и уже современниками отмечалось, что «музыка, живопись, театр, просвещение, изобретения и техника – все теперь движется купеческим почином.

Это положение сказывается на весьма высоком поднятии общего среднего уровня купеческого “дома”, на уравнивании запросов, вкусов, моды с высшим кругом дворянства и интеллигенции»¹⁰.

¹ Рябушинский В. Старообрядчество и русское религиозное чувство. Русский хозяин. Статьи об иконе. М., 1994. С. 142.

² Приселков М. Купеческий бытовой портрет XVIII–XX вв. Л., 1925. С. 22.

³ Жизнь Сергея Владимировича Алексеева в его добрых делах. М., 1893. С. 1.

⁴ Бахрушин Ю. А. Воспоминания. М., 1992. С. 55.

⁵ Материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых. Годы 1799–1915. М., 1915. С. 108–109.

⁶ Толычева Т. Николай Васильевич Рукавишников (биографический очерк). М., 1965. С. 6.

⁷ Воспоминания П. И. Щукина // Щукинский сборник. Вып. 10. М., 1912. С. 389.

⁸ Злоты В. П. В доме Третьякова. С. 110–111.

⁹ Найденов Н. А. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. Ч. 2. М., 1905. С. 11–12.

¹⁰ Приселков М. Купеческий бытовой портрет XVIII–XX вв. Л., 1925. С. 42–43.

Приложение

О. В. Горохова

Библиофилы Шевалдышевы. Их книги в КОУНБ¹ и ГАКО²

Андерсен, Ганс Христиан.

Сказки / пер. А. и П. Ганзен; ил. Г. Тегнер. – СПб.: Изд. А. Ф. Девриена, 1899. – II, 421 с.: ил.

КОУНБ № Ц15303. 4

Надпись: «Дорогому моему внуку Коте Шевалдышеву на память о нашей любви и дружбе. А. Третьякова. 28 марта 1911 г.».

Дорогому моему внуку Коте Шевалдышеву
на память о нашей любви и дружбе
А. Третьякова
28 марта
1911 г.

Третьякова Александра Густавовна (ур. Дункер) (?-?) – жена Николая Сергеевича Третьякова (06.12.1857–25.02.1896).

Котя (Константин) (23.04.1902–?) – сын Владимира Алексеевича и Александры Николаевны Шевалдышевых, внук А. Г. и Н. С. Третьяковых.

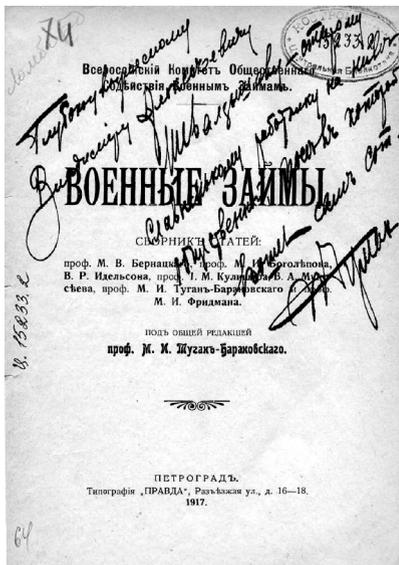
Лит.: Карпова Т. М. Градоначальники Костромы. 1785–2003: От городской головы до главы самоуправления. Т. М. Карпова, П. П. Резепин. Кострома, 2003. С. 94.

Арх.: ГАКО. Ф. 436. Оп. 1. Д. 834. Л. 2.

Военные займы: сб. статей проф. М. В. Бернацкого, проф. М. И. Боголепова, В. Р. Идельсона, проф. И. М. Кулишера, В. А. Мукосеева, проф. М. И. Туган-Барановского и проф. М. И. Фридмана / под общ. ред. проф. М. И. Туган-Барановского; Всероссийский ком-т Обществ. содействия военным займам. – Пг.: Тип. «Правда», 1917. – 196 с.

КОУНБ № Ц15233. 2

Надпись на тит. л.: «Глубокоуважаемому Владимиру Алексеевичу Шевалдышеву – старому славенькому работнику на ниве общественной, посев которой вошел сам сот. Туган».

Туган-Барановский Михаил Иванович (08.01.1865–21.01.1919) – экономист. Выпускник Императорского Харьковского университета (1888). Магистр политической экономии (1894). Приват-доцент кафедры политической экономии Императорского Санкт-Петербургского университета (1895). Профессор кафедры политической экономии Санкт-Петербургского политехнического института (1913). Министр финансов украинской Центральной Рады (1917–1918).

Лит.: Большая советская энциклопедия. М., 1977. Т. 26. С. 287–288.

Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1902. Т. 34. С. 30–31.

Шевалдышев Владимир Алексеевич (1874 – не ранее 1917) – сын потомственного почетного гражданина. Личный дворянин. Выпускник Императорского Николаевского лицея и юридического факультета Императорского Московского университета. Кандидат в члены (1905), член (1906) и директор (1915) правления и управляющий фабриками Товарищества Большой Костромской Льяняной Мануфактуры (1905–1917). Член учетно-судного комитета костромского отделения Государственного банка (15.03.1906) и попечительного совета Костромской торговой школы (05.05.1906–01.01.1908). Директор костромского воспитательного приюта им. Н. П. Клирикова (06.10.1907–19.12.1909). Гласный Костромской городской думы (1909–1913). Костромской городской голова (1913–1916). Член Костромского губернского комитета общественной безопасности (1917). Коммерции советник (20.05.1913). Почетный попечитель народного училища деревни Святое Костромского уезда и почетный член Костромского губернского попечительства о детских приютах. Действительный член Костромской губернской ученой архивной комиссии (22.03.1907). Владелец имения в Тверской губернии и каменных домов в Москве и Костроме. Шурин С. Н. Третьякова.

Соч.: Доклад в Костромскую городскую думу о передаче в распоряжение Костромского городского самоуправления капиталов, принадлежащих «Обществу охраны от пожарных бедствий». Кострома, 1913. 18 с.

Лит.: Благотворительные учреждения России. СПб., 1912. С. 178–179.

К а р п о в а Т. М. Градоначальники Костромы. 1785–2003: От городского головы до главы самоуправления / Т. М. Карпова, П. П. Резепин. Кострома, 2003. С. 92–94.

Резепин П. П. «С губернатором у меня наладилось...»: деловая переписка директора и управляющего ТБКЛМ С. Н. Третьякова и В. А. Шевалдышева / П. П. Резепин, И. Х. Тлиф // Губернский дом. 2006. № 6 (75). С. 55–56.

Арх.: ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 13739. Л. 1–11; Ф. 436. Оп. 1. Д. 834. Л. 1–20; Ф. 671.

Гиппиус, Зинаида Николаевна.

Алый меч: рассказы (4-я книга). – СПб.: Изд. М. В. Пирожкова, 1906. – 480 с.

КОУНБ № 361968. 2

Кн. знак: «Библиотека В. А. Шевалдышева».

Гиппиус, Зинаида Николаевна.

Лунные муравьи: шестая книга рассказов. – М.: Книгоиздательство «Альциона», 1912. – 221 с.

КОУНБ № 362114. 1

Кн. знак: «Библиотека В. А. Шевалдышева».

Надпись: «Ломбард».

Гиппиус, Зинаида Николаевна.

Маков цвет: драма в 4-х действиях / З. Гиппиус, Д. Мережковский, Д. Философов. – СПб.: Изд. М. В. Пирожкова, 1908. – 216 с.

КОУНБ № 15685. 1

Кн. знак: «Библиотека В. А. Шевалдышева».

Надпись: «Ломбард».

Издание в память 300-летия царствования державного Дома Романовых / изд. М. С. Гугель. – М.: Тип. В. М. Саблина, 1914. – 1094 с.: фот., портр., табл.

КОУНБ № Ц15145. 4

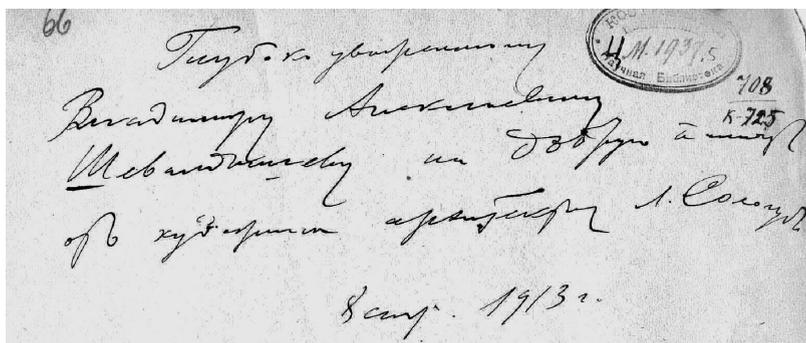
Тиснение на форзаце: «Именной экземпляр принадлежит Владимиру Алексеевичу Шевалдышеву»; надпись: «Ломбард».

Именной экземпляр
ПРИНАДЛЕЖИТЬ
Владимиру Алексеевичу
ШЕВАЛДЫШЕВУ

Костромская выставка в память 300-летия Дома Романова / архитектор Л. Р. Сологуб; фото П. П. Павлова. – Б. м., [1913]. – 60 фото.

КОУНБ № ЦМ1937. 5

Надпись: «Глубокоуважаемому Владимиру Алексеевичу Шевалдышеву на добрую память от художника архитектора Л. Сологуба. 8 апр. 1913 г.».

С о л о г у б (настоящая фамилия С а л о г у б) Леонид Романович (16.04.1884 Ейск, Область Войска Кубанского – 1957, Гаага, Нидерланды) – архитектор. Выпускник архитектурного отделения Императорской Академии художеств (1910). Член Общества архитекторов-художников (1910). Член «Бубнового валета» (1910) и «Мира искусства» (1912). Лауреат I-й премии Императорской Академии художеств (1909, 1911, 1912), в т. ч. за проект памятника 300-летию Дома Романовых (1911). Автор проектов 25 павильонов Костромской губернской земской выставки к 300-летию Дома Романовых. Участник Первой мировой войны, Георгиевский кавалер. Эмигрант (1920).

Лит.: Северюхин Д. Я. Художники русской эмиграции (1917–1941): биограф. словарь / Д. Я. Северюхин, О. Л. Лейкинд. СПб., 1994. С. 419–421; Кондаков С. Н. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764–1914. Пг., 1914. Т. 2. С. 383.

Рец.: Грез П. Альбом юбилейной земской выставки // Костромская жизнь. 1913. № 242. С. 2–3; Альбом Костромской выставки // Костромская жизнь. 1913. № 216.

Лавры, монастыри и храмы на Св. Руси: С.-Петербургская епархия. – СПб.: Тип. Училища глухонемых ведомства учреждений имп. Марии, 1908. – 72, 108, 174, 152, 2 с.: ил.

КОУНБ № Ц15142. 4

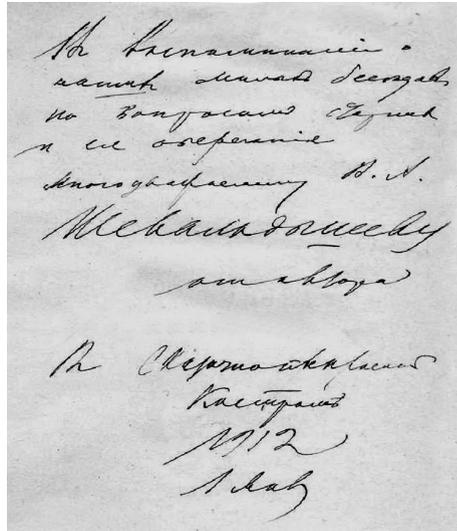
Тиснение на форзаце: «Владимир Алексеевич Шевалдышев. Директор Клирик. детского приюта».

Литературный распад: критический сборник. Кн. 2. – СПб.: Книгоиздательство «ЕОС», 1909. – 279 с. – Содерж.: В. Базаров. Христиане Третьего Завета и строители Башни Вавилонской; Л. Войтловский. Сумерки искусства; А. Луначарский. Двадцать третий сборник «Знания»; М. Морозов. Старосветский мистик (Творчество Бориса Зайцева); П. Орловский. Базаров и Санин. Два нигилизма; Ю. М. Стеклов. О творчестве Федора Сологуба; В. Фриче. Основные мотивы западно-европейского модернизма; В. Шулятников. Неаристократический аристократизм; П. Юшкевич. Современные религиозные искания.

КОУНБ № 360942. 2

Кн. знак: «Библиотека В. А. Шевалдышева».

Лукомский, Георгий Крескентьевич.

Решетка Казанского собора: Ее история и предназначение. К юбилею Отечественной войны. – СПб.: Тип. СПб. градоначальства, 1912. – 33 с.

КОУНБ № Ц14320. 2

Надпись: «В воспоминание о наших милых беседах по вопросам старины и ее оберегания многоуважаемому В. А. Шевалдышеву от автора. В сказочнопрекрасной Костроме. 1912. 1 янв.».

Кн. знак: «Библиотека В. А. Шевалдышева».

Лукомский Георгий Крескентьевич (02.03.1884, Калуга – 25.03.1952, Ницца, Франция) – художник, искусствовед, коллекционер. Выпускник архитектурных отделений Казанского среднего художественного училища (1903) и Императорской Академии художеств (1915). Член Союза русских художников (1909), Нового общества художников (1912) и др. Действительный член Костромской губернской ученой архивной комиссии (1912), Императорского Общества ревнителей русского исторического просвещения (1916) и др. Эмигрант (1920). Секретарь Парижской группы «Мира искусства» (1924). Автор свыше сотни статей и монографий. Корреспондент «Аполлона», «Архитектурного ежегодника», «Жизни искусства», «Зодчего», «Красной панорамы», «Среди коллекционеров», «Старых годов», «Столицы и усадьбы» и др.

Лит.: Банников А. П. Собиратели и хранители прекрасного: Энциклопедический словарь российских коллекционеров от Петра I до Николая II. 1700–1918 / А. П. Банников, С. А. Сапожников. М., 2007. С. 285.

Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Изд. 2-е, совершенно перераб., ил. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки. Пг., 1918. Т. 2. С. 53.

Голлербах Э. Ф. Лукомский Г. К. Казань, 1928.

Иваск У. Г. Описание русских книжных знаков. М., 1918. Вып. 3. С. 24.

Кобак А. В. Материалы к биографии Г. К. Лукомского / А. В. Кобак, Д. Я. Северюхин // Анцифировские чтения: матер. и тезисы конф. (20–22 дек. 1989 г.). Л., 1989. С. 50–54.

Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1960. Т. 4. С. 288.

Северюхин Д. Я. Художники русской эмиграции (1917–1941): биограф. словарь / Д. Я. Северюхин, О. Л. Лейкинд. СПб., 1994. С. 299–302.

Сизинцева Л. И. Обаяние провинции: О книге В. К. и Г. К. Лукомских «Кострома» // Лукомские В. К. и Г. К. Кострома: Исторический очерк В. К. Лукомского и описание памятников художественной старины Г. К. Лукомского. Репринт. воспроизвед. изд. 1913 г. М., 2002. С. 416–468.

Рец.: В. Р-в [Рудаков В. Е.] // Исторический вестник. 1913. № 7. С. 303–304.

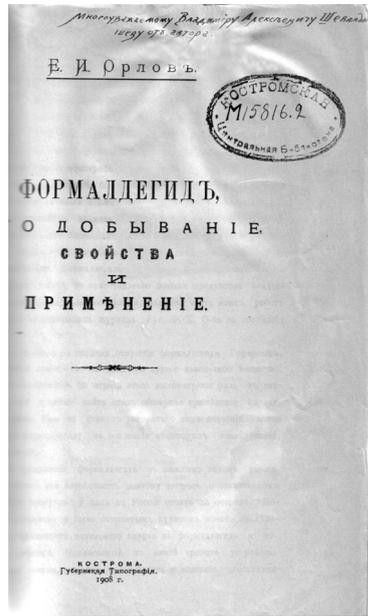
Орлов, Егор Иванович.

Формальдегид, его добывание, свойства и применение. С дополнительными статьями о контактных пирогенетических реакциях окисления / изд. автора. – Кострома: Губ. тип., 1908. – 430 с.: ил.

КОУНБ № М15816. 2

Надписи: «Многоуважаемому Владимиру Алексеевичу Шевалдышеву от автора»; «Ломбард».

Орлов Егор Иванович (02.02.1865, с. Покров, Княгининский у., Нижегородская г. – 14.10.1944, Москва) – химик. Выпускник Нижегородской духовной семинарии (1899), естественного отделения физико-математического факультета Императорского Московского университета (1894). Руководитель практических работ и преподаватель химической технологии химико-технологических мастерских (1894), инспектор, заведующий химической лабораторией и преподаватель химии (1900) Костромского химико-технического училища им. Ф. В. Чижова. Приват-доцент кафедры технологии Императорского Московского университета (1907–1909). Магистр (1909) и доктор (1914) технологии. Адьонкт-профессор кафедры химической технологии Харьковского технологического института (1911). Директор Украинского НИИ силикатной промышленности (1927–1932). Декан силикатного факультета Московского института силикатов и стройматериалов (1932–1934). Завкафедрой технологии керамики МХТИ им. Д. И. Менделеева (1932–1944). Заслуженный профессор УССР (1925). Заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1932). Действительный член Костромского кружка любителей естествознания (1900), АН УССР (1929). Ответственный редактор журнала «Украинские силикаты». Автор более 125 научных работ.

Лит.: Большая советская энциклопедия. М., 1974. Т. 18. С. 519.

Биографический словарь деятелей естествознания и техники / отв. ред. А. А. Зворыкин. М., 1959. Кн. 2. С. 93.

Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Изд. 2-е, совершенно перераб., ил. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки. Пг., 1918. Т. 2. С. 209.

Волков В. А. Российская профессура. XVIII – нач. XX в. Химические науки: биограф. словарь / В. А. Волков, М. В. Куликова. СПб., 2004. С. 164–165.

Волков В. А. Химики: биограф. справ. Киев, 1984. С. 374–375.

Резепин П. П. ККЛЕ+КОЛЕ=КНОИМК // Губернский дом. 2007. № 6 (81). С. 17–20.

Отчет Костромского окружного правления Императорского Российского общества спасания на водах за 1915 год. – Кострома: Губ. тип., 1916. – 19 с. – В бум. обл.

ГАКО № 5947

Надпись на обл. черн. чернилами: «Г. Члену Общества спасания на водах В. А. Шевалдышеву».

Кн. штампы: «Костромское городское архивное Бюро И. П. О. №»; «Костромской Облгосархив»; «Библиотека Костромского Облгосархива».

Толстой, Алексей Николаевич.

Сочинения. Кн. 1–2. – 2-е изд. – М.: Книгоиздательство писателей, [б. г.] – 233; 212 с.

КОУНБ № 359912. 2; № 360451. 2

Кн. знак на каждом томе: «Библиотека В. А. Шевалдышева».

Толстой, Лев Николаевич.

Мужчина и женщина. Вып. 1: О половом вопросе: мысли Л. Н. Толстого / собр. В. Г. Чертков; книгоиздательство «Посредник», № 622. – М.: Тип. Торг. дома А. Печковский, 1906. – 77 с.

КОУНБ № 359909. 2

Надпись: «А. Шевалдышевой».

Шевалдышева Александра Николаевна (1880–05.10.1914) – супруга В. А. Шевалдышева, дочь Николая Сергеевича (06.12.1857–25.02.1896) и Александры Густавовны (?–?) Третьяковых. Похоронена в Московском Даниловом монастыре.

Лит.: Карпова Т. М. Градоначальники Костромы. 1785–2003: От городского головы до главы самоуправления / Т. М. Карпова, П. П. Резепин. Кострома, 2003. С. 94.

Резепин П. П. «С губернатором у меня наладилось»: деловая переписка директора и управляющего ТБКЛМ С. Н. Третьякова и В. А. Шевалдышева / П. П. Резепин, И. Х. Тлиф // Губернский дом. 2006. № 6 (75). С. 56.

Арх.: ГАКО. Ф. 56. Оп. 3. Д. 181. Л. 269об. – 270; Ф. 436. Оп. 1. Д. 834. Л. 2.

Толстой, Лев Николаевич.

Так что же нам делать? Вып. 1 / Книгоиздательство «Посредник», № 590. – М.: Тип. Торг. дома А. Печковский, 1906.

КОУНБ № 361119. 1

Надпись: «А. Шевалдышевой».

Чехов, Антон Павлович.

Собрание писем А. П. Чехова / под ред. и с коммент. В. Бендер; вступит. ст. Ю. Айхенвальда. – М.: Книгоиздательство «Современное творчество», 1910. Т. 1. – X., 288 с. – (Чеховская библиотека).

КОУНБ № 361975. 2

Кн. знак: «Библиотека В. А. Шевалдышева».

Надпись: «Ломбард».

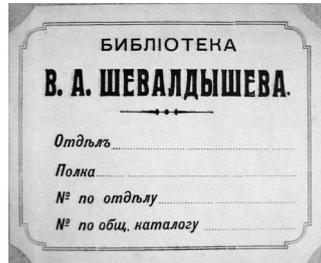
Чуковский, Корней Иванович.

От Чехова до наших дней: литературные портреты, характеристики. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб.; М.: Изд-во Т-ва М. О. Вольф, Б. г. – VI, 267 с.

КОУНБ № 14933. 1

Кн. знак: «Библиотека В. А. Шевалдышева».

Надпись: «Ломбард».

Чулков, Георгий Иванович.

Рассказы. Кн. 1. – СПб.: Шиповник, 1909. – 216, 8 с.

КОУНБ № 361820. 2

Кн. знак: «Библиотека В. А. Шевалдышева»

Книжный знак Владимира Алексеевича Шевалдышева.

¹ КОУНБ – Костромская областная универсальная научная библиотека.

² ГАКО – Государственный архив Костромской области.

Библиография

Н. Ф. Басова

Братья Третьяковы и Костромской край (обзор изданий, находящихся в фондах Костромской областной универсальной научной библиотеки)

В истории российского предпринимательства конца XIX – начала XX веков Павел Михайлович и Сергей Михайлович Третьяковы занимают одно из ведущих мест. Однако чаще всего их вспоминают не как умелых фабрикантов и торговцев, а как основателей картинной галереи, общественных деятелей и благотворителей, чье понимание гражданского долга не может не восхищать.

В фондах Костромской областной универсальной научной библиотеки (далее – КОУНБ), к счастью, имеется немало раритетных изданий, рассказывающих о жизни и деятельности Третьяковых и их связи с Костромским краем, которые ждут своего заинтересованного и пытливого читателя.

Что касается биографической литературы о Третьяковых, то здесь следует особо выделить две книги о Павле Михайловиче, написанные его старшими дочерьми – Верой Павловной Зилоти и Александрой Павловной Боткиной. Эти мемуары написаны в разные годы и даже в разных странах, куда судьба привела их авторов. Они воссоздают атмосферу родительского дома с его патриархальным укладом и в то же время передают дух высоких устремлений, царивший среди его обитателей.

Книга второй по старшинству дочери Павла Михайловича – Александры Павловны Боткиной, впервые была издана в 1951 году и долгое время оставалась единственным мемуарным источником, содержащим богатый фактический материал, дополненный и согретый личными впечатлениями автора. В 1993 году в Москве, в издательстве «Искусство» увидело свет 4-е издание этой книги.

Вера Павловна была замужем за пианистом, композитором и музыкальным деятелем А. И. Зилоти, учеником Н. Г. Рубинштейна, П. И. Чайковского и Ф. Листа. Они жили в Европе и Америке. Первое издание книги об отце вышло в Нью-Йорке в 1954 году, уже после ее кончины, и долгие годы было недоступно рядовому советскому читателю, так как осело на полках спецхранов.

Особого внимания заслуживает журнал «Русское искусство» (2008, № 1), статьи из которого аналитически расписаны в нижеприведенной «Библиографии». Главный редактор издания Ольга Костина во вступительном слове пишет: «...приуроченный к 175-летию со дня рождения Павла Михайловича Третьякова, великого “делателя” истории русского искусства, а вернее, отечественной культуры во всей совокупности ее художественно-эстетических, духовно-нравственных, личностных и общественных проявлений, выпуск этот объединил жизнеописания талантливых представителей разветвленной семьи Третьяковых в ее трех поколениях».

Большинство статей этого журнала написано на базе архивных материалов, впервые введенных в научный оборот.

Как пишет далее Ольга Костина: «...и диву даешься: какую же высоту и глубину, какое благородство и изящество личных взаимоотношений являют нам все эти документы, демонстрируя на блистательном примере Третьяковых определяющее значение семьи в формировании духовной атмосферы общества».

Кроме мемуарной литературы, представляют интерес издания по предпринимательству и благотворительности России конца XIX – начала XX веков, книги и статьи, посвященные семье Третьяковых и Третьяковской галерее, а также детищу братьев Третьяковых – Большой Костромской льняной мануфактуре и благотворительным учреждениям, созданным ими на костромской земле.

Библиография систематизирована в следующем порядке:

1. Династия Третьяковых в истории промышленного развития и благотворительности России.
2. Семья Третьяковых.
3. Павел Михайлович Третьяков.
4. Переписка П. М. Третьякова.
5. Сергей Михайлович Третьяков.
6. Государственная Третьяковская галерея.
7. Третьяковы и Костромской край.
8. Выставка «Москва и Кострома в жизни семьи Третьяковых».

Внутри каждой рубрики сначала указаны книги, затем – публикации в сборниках и периодических изданиях. Порядок расположения – обратнo-хронологический.

Династия Третьяковых в истории промышленного развития и благотворительности России

Лопухина, Е. М. Самые знаменитые меценаты России / Е. М. Лопухина. – М.: Вече, 2003. – 384 с.

Власов, П. В. Благотворительность и милосердие в России / П. В. Власов. – М.: Центрполиграф, 2001. – 443 с.

Думова, Н. Г. Московские меценаты / Н. Г. Думова. – М.: Мол. гвардия, 1992. – 333 с: ил.

Боханов, А. Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 г.) / А. Н. Боханов; Рос. акад. наук; Ин-т рос. истории. – М.: Наука, 1992. – 262 с.

Бурышкин, П. А. Москва купеческая: мемуары / П. А. Бурышкин; вступ. ст., коммент. Г. Н. Ульяновой, М. К. Шацилло. – М.: Высш. школа, 1991. – 352 с: ил.

Соловьева, А. М. Промышленная революция в России в XIX веке / А. М. Соловьева. – М.: Наука, 1990. – 266 с.

Боханов, А. Н. Коллекционеры и меценаты в России / А. Н. Боханов. – М.: Наука, 1989. – 187 с.

Лаверычев, В. Я. Государство и монополии в дореволюционной России / В. Я. Лаверычев. – М.: Мысль, 1982. – 199 с.

Лаверычев, В. Я. Монополистический капитализм в текстильной промышленности России (1900–1917 гг.) / В. Я. Лаверычев. – М.: Изд-во МГУ, 1963. – 423 с.

Семья Третьяковых

Банников, А. П. Собиратели и хранители прекрасного: энциклопедический словарь российских коллекционеров от Петра I до Николая II (1700–1918 гг.) / А. П. Банников, С. А. Сапожников. – М.: Центрполиграф, 2007. – 607 с.

О Павле Михайловиче, Сергее Михайловиче и Сергее Николаевиче Третьяковых: с. 488–490.

Мемориальная и историко-художественная выставка, посвященная П. М. и С. М. Третьяковым: путеводитель по выставке / авт.-сост.: Т. С. Алехина, Л. И. Захаренкова, Т. Т. Иванова, Н. Н. Мамонтова, Е. А. Теркель, В. С. Шевченко, Т. В. Юденкова; отв. ред. Л. И. Иовлева; ред. Н. В. Прохорова; авт. вступит. ст. Т. В. Юденкова. – [М.]: Государственная Третьяковская галерея, 2006. – 46 с: ил.

Бехтиева, Е. «Бесценная маменька» / Е. Бехтиева // Русское искусство. – 2008. – № 1. – С. 14–25: ил.

Мать Павла Михайловича и Сергея Михайловича – Александра Даниловна Третьякова (урожденная Борисова) (1812–1899).

Сайгина, Л. Архитектор Александр Каминский / Л. Сайгина // Русское искусство. – 2008. – № 1. – С. 92–97: ил.

Морозова, С. Братья Третьяковы / С. Морозова // Костромской Бизнес-журнал. – 2008. – № 20. – С. XLIV–XLVI.

Юденкова, Т. В. Павел и Сергей Третьяковы: предпринимательская и благотворительная деятельность / Т. В. Юденкова // Отечественная история. – 2007. – № 2. – С. 16–33.

Юденкова, Т. Братья Третьяковы / Т. Юденкова // Русское искусство. – 2007. – № 1. – С. 8–19: ил.

Юденкова, Т. Неустанное служение. Галерея без Третьякова / Т. Юденкова // Наше наследие. – 2006. – № 78. – С. 14–27.: ил.

Чумаков, В. Кто художника кормит... / В. Чумаков // Огонек. – 2003. – № 30. – С. 60–63: ил.

Глаголев, А. Экономическая философия великих русских меценатов конца XIX – начала XX вв. / А. Глаголев // Вопросы экономики. – 1994. – № 7. – С. 109–121.

Павел Михайлович Третьяков

Анисов, Л. Третьяков / Л. Анисов. – М.: ИнтерДиалект+; «АМТ», 1998. – 335 с: ил.

Боткина, А. П. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. – 4-е изд., испр. и доп. / А. П. Боткина. – М.: Искусство, 1993. – 374 с: ил.

Зилоти, В. П. В доме Третьякова: мемуары / В. Зилоти; вступ. ст. М. Л. Гавлина. – М.: Высш. школа, 1992. – 256 с.

Грязнов, А. И. Почетный гражданин Москвы: страницы жизни Павла Михайловича Третьякова / А. И. Грязнов. – М.: Москов. рабочий, 1982. – 189 с: ил.

Ненарокова, И. С. Почетный гражданин Москвы П. Третьяков: для / И. С. Ненарокова. – М.: Мол. гвардия, 1978. – 224 с: ил.

Третьяков Павел Михайлович (1832–1898) // Полунина Н. Коллекционеры России XVII – начала XX вв.: энциклопедический словарь. – М., 2005. – С. 398–400: библиогр.

Третьяков П. М. // Васильева Е. 50 знаменитых бизнесменов XIX – нач. XX вв. / Е. Васильева, Ю. Пернатъев. – Харьков, 2004. – С. 443–452.

Третьяков Павел Михайлович (1832–1898) // Полунина Н. Коллекционеры старой Москвы: иллюстрированный биографический словарь / Н. Полунина, А. Фролов. – М., 1997. – С. 328–332: библиогр. 27 назв.

Завещательное письмо П. М. Третьякова. Варшава, 17 (29) мая 1860 года // Памятники Отечества: альм. Всерос. о-ва охраны памятников ист. и культуры. – М., 1993. – Вып 29. Завещано России. Меценаты и коллекционеры. – С. 3–6.

Кто продолжит дело Третьякова? Традиции и будущее российского меценатства / беседа гл. ред. альм. «Памятники Отечества» С. Н. Разгонова с акад. Б. В. Раушенбахом и пред. Клуба коллекционеров С. В. Ямшиковым // *Памятники Отечества*: альм. Всерос. о-ва охраны памятников ист. и культуры. – М., 1993. – Вып. 29. Завещано России. Меценаты и коллекционеры. – С. 7–10.

Боханов, А. Н. На благо России (П. М. Третьяков) / А. Н. Боханов // Боханов А. Н. Коллекционеры и меценаты в России. – М., 1989. – С. 39–78.

Ненарокова, И. П. М. Третьяков и И. В. Цветаев / И. П. Ненарокова // *Панорама искусств*. – М., 1986. – Вып. 9. – С. 259–271.: ил.

Завещание П. М. Третьякова от 6 сентября 1896 года // Боткина А. П. Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве. – М., 1951. – С. 295–296.

Бехтиева, Е. Семья Третьяковых и Иван Сергеевич Тургенев / Е. Бехтиева // *Третьяковская галерея*. – 2009. – № 1. – С. 18–21: ил.

Хохлова, Е. Единство мысли и действия / Е. Хохлова // *Русское искусство*. – 2008. – № 1. – С. 8–13: ил.

Собирательская деятельность представителей двух поколений семьи Третьяковых и создание картинной галереи.

Приймак, Н. «Голубка моя Вера» / Н. Приймак // *Русское искусство*. – 2008. – № 1. – С. 26–33: ил.

Благотворительный фонд имени П. М. Третьякова. 2006–2007. Первый год деятельности // *Русское искусство*. – 2008. – № 1. – С. 34–35: ил.

Юденкова, Т. Павел Михайлович Третьяков и император Александр III / Т. Юденкова // *Русское искусство*. – 2008. – № 1. – С. 36–47: ил.

Верховская, И. «Их сближали интересы к искусству». Сергей Боткин / И. Верховская // *Русское искусство*. – 2008 – № 1. – С. 72–81: ил.

Теркель, Е. «Корабль мой плывет осторожно...» / Е. Теркель // *Русское искусство*. – 2008. – № 1. – С. 98–105: ил.

Беспалова, Е. «Третьяковский» период в творчестве Бакста / Е. Беспалова // *Русское искусство*. – 2008. – № 1. – С. 106–117: ил.

Лев Самойлович Бакст (1866–1924), театральный художник, сотрудник редакции журнала «Мир искусства», муж (во втором браке) дочери П. М. Третьякова – Любови Павловны.

Рождественский, Г. «Агент русской музыки». Александр Зилоти / Г. Рождественский // *Русское искусство*. – 2008. – № 1. – С. 118–121: ил.

Киселев, М. Звезда и смерть Марии Якунчиковой / М. Киселев // *Русское искусство*. – 2008. – № 1. – С. 130–138: ил.

Хохлова, Е. Актриса «дивной обаятельности» Александра Хохлова / Е. Хохлова // *Русское искусство*. – 2008 – № 1. – С. 140–147: ил.

о. Алексей (Ф. А. Соловьев), иеросхимонах. К воспоминаниям о Павле Михайловиче Третьякове [перепеч. из журн. «Душеполезное чтение» (март 1899 года)] / о. Алексей (Ф. А. Соловьев) // Русское искусство. – 2008. – № 1. – С. 148–151: ил.

Чинякова, Г. Иллюминированное житие св. мученика Дмитрия Угличского из библиотеки П. М. Третьякова / Г. Чинякова // Русское искусство. – 2007. – № 1. – С. 24–29: ил.

Чурак, Г. Павел Третьяков и его галерея / Г. Чурак // Третьяковская галерея. – 2006. – № 2. – С. 6–23: ил.

Теркель, Е. Завещание Третьякова: ошибка и реальность / Е. Теркель // Третьяковская галерея. – 2005. – № 4. – С. 16–25: ил.

Итоги конкурса имени П. М. Третьякова // Третьяковская галерея. – 2005. – № 4. – С. 110–111: ил.

Атрощенко, О. Начало коллекции. К истории приобретения П. М. Третьяковым первой картины / О. Атрощенко // Третьяковская галерея. – 2005. – № 3. – С. 20–29: ил.

Приймак, Н. О месте и дате рождения П. М. Третьякова / Н. Приймак // Третьяковская галерея. – 2005. – № 3. – С. 16–19: ил.

Из завещательного письма П. М. Третьякова. 17 мая 1860 года // Юный художник. – 1996. – № 1. – С. 22.

Бялик, В. Дети в семье П. М. Третьякова / В. Бялик // Юный художник. – 1996. – № 1. – С. 23–25: ил.

Копылова, Н. Заявление коммерции советника П. М. Третьякова в Московскую городскую Думу и его духовное завещание / Н. Копылова // Московский журнал. – 1992. – № 11–12. – С. 9–14.

Попов, М. Гражданское величие: к 150-летию со дня рождения П. М. Третьякова / М. Попов // Искусство. – 1982. – № 11. – С. 55–63.

Пистунова, А. Третьяков великодушный: к 150-летию со дня рождения П. М. Третьякова / А. Пистунова // Сов. культура. – 1983. – 4 янв. – С. 6.

Нестеров, М. В. Давние дни: воспоминания, очерки, письма / М. В. Нестеров. – Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1986. – 560 с.

Письма художников Павлу Михайловичу Третьякову. 1870–1879 / письма подгот. к печати и примеч. к ним сост. науч. сотруд. Госуд. Третьяков, галереи Н. Г. Галкиной, М. Н. Григорьевой и Н. Л. Приймак. – М.: Искусство, 1968. – 559 с.

Верещагин, В. В. Переписка В. В. Верещагина и П. М. Третьякова. 1874–1898 / письма подгот. к печати и примеч. к ним сост. Н. Г. Галкиной; [вступит. ст. О. А. Ляковской] / В. В. Верещагин. – М.: Искусство, 1963. – 138 с: ил.

Письма художников П. М. Третьякову. 1856–1869 / письма подгот. к печ. и примеч. к ним сост. науч. сотруд. Госуд. Третьяков. галереи Н. Г. Галкиной и М. Н. Григорьевой. – М.: Искусство, 1960. – 371 с.

Крамской, И. Н. Переписка И. Н. Крамского. Т. 1. И. Н. Крамской и П. М. Третьяков. 1869–1887 / письма подгот. к печати и примеч. сост. С. Н. Гольдштейн / И. Н. Крамской. – М.: Искусство, 1953. – 459 с: ил.

Репин, И. Е. Письма к художникам и художественным деятелям / подгот. писем к печати, примеч. к ним сост. Н. Г. Галкиной и М. Н. Григорьевой / И. Е. Репин. – М.: Искусство, 1952. – 408 с: ил.; портр.

Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова. 1874–1897 / письма подгот. к печати и примеч. к ним сост. науч. сотруд. Госуд. Третьяков, галереи Н. Г. Галкиной и М. Н. Григорьевой. – М. – Л.: Искусство, 1949. – 284 с.

Репин, И. Е. Переписка с П. М. Третьяковым. 1873–1898 / письма подгот. к печати и примеч. к ним сост. М. Н. Григорьевой и А. Н. Щекотовой; под ред. Н. М. Щекотова и А. И. Леонова; авт. вступит. ст. А. И. Замошкин / И. Е. Репин. – М. – Л.: Искусство, 1946. – 225 с: ил.

Сергей Михайлович Третьяков

Третьяков Сергей Михайлович (1834–1892) // Полунина Н. Коллекционеры России XVII – начала XX вв.: энцикл. словарь. – М., 2005. – С. 401–403: библиогр.

Российские предприниматели в начале XX века. По материалам торгово-промышленного и финансового союза в Париже / публ. докум. РАН; Ин-т рос. Истории; сост. Ю. А. Петров, М. К. Шаццлло. – М: РОССПЭН, 2004. – 272 с: табл.

Третьяков Сергей Михайлович (1834–1892) // Полунина Н. Коллекционеры старой Москвы: иллюстрир. биограф. словарь / Н. Полунина, А. Фролов. – М., 1997. – С. 333–337: библиогр. 18 назв.

Третьяков Сергей Михайлович (19 янв. 1934–25 июля 1892) // Московская власть: городские головы (1782–1997). – М., 1997. – Вып. 1. – С. 117–120: ил.

Ненарокова, И. Хозяин особняка на Пречистенском бульваре / И. Ненарокова // Панорама искусств. – М., 1989. – Вып. 12. – С. 353–372.: ил.

Кузнецова, И. Окно в Европу. Собрание Сергея Михайловича Третьякова / И. Кузнецова; мат. подгот. С. Загорской // Третьяковская галерея. – 2009. – № 2. – С. 4–15: ил.

Юденкова, Т. «Стремление быть полезным обществу...»: к 175-летию со дня рождения Сергея Михайловича Третьякова (1834–1892) / Т. Юденкова // Третьяковская галерея. – 2009. – № 1. – С. 4–17: ил.

Кафтanova, Т. И. «На память совместного служения...» / Т. И. Кафтanova // Третьяковская галерея. – 2008. – № 4. – С. 14–23: ил.

О фонде фотографических портретов С. М. Третьякова, хранящихся в отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи. Автор статьи сообщает ряд дополнений и уточнений датировок некоторых портретов.

Ненарокова, И. «Рьяный любитель искусства». Сергей Михайлович Третьяков / И. Ненарокова // Русское искусство. – 2008. – № 1. – С. 48–55: ил.

Александров, Ю. Особняк у Пречистинских ворот / Ю. Александров; фото В. Некрасова, И. Хилько // Наше наследие. – 1997. – № 43–44. – С. 84–87.

Дом С. М. Третьякова на Пречистинском бульваре (ныне Гоголевский бульвар, 6), где располагается Российский фонд культуры.

Ненарокова, И. Городской голова С. М. Третьяков / И. Ненарокова // Наше наследие. – 1997. – № 43–44. – С. 88–97: ил.

Государственная Третьяковская галерея

Ненарокова, И. С. Павел Третьяков и его галерея / И. Ненарокова. – М.: Галарт, 1994. – 288 с: портр. ; ил.

Государственная Третьяковская галерея. История и коллекции / ред. И. И. Никонова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Искусство, 1989. – 446 с.: ил.

Государственная Третьяковская галерея. Москва. Русская и советская живопись: альбом / авт.-сост. Л. И. Иовлева. – Л.: Аврора, 1986. – 250, [93] с.: ил.

Государственная Третьяковская галерея. Материалы и исследования / науч. ред. И. И. Гофман. – Л.: Художник РСФСР, 1983. – 300 с: ил.

Государственная Третьяковская галерея. Живопись XVIII – начала XX века (до 1917 года): каталог. – М.: Изобразит. иск-во, 1984. – 720 с: ил.

Государственная Третьяковская галерея: очерки истории. 1856–1917.: к 125-летию основания Третьяковской галереи / сост. Я. В. Брук, С. Н. Гольдштейн, Л. И. Иовлева, В. М. Володарский; отв. ред. Я. В. Брук; предисл. Ю. К. Королева. – Л.: Художник РСФСР, 1981. – 351 с.: ил.

Безрукова, Д. Я. Третьяков и история создания его галереи / Д. Я. Безрукова. – М.: Просвещение, 1970. – 104 с.: 40 с. ил.

Мудрогель, Н. А. Пятьдесят восемь лет в Третьяковской галерее: воспоминания / Н. А. Мудрогель. – Л.: Художник РСФСР, 1962. – 206 с.: ил.

Сто лет Третьяковской галереи: сб. статей под общ. ред. П. И. Лебедева. – М.: Искусство, 1959. – 340 с.: ил.

Государственная Третьяковская галерея. Москва. Путеводитель. Древнерусское искусство. Искусство XVIII в. и первой половины XIX в. – М.: Искусство, 1957. – 235 с.: ил.

Антонова, В. И. Государственная Третьяковская галерея: крат. очерк. – 2-е изд., испр. и доп. / В. И. Антонова. – М.: Сов. художник, 1956. – 88 с.: ил.

Государственная Третьяковская галерея: крат. ист. очерк. – М.: Искусство, 1956. – 47 с.: ил.

Третьяковская галерея. Москва. Рисунок и акварель. В. Д. Поленов, И. И. Левитан, В. А. Серов, М. А. Врубель. – М.: Искусство, 1956. – 218 с.: 51 л. ил.

Третьяковская галерея. Москва. Рисунок и акварель. О. А. Кипренский, А. Г. Венецианов, В. А. Тропинин, К. П. Брюллов, П. А. Федотов. – М.: Искусство, 1956. – 135 с. [111] с. ил.

Иогансон, Б. В. Государственная Третьяковская галерея – сокровищница русского искусства: к 100-летию основания П. М. Третьяковым галереей картин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Знание, 1956. – 31 с.

Третьяковская галерея. Москва. Рисунок и акварель. В. Г. Петров, И. Н. Крамской, В. В. Верещагин. – М.: Искусство, 1955. – 137 с.: 35 л. ил.

Третьяковская галерея. Рисунок и акварель. 18 век: каталог. – М.: Изд. Госуд. Третьяков. галереи, 1952. – 52 с.: 12 л. ил.

Третьяковская галерея. Москва. Рисунок и акварель. И. Е. Репин, В. И. Суриков, В. М. Васнецов. – М.: Изд. Госуд. Третьяков. галереи, 1952. – 164 с.: 26 л. ил.

Каталог художественных произведений, находящихся в экспозиции Государственной Третьяковской галереи. – 28-е изд. / подгот. к печ. М. М. Колпакчи; отв. ред. Г. В. Жидков. – М.: Изд. Госуд. Третьяков. галереи, 1947. – 332 с.: 198 с. ил.

Третьяковская галерея: путеводитель по искусству феодализма. / сост. Н. Коваленская. – Л.: Огиз, 1934. Вып. 1. – 142 с.

Каталог художественных произведений городской галереи Павла и Сергея Третьяковых. – 23-е изд. – М.: [б. и.], 1910. – 168 с.

Московская городская художественная галерея П. М. и С. М. Третьяковых / текст И. С. Остроухова и Сергея Глаголя; под общ. ред. И. С. Остроухова. – М.: Издание И. Кнебель, 1909. – 161 с.: ил.

Каталог художественных произведений городской галереи Павла и Сергея Третьяковых. – М.: Мамонтов, 1896. – 128 с.: ил.

Третьяковская галерея. 204 фототипогравюры с картин русских художников. – СПб.: Издание Н. Ф. Мертца, [б. г.]. – VI; 206 с.: рис.

о. Николай (Соколов), протоиерей. У Святого Николая в Толмачах // Русское искусство. – 2008. – № 1. – С. 152–55: ил.

Птицына, О. Офорт В. В. Матэ. Послесловие к выставке / О. Птицына // Русское искусство. – 2008. – № 1. – С. 56–58: ил.

Чурак, Г. «Она сводила с ума. . . » О портрете П. В. Коншиной работы И. Е. Репина / Г. Чурак // Русское искусство. – 2008. – № 1. – С. 60–65: ил.

Селезнева, Е. Инвентарная история / Е. Селезнева // Русское искусство. – 2008. – № 1. – С. 66–71: ил.

Иовлева, Л. Галерея без Третьякова / Л. Иовлева // Наше наследие. – 2006. – № 78. – С. 28–43: ил.

Загузова, О. Дар Третьякова: к 150-летию Государственной Третьяковской галереи / О. Загузова // Отечество: История. Культура. Краеведение. – 2006. – № 2. – С. 3–5: фото.

Грицаюк, Е. Богатство обязывает: в ГТГ завершила свою работу выставка «Братья Павел и Сергей Третьяковы. Жизнь и деятельность» / Е. Грицаюк // Лит. газ. – 2006. – 18–24 окт. (№ 43). – С. 9.

Третьяковы и Костромской край

Устав Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры. – СПб.: [б. и.], 1891. – 33 с.

Отчет Костромской конторы Товарищества БКЛМ за 1912–13 год. – Кострома: [б. и.], 1913. – 27 с.

Отчет Костромской конторы Товарищества БКЛМ за 1914–15 год (на 22 марта). – Кострома: [б. и.], 1915. – 30 с.

Устав больничной кассы при фабриках Товарищества БКЛМ. – Кострома: [б. и.], 1913. – 32 с.

Устав Общества потребителей Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры, переработанный комиссией из членов Общества, на основании нормального устава и 10-летней практики. – Кострома: [б. и.], 1908. – 32 с.

Отчеты Общества потребителей рабочих и служащих Товарищества БКЛМ, Больничной кассы и других благотворительных учреждений в фондах КОУНБ представлены за несколько лет.

Памятники архитектуры Костромской области: каталог. – Кострома: [б. и.], 1999. – Вып. 1, – Ч. 2. г. Кострома. – 310 с.

Бочков, В. Старая Кострома: рассказы об улицах, домах и людях / В. Бочков. – Кострома: [б. и.], 1997. – 230 с.: ил.

БКЛМ: с. 143–144.

Иванова (Сизинцева), Л. И. Царство красного кирпича / Л. И. Иванова (Сизинцева) // Памятники Отечества: альм. Всерос. о-ва охраны памятников ист. и культуры. – М., 1991. – Вып. 1 (23). – С. 87–94: ил.

Шиц, М. М. Павел Третьяков и Костромской край / М. М. Шиц // Костромская земля: краевед. альм. Костром. фонда культуры. – Кострома, 1995. – Вып. 3. – С. 77–89: ил.

Губернский дом. – 2006. – № 6. [Специальный выпуск журнала, посвященный 140-летию Большой Костромской льняной мануфактуры (БКЛИМ)].

Сизинцева, Л. Кашины с Кашинской фабрики / Л. Сизинцева // Губернский дом. – 1999. – № 5–6. – С. 56–59: ил.

Соловьева, И. Хранительница. Премию имени Павла Третьякова получила костромичка Нина Померанцева / И. Соловьева // Сев. правда. – 2010. – 1 янв. – С. 9.: фото.

О награждении премией им. П. М. Третьякова сотрудницы Костромского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника Н. Л. Померанцевой.

В музее расскажут о кадрах для трона // Костром. народная газета. – 2009. – 16 дек. (№ 50). – С. 2.

Николаева, З. Эксплуататоры и благотворители / З. Николаева // Средний класс. – 2008. – 7 мая (№ 17). – С. 3.

В г. Костроме прошла Межрегиональная научно-практическая конференция «Династия Третьяковых в истории промышленного развития и благотворительности России».

Кольцова, А. «Вышли мы все из народа» / А. Кольцова // Сев. правда. – 2005. – 14 апр. – С. 6.

Киселева, Т. Рождение гиганта: история / Т. Киселева // Сев. правда. – 2001. – 9 нояб. – С. 4.

О создателях Товарищества «Новая Костромская льняная мануфактура» братьях П. М. и С. М. Третьяковых, К. Я. Коншине, В. Д. Коншине и Н. К. Кашине.

Выставка «Москва и Кострома в жизни семьи Третьяковых»

Организована Благотворительным фондом им. П. М. Третьякова (Москва), Департаментом культуры Костромской области и Костромским историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником. Посвящена 175-летию со дня рождения С. М. Третьякова.

Соловьева, Ирина Москва и Кострома в жизни семьи Третьяковых / И. Соловьева // Сев. правда. – 2009. – 16 сент. – С. 8: ил.

Бехтиева, Е. Третьяковы и Кострома / Е. Бехтиева // Культура. – 2009. – 13–19 авг. (№ 31). – С. 2.

Шипулин, Ю. Все настоящее в России – из глубинки / Ю. Шипулин // Сев. правда. – 2009. – 29 мая. – С. 3.

Открытие выставки, посвященной 175-летию со дня рождения С. М. Третьякова в Костромском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике и встреча костромичей с редакцией «Литературной газеты».

Фролов, О. Москва и Кострома в жизни Третьяковых / О. Фролов // Молодежная линия. – 2009. – 28 мая. (№21). – С. 3.

Веселов, Л. Быть полезным обществу // Аргументы и факты. – 2009. – 19 мая (№ 34). – С. 5.

Содержание

Введение.

Рогов И. В., Чугунов Е. А. Династия Третьяковых в истории промышленного развития и благотворительности России 3

Раздел I.

Вклад братьев Третьяковых в развитие льняного дела России 7

Новиков А. В. Директора Новой костромской льняной мануфактуры: опыт управленческой деятельности 8

Смурова О. В. Костромская традиция льноводства, прядения и ткачества (по материалам Костромского областного Дома народного творчества) 18

Дружнева Н. А. Деятельность Третьяковых на Костромской земле (по материалам Государственного архива Костромской области) 24

Кузнецова М. Г. «Достоин кредита «рѣта...» (из истории Большой Костромской льняной мануфактуры) 27

Гусева С. М. Лен в быту костромских крестьян 30

Раздел II.

Семья Третьяковых – образец нравственного, делового воспитания 33

Протоиерей Дмитрий (Сазонов) Парадигма добра 34

Юденкова Т. В. «Не отстранять от торговли и от своего сословия...»

Заветы отца братьев Третьяковых 45

Раздел III.

Братья Третьяковы в контексте взаимоотношений с предпринимателями, рабочими, интеллигенцией 59

Белова Т. В., Белов А. М., Рабочие Большой Костромской льняной мануфактуры в годы Первой мировой войны..... 60

Новичкова Н. Ю. Вклад купечества в благоустройство и обеспечение пожарной безопасности в провинциальных городах во второй половине XIX в. 64

Иванцов Д. С., Чугунов Е. А. БКЛМ: из истории просветительской деятельности на предприятии 68

Баранов А. Н. Интеллигенция в общественно-политической, благотворительной и просветительской деятельности Костромской губернии в начале XX века 75

Раздел IV.

Династия Третьяковых в кругу предпринимателей текстильной промышленности 85

Кузнецова О. А. Досуг и увлечения предпринимателей городов Верхней Волги (конец XIX-начало XX вв.)	86	
Резепин П. П. Некрополь БКЛМ	91	
Глиф И. Х., Резепин П. П. Из деловой переписки совладельцев Костромской льняной мануфактуры С. Н. Третьякова и В. А. Шевалдышева	95	
Раздел V.		
Династия Третьяковых и традиции благотворительности и меценатства в среде российских фабрикантов и заводчиков		103
Волкова Е. Ю. Особенности предпринимательской и благотворительной деятельности женщин Костромского края в XIX веке	104	
Григорьев А. И. Влияние голода в Поволжье 1921–1922 гг. на положение рабочих текстильной промышленности	108	
Сизинцева Л. И. «...Чтобы нажитое от общества вернулось бы также обществу (народу)...»	113	
Евстратова А. И. Роль частной благотворительной инициативы и общественных организаций в развитии народного просвещения в середине XIX – начале XX веков	117	
Панкратова О. Б. Явление российского предпринимательства – историографический аспект	122	
Попов С. Ф., Колесник А. Ю. Благотворительность и меценатство как явления русской истории	128	
Хасанова И. В., Клементьев Г. Ф. Портрет российского предпринимателя ..	134	
Приложение		
Горохова О. В. Библиофилы Шевалдышевы. (Их книги в КОУНБ и ГАКО) ..	139	
Библиография		
Басова Н. Ф. Братья Третьяковы и Костромской край (обзор книжной выставки)	148	
Содержание	159	